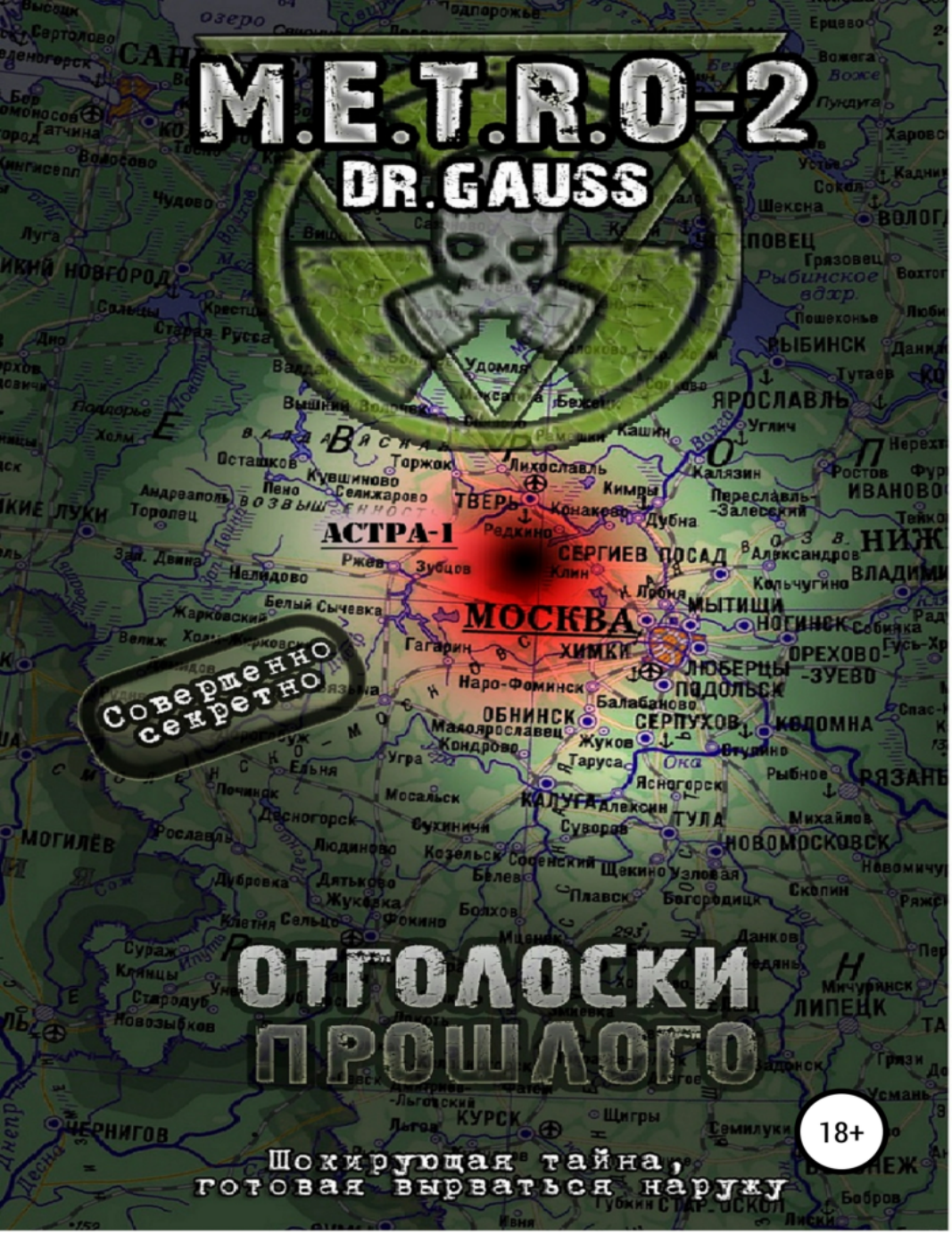
M.E.T.R.O-2
DR.GAUSS
Совершенно секретно
АСТРА-1
МОСКВА
ОТГОЛОСКИ ПРОШЛОГО
18+
Шокирующая тайна, готовая вырваться наружу

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В руки молодых активистов случайно попадает дневник сомнительного профессора, в котором они находят упоминания о законсервированном ракетном комплексе Министерства Обороны СССР и о легендарном “Метро – 2”. После недолгих раздумий, они отправляются в путь. Несколько часов непримечательных блужданий по лесной чаще и судьба приводит их к хорошо спрятанным руинам. Возможно, это то, что они искали. Любопытство побеждает осторожность, группа находит спуск вниз… Никто даже представить не мог, что ждет их там. Шокирующая тайна, готовая вырваться наружу…

•

Огонь все исправит
Огонь все излечит
Знай, умирая, что станет легче…
“Morguenstern” Машина смерти.

Пролог.

Стрельба гремела совсем рядом – в соседнем туннеле. Обороняться было уже бессмысленно. Безумие достигло предела.

– Командир! Что нам теперь делать? Почти все погибли.

– Приказываю покинуть полигон. Придется бросить источник воздействия, им его ни за что не взять под контроль. Возможно, позже вернемся…

– Но как же…

– Зимин и Лаптев не остановятся ни перед чем, лишь бы уничтожить нас. Ими руководит только страх. План – это уже прошлое. Сколько людей уже погибло, а они все никак не успокоятся. Но умирать здесь я не намерен…

– Куда нам бежать? До гермоворот нам не добраться…

– И не нужно. Обратно, тем же путем, каким пришли. Через метромост… А там до ракетного комплекса рукой подать.

– Догонят же!

– Взорвем метромост. У нас еще остался динамит…

У самого выхода показался высокий человек в черной форме, с капитанскими погонами.

Шестеро последних уцелевших солдат, еще успели загрузиться на единственный уцелевший транспорт. Дрезина рванула вперед.

Лишь оранжевые искры брызнули из-под стальных колес…

Глава 1. Турнир.

В центре старой площадки, построенной еще в Советском Союзе, находился длинный бетонный карниз, сплошь усыпанный мелким щебнем, пылью, обломками штукатурки и другим строительным мусором, вперемешку с недавно выпавшим снегом. Карниз, длиной около пятнадцати метров и высотой не более метра, позволял использовать его как вполне сносное укрытие.

Левее карниза, в десятке метров, доживало последние годы старое глиняное здание, с почти обрушившимся чердаком. Напротив него размещалось еще одно ветхое сооружение – распилочный цех, не так давно покинутый последними, еще не до конца спившимися рабочими. Его состояние, как и других, также оставляло желать лучшего. По периметру цех окружали многочисленные мелкие производственные постройки. Казалось бы, эта территория была абсолютно безлюдной и не заслуживала хоть какого-нибудь интереса, но поверьте, это заблуждение.

Где-то за серым холмом раздался шум с остервенением ломаемых кустов. Через минуту показался и его источник. На поляну выскочила тройка людей с оружием в руках, облаченных в белые маскировочные костюмы. Один прикрывал спину другого, перемещались они быстро, осторожно и слаженно, изредка подавая друг другу знаки руками. Действовали они умело, ни на секунду не теряя окружающее пространство из вида.

Добравшись до лесопилки, один остался у карниза, а двое других отправились ко второму контрольно-пропускному пункту. У всех троих на спинах отчетливо различимы зеленые метки, верный признак того, что это бойцы *“Аллигатора”*. Они быстро пересекли площадку и скрылись за группой заснеженных кустов на севере. Оставшийся человек, осторожно, постоянно осматриваясь, вошел в глиняное здание. В течении десяти минут не было абсолютно никакого движения, лишь где-то в районе водокачки звучала стрекотня винтовок.

В восьмикратном прицеле показалась фигура еще одного человека, одетого в такой же белый маскировочный костюм, как и у тех, что прошли здесь ранее. На спине у него отчетливо различалась метка в виде двух черных скрещенных ножей. В руках же он держал ствол последней модели *“Grom – X520”*. Человек медленно перемещался между укрытиями, то и дело, посматривая на экран ПДА. Голова была скрыта капюшоном, поэтому лица его я не увидел. Мне было плевать, кто находился сейчас у меня в прицеле. Это – противник, однозначно, метка на спине говорит сама за себя. И хотя по правилам нам не сообщили, сколько команд участвует, я приблизительно догадывался о количестве участников. Задержав дыхание, я начал

отсчитывать последние мгновения. На лбу, уже в который раз, выступил холодный пот. Мышца на указательном пальце была готова сократиться по молниеносной команде. Еще немного и у меня будет первый фраг, но не тут, то было. Меня банально опередили.

Человек в маскировочном комбинезоне, видимо заметив противника, дернулся в сторону карниза, но не успел сделать и трех шагов. За его спиной раздались хлопки, а на белой ткани униформы показались красные пятна. Человек выронил ствол и упал. От неожиданности я едва не вдавил курок своей винтовки. Из глиняной постройки выскочил затаившийся *“Аллигатор”* и тут же открыл беспорядочную стрельбу по чердаку постройки. Но невидимый противник, поразивший свою жертву, словно испарился. Площадка была чиста, и лишь посреди неподвижно лежал человек. Второй, опустившись на колено, стоял рядом, водя стволом винтовки из стороны в сторону. Сделав пару коротких, бесполезных очередей, он хотел вернуться обратно в сарай, но именно в этот момент его грудь попала в мой прицел.

В целом, крыша, на которой я находился, вовсе не была идеальным местом для наблюдения за местностью, просто мне элементарно не хватило времени добежать до назначенного места. Свой ПДА я выронил еще возле первого контрольно-пропускного пункта, застигнутый врасплох неизвестно откуда взявшимся *“Черным Мстителем”*. Открыв по мне огонь сразу из двух стволов, он тем самым оставил меня не только без связи, но и без карты вообще. Повезло, что я вовремя среагировал. Скатившись по снегу в какую-то канаву и съехав на пятой точке вниз с холма, я бросился бежать. Быстро перегруппировавшись, я успел нырнуть за росший под холмом куст снежного терновника. *“Мститель”* похоже, искать меня не особо торопился. Пролежав под кустом еще с пару минут, я осторожно пополз к росшей в пятидесяти метрах небольшой группе заснеженных деревьев. Миновав рощу, я и наткнулся на эту лесопилку. Быстро взобравшись по старой лестнице, при этом неосторожно набрав за шиворот холодного и противного снега. На крыше-то я и решил приостановиться и оглядеть прилегающую территорию.

После короткой очереди хлопков снизу, оттуда больше никаких звуков не доносилось. Похоже, неуловимый противник сбежал, не посчитав нужным доделать начатую работу.

С неба снова посыпал густой, мокрый снег, с каждой минутой становясь все плотнее. С одной стороны положительный эффект – скрывал от посторонних глаз, с другой отрицательный – у меня в руках был снайперский шаромет, что при такой погоде сводило меткость стрельбы на минимум. Покинуть крышу было бы

разумнее всего, так как отыскать меня среди сугробов снега было очень не просто, а вот на крыше меня вполне мог найти какой-нибудь любитель укромных мест. Но тут-то все и началось, все-таки заставив меня начать решительные действия. Стоило мне нажать на курок, как человек в прицеле, за долю секунды до выстрела, резко дернулся в сторону, и красный шар пролетел над его плечом. Быстрой рысью, противник проскочил мимо распилочного цеха и скатился в глубокую снежную канаву. В следующую секунду из кустов, высунулся ствол, а затем в мою сторону устремилось полдесятка желтых шаров. Разлетелась во все стороны трухлявая, давно рассохшаяся древесина, измазанная желтой краской. Я снова поймал в прицел кусты и трижды вдавил курок. Шары накрыли куст по касательной. Через пару секунд оттуда высунулась рука с рваными красными отметинами. Следом показалась и голова. Еще одна красная метка была в районе шеи. Но в следующую секунду на его груди появилось еще пара пятен. Он упал.

Черт! Стрелял не я. Значит, здесь все еще находился тот самый невидимка. С десяток секунд я соображал, предпринимая очередное решение. Оставался только один выход – покинуть место снайпера. Едва я решился оставить крышу, как в мой затылок уперлось что-то твердое и холодное.

– Оп! – тихо произнес хриплый голос позади меня.

От неожиданности я резко дернулся, ударившись головой о трухлявую балку.

– Спокойно. Не суетись. – Голос прозвучал чуть громче, но не менее настойчиво.

Я молчал. Дуло шаромета медленно поползло по моему затылку. Вообще-то так запрещено. Близкий контакт – не менее пяти метров. А тут…

– Ха, ха да ладно, Макс! Свои! – весело ухмыльнулся тот же голос, и, ухватив меня за плечо, резко развернул.

Передо мной оказалось лицо Андрея Мазура, облаченное в защитную маску. У него, как и у меня был белый комбинезон, с красными полосами на спине. Это являлось отличительным признаком того, что мы из одной команды. В руке он держал ствол какой-то новой модели, недавно вышедший в продажу. Андрюха любовно называл его *“малыш феликс”*. Его магазин был доверху засыпан красными шарами. И как я сразу не догадался, ведь только шарометы нашей группы были заряжены красной краской, а я еще волновался по поводу таинственного невидимки, которым оказался мой товарищ.

– Ты как тут оказался? – удивленно спросил я.

– Черные загнали. А затем, в поле,

на *“Аллигаторов”* наткнулся. Вот меня и занесло на лесопилку. – Андрюха достал из кармана свой КПК, удовлетворенно хмыкнул, и убрал обратно. – Четверо еще. А тебя как сюда занесло? Ты ж на водокачку должен был отправиться.

– И я на *“Мстителя”* наткнулся. Да еще на какого. С двумя стволами.

– Шутишь? Да с двумя стволами попробуй-ка, прицельсяся! Это ж для замкнутых коридоров и тесных пространств самое то. – Андрюха достал сигарету и, чиркнув зажигалкой, закурил.

В группе *“Мстителей”* каждый раз был новый, совершенно непредсказуемый состав. В прошлый раз у них был минер, который умудрился самодельными растяжками, вывести из игры сразу восемнадцать человек, и это без единого выстрела. До этого был специалист по маскировке, который расставил патрули так, что все тропы перекрыли и половину команд срезали еще на разметке позиций. На этот раз безумец с двумя стволами в руках, хотя по идее такой тип вооружения вообще не имеет места в подобных играх.

Где-то неподалеку послышался плотный треск. КПК пикнул и тут же выдал цифру три. Рядом мигало две цветные метки – значит, в игре остались лишь две группы.

– О, как! – заметил Андрей, поспешно затушил сигарету и выглянул в пролом стены. Однако, вопреки ожиданиям, ничего там не увидел и быстро заскучал.

Через минуту снег повалил еще сильнее. Настало самое благоприятное время отправляться на водокачку, где мне, изначально, и положено было находиться. Андрюха уже спустился вниз, когда я краем глаза увидел в окне промелькнувшее белое, с темными отметинами, размытое пятно. Я подал знак и махнул рукой Андрею, изобразив наличие одной единицы противника. Тот мгновенно сообразил, в чем дело, опустил маску и бросился в сторону. Я тихо снял с плеча винтовку. Осторожно присел на колено. Откуда-то снизу раздался скрежет. Внезапно пол подо мной провалился с резким характерным хрустом. Поднялись клубы пыли. Посыпались куски глины, соломы и опилок. Я зацепился рукой за рассохшуюся балку и кое-как уперся ногами в заднюю стену, тем самым увернувшись от падения плашмя, повиснув в неестественной позе. Рядом со мной разлетелась в стороны черными брызгами пейнтбольная краска. Отпустив балку, я отпрыгнул в сторону, ударившись плечом о дверной косяк, при этом выронив винтовку. Она с лязгом рухнула куда-то вниз. Сбоку, из соседней комнаты, послышался хриплый смех. В проломе, среди клубов пыли, показался человек. Пинком отправив в его сторону старый картонный ящик с опилками, я

бросился на четвереньках в сторону ближайшего окна. По балкам и стенам снова защелкала краска. Поднявшись на ноги, я ударом локтя проломил внешнюю, наспех поставленную тут когда-то стенку из тонкого гнилого шифера. Под тяжестью моего тела она сорвалась с креплений и с грохотом обвалилась, подняв клубы пыли. Выкатившись на крышу, я спрыгнул на дощатую пристройку, а оттуда на землю. В два прыжка добрался до Т-образного карниза и подхватил винтовку, поверженного ранее Андрюхой *“Мстителя”*. Тот с недовольным лицом лежал на замерзшей земле, не без интереса глядя на мои действия. С крыши, за мной по пятам спрыгнул преследующий меня противник. Я узнал его. Это был тот самый не стандартный *"Черный",* с двумя стволами в руках, который оставил меня без КПК. Рукоятки его винтовок были сконструированы особым образом, что позволяло ему с легкостью управляться сразу обеими, без потери подвижности. Он весь был засыпан желтыми опилками – похоже, ящик достиг цели. Противник был в ярости, судя по его глазам, которые были хорошо видны через полупрозрачную защитную маску. Не раздумывая, я дернулся в сторону, откатившись за карниз. Он тут же открыл стрельбу. Защелкали по карнизу рвущиеся шары с краской. Расстояние мизерное – не более пятнадцати метров. Я выставил наружу ствол и нажал курок. Снова раздался смех. Черные шары полетели с другой стороны. Один шар угодил мне в колено, другой в правое плечо. А затем… Настала тишина. Стрельба прекратилась. Я выглянул наружу и с облегчением выдохнул: *“Мститель”* стоял в центре, держа обе руки за спиной, а стволы лежали на заснеженном парапете. Согласно правилам, в игре можно было победить либо, пометив противника не менее трех раз, либо нанести одно смертельное попадание в шею, грудь или голову, либо заставив его сдаться. Близкие огневые контакты, как и рукопашные, были запрещены. Андрюха стоял позади него, держа его на прицеле.

– Да твою ж налево! Сдаюсь, сдаюсь. – с досадой пробурчал пленный.

– Цел? – окликнул меня напарник, не сводя глаз с противника.

– Почти. – Кивнул я, отряхиваясь от налипшего снега.

Андрюха усмехнулся и убрал ствол. КПК пискнул. На дисплее высветилась цифра два. Это означало, что противников не осталось, тем самым говоря о победе нашей команды. Напарник вытащил из рюкзака сигнальную ракетницу и выстрелил в небо. Яркая красная вспышка, взлетевшая в серое зимнее небо, свидетельствовала о том, что пейнтбольная игра на восточной

локации завершилась в пользу нашей команды *“Red Devil”*. И словно в подтверждение, по заснеженной местности прокатился усиленный электроникой голос координатора: – А вот и окончание матча! Отличная работа, парни. Команда *“Дьяволов”* победила. Что ж, борьба была непростой. Всем участникам, собраться на третьем контрольно-пропускном пункте. Повторяю, на третьем КПП. Всем спасибо, на сегодня игры закончены!

После этих слов, все поверженные участники, наконец, получили возможность подняться с холодной земли и двинуться к КПП. Правила обязывали помеченных краской оставаться на месте либо до окончания боя в месте стычки, либо до прибытия спасателей. Последние, как правило, не особо торопились.

– Вот это дело! Вот это я понимаю! – фыркнул Андрюха, закидывая рюкзак на спину.

– Эй, дьяволы! Хорошая работа! – окликнул нас один из меченых.

– Удача на вашей стороне.

– Спасибо! Парни, в следующий раз вам повезет!

– Ну что, Макс, двигаем на КПП? Домой хочу ужасно. Сейчас бы кружку горячего шоколада, гамбургер и спать. – Мечтательно произнес Андрюха. – Трое суток почти без сна!

– Поддерживаю! – устало зевнул я.

И действительно, прошло уже почти три дня, как начался грандиозный пейнтбольный матч. Это было масштабное и долгожданное событие, на подготовку которого ушел не один месяц. Всего здесь участвовало более сорока команд, не только из России, но и всего бывшего СССР. Даже американцы решили выпендриться и тоже не поленились приехать на турнир. Сегодня восточная локация была наша, но оставался еще последний бой между шестью лучшими командами, однако он был назначен лишь на конец следующего месяца, ведь это мероприятие требовало максимальной подготовки, как от организаторов, так и от участников.

До КПП добрались минут за десять, благо теперь не приходилось с осторожностью ползать среди снежных сугробов, дабы не угодить под прицел противника. Сюда со всех сторон собирались участники, практически все раскрашенные яркой, разноцветной краской. Некоторые были в отвратительном настроении, другие наоборот подшучивали и делились впечатлениями. Даже по самым грубым подсчетам, я с уверенностью мог сказать, что тут собралось около двухсот человек. А может и больше.

После короткого, но утомительного и скучного брифинга в

центральном ангаре, мы, наконец, собрали наши вещи, и отправились к автостоянке. Уже через час, довольные, но вымотанные до предела – мчали домой.

Глава 2. Странный профессор

На следующий день я проснулся, и со стоном, едва ли не сполз со своей кровати. Все тело жутко болело, что впрочем, было неудивительно, после таких-то экстремальных каникул. Казалось бы, еще чуть-чуть и ноги сами по себе отвалятся. С трудом усевшись на кровати, я почувствовал, что стало чуть легче. А судя по завываниям желудка, я удостоверился, что еще и серьезно голоден. Недовольно пробурчав что-то под нос, я вспомнил, что Маринка уже давно уехала на практику, поэтому последние две недели, я готовил себе сам завтрак, обед и ужин.

Маринкой звали мою соседку по квартире, с которой мы ее вместе и снимали. Вот почему когда ее нет, она так нужна и наоборот? Закон подлых недоразумений, не иначе. Однако сидеть и думать о том, что кто-нибудь сжалится, приедет и покормит бедного студента – было глупо.

Добравшись до кухни, я поставил чайник на печку, предвкушая ароматный утренний кофе. Благо этот продукт у меня не заканчивался никогда. Выглянув в окно, я счел, что погода вполне хороша для середины ноября в Москве. Я жил в двухкомнатной квартире, на одиннадцатом этаже, что позволяло мне всегда быть в курсе погоды за окном. Грязно-белое снежное полотно простиралось до самого горизонта, а осеннее солнце уже начало слегка разогревать висевшие под окном сосульки. Однако наличия нещадного мороза я не заметил, равно как и сильного ветра тоже.

Засвистел чайник, словно напоминая о желании насладиться свежим, ароматным кофе. В холодильнике было почти пусто, что навело меня на мысль запастись продуктами. Желательно сегодня. Кофе пришлось пить лишь с найденными в шкафу уже далеко не свежими пончиками. Впрочем, у студентов все не как у людей, так что мне не привыкать. Да и не все ли равно, что употреблять, когда донимает голод? Одинаково вкусна и красная икра и позавчерашний бутерброд.

На глаза попалось висящее на стене расписание учебных занятий прошлого семестра, с моими собственными пометками. Я учился на пятом курсе, и уже заканчивал учебу, готовясь, стать многообещающим специалистом по экстремальному туризму.

Посмотрел на часы и занервничал. Мне необходимо было собираться в университет. Сегодняшний день на календаре был помечен красной меткой, что было для меня важно. Еще несколько месяцев назад нам сообщили, что из Украины

приезжает какой-то известный профессор, якобы для того, чтобы набрать группу практикантов. Хотя больше считали, что он приезжает искать себе спонсоров, а вовсе не для практических занятий с бестолковыми студентами. О профессоре, в общем-то, никто ничего плохого не говорил, но большая часть преподавателей относилась к нему, мягко говоря, небрежно. Он, по слухам, занимался какими-то исследованиями в Советском Союзе, а также поисками сверхъестественного по всей Европе, сначала в горах Норвегии, затем в восточной Германии, а в середине двухтысячных вернулся в Россию.

Нам сообщили, что это отличная возможность набраться опыта, как говориться в полевых условиях. Но вдруг, за несколько дней до приезда, профессор уклончиво дал понять, что никого набирать не будет, а лишь представит результаты своей работы и ответит на определенное количество вопросов. Разумеется, после такого заявления желающих несколько поубавилось.

Покончив с кофе и отправив оставшиеся пончики в мусорное ведро, я отправился на поиски чистой одежды. Как же мы все-таки зависим от наших девушек, даже неприлично как-то получается. Хотя почему-то об этом вспоминаешь только тогда, когда тебе чего-то не хватает с их стороны, вплоть до самого обыкновенного завтрака. Но с другой стороны, есть ведь праздник восьмое марта, время радовать девушек и радоваться самому. Я, как и большинство других парней, считал, что этого дня им вполне достаточно, а точнее – я просто никогда не задумывался по этому поводу. О, да простит женская половина человечества мое кощунство. Из-за этого же, кстати, постоянно устраивала дискуссии Маринка, пораженная такой обидной участью. Я частенько бывал козлом, придурком и скотиной. С ее слов разумеется.

Одежду я нашел и довольно быстро, учитывая царивший в моей комнате полный бедлам. Наскоро одевшись, я захватил мобильник, и отправился вниз по лестнице. По дороге меня подобрал мой сокурсник Дмитрий, который следовал в университет с той же целью что и я. Парень был заядлым бабником и гулякой. Он уже закончил службу на военной кафедре, и в знак этого мажорный отчим подарил ему новенький “Nissan Qashqai”. Именно на нем Димка с друзьями и рассекал по городу в поисках экземпляров прекрасного пола. Но это происходило в обычное, не учебное время и преимущественно по ночам.

Через двадцать минут мы уже искали место на университетской парковке, что было далеко не так просто, как могло показаться с первого взгляда. Парковка была битком забита

транспортом всевозможного типа. В принципе тут всегда так, событие не из ряда вон выходящее. Но сегодня особенно – просто не протолкнуться! Бесцеремонно въехав на свободное место какого-то преподавателя, Димка наигранно удивленно фыркнул: – Как будто для нас оставили!

Едва пробравшись через главные университетские входные двери, я рот открыл от удивления. Весь большой холл и центральное фойе битком были забиты студентами разных курсов, журналистами, преподавателями, да и просто любопытными прохожими. Буквально яблоку негде было упасть. Охрана университета бестолково топталась по коридорам, с трудом сохраняя спокойствие.

В самом начале огромного фойе, стояла небольшая сцена, на которой уже красовалась вся необходимая аудио и проекционная техника, а также груда блестящих ящиков с другим оборудованием. Там же, на сцене, находилась толпа каких-то рабочих в белых халатах. Они то и дело перебегали от одного ящика к другому, перетаскивали кабеля и коробки. Что они там рассматривали, отсюда было не видно, да нас, собственно это не особо и волновало. Всему свое время, как нас учили. Похоже, профессор прибыл сюда не один, а в составе своей археологической группы. Это еще, интересно, зачем?!

Быстро отыскав своих, я уже хотел было выдать пару шуток по поводу всего этого человеческого муравейника, но вовремя удержался.

Серега с усердием доедал купленный где-то в университетской столовой разваливающийся на части гамбургер. Андрей что-то упорно доказывал какому-то ботанику из соседней группы, жестикулируя руками и постоянно толкая того в плечо. Ботаник же в свою очередь явно нервничал, изредка что-то невнятно бормотал, но, похоже, претензий не имел. Паша и Антон, братья-близнецы, тупо рассматривали окружающих, иногда о чем-то переговариваясь.

– Эй, народ. Как оно? – обратился я к товарищам.

– Сойдет, – кое-как промычал Серега, едва справляясь с едой. – Сам-то как?

Я кивнул, и хотел было уже рассказать про активно проведенные выходные, но тут как раз ботаник, которого прессовал Андрей, не выдержал и истерично, с кулаками бросился на противника. Тот легко оттолкнул его в сторону, отчего ботаник растянулся на полу, растолкав группу девчонок с физмата. Получив от одной из них смачную затрещину, ботаник совсем скис, позеленел, затем кое-как поднялся и, вытирая сопли, бросился к выходу, по пути подбирая книги.

Толпа на входе немного поредела, стараясь пробраться поближе к центральной сцене. Многие даже не знали о последнем сообщении от профессора, а потому старались подобраться поближе, в ожидании какого-нибудь бесплатного чуда.

– Андрюха, ты опять за свое? – спросил я, пожимая ему руку.

– Не, ну а что? Эти дятлы, юмора совсем не понимают.

– И ты решил им помочь? Ты в курсе, что им твои методы совсем не понятны?

– Угу. Но мне до лампочки. – Андрюха весело ухмыльнулся, а затем обратился к Сереге. – Серый, дай укусить, а?

– Нет!

– Жмот! – фыркнул Андрей, а увидев группу девчонок с третьего курса, тут же переключился, забыв о гамбургере. – О! Я сейчас!

– Бабник!

– Да если бы. Это он хорохорится! – улыбнулся подошедший Дмитрий, с книгой в руках.

Мимо, умело лавируя между людьми, прошествовал высокий человек в синем парадном костюме, едва заметно прихрамывая и опираясь на блестящую хромированную трость. На вид ему было около шестидесяти, но его физическая форма была в весьма неплохом состоянии.

Он незаметно быстро, но оценивающе посмотрел на нас бесцветными глазами, окинул с ног до головы взглядом, ухмыльнулся и прошествовал дальше по коридору. Следом за ним проскочила пара тощих лаборантов с кипами бумаги. Похоже, на его появление никто не обратил особого внимания. Да и я сам, если бы просто не смотрел в ту же сторону, даже и не заметил бы его.

– Макс! Что будешь делать после этого семинара? – Серега оказался совсем рядом, неожиданно хлопнув меня по плечу.

– Да в Ашан собирался. Надо бы продуктов закупить. Маринка уехала, причем надолго, ну а я остался на собственном обеспечении.

– А, ясно. Ну да, это дело нужное. А вечером?

– Есть предложения?

– Наши ребята, с Кутузовского, пати планируют. Давай к нам? Андрюху тоже зови. А?

– Почему бы и нет? – идея мне не особо понравилась, но и торчать дома я не собирался. Да и ребят с Кутузовского я не особо уважал – любили они дешевым алкоголем побаловаться. Крепким. И некачественным.

– Отлично!

Шум и гул нарастал, люди все прибывали и прибывали, вот

только помещение не становилось больше. Наконец, через двадцать минут на сцену поднялся ректор университета, и быстро потребовав тишины, терпеливо дождался ее становления. Затем, поприветствовав собравшихся, пригласил на сцену долгожданного таинственного гостя. Им и оказался тот самый человек, встретившийся нам в коридоре. Он довольно шустро взобрался на сцену, и сухо покашляв, подошел к микрофону.

– Ну, привет! – крикнул кто-то из толпы раньше времени, явно пытаясь пошутить.

– И вам того же. – С некоторым акцентом прокряхтел человек, на удивление, расслышав шуточное обращение. – Меня зовут Вильгельм Штрасс. Да, да я частично немец по происхождению, но родился и большую часть жизни провел в Советском Союзе. Но, надеюсь, расизмом никто не страдает, нет?

Толпа студентов и преподавателей рассеянно заулыбалась, а немец невозмутимо продолжил.

– Сегодня я здесь, чтобы рассказать вам о том, чем я занимаюсь вот уже почти сорок лет. Прошу учесть, если не все будет понятно, я обязательно отвечу на ваши вопросы после нашей беседы. Именно после.

Далее последовала нудная и не особо интересная болтовня о своих достижениях и находках. Он рассказывал о туннелях, разрушенных катакомбах, руинах, брошенных зданиях древности, закрытых и законсервированных объектах. Рассказывал про исследования в разных точках мира. Поначалу было интересно, однако всем быстро наскучило, ибо все было довольно монотонно и однообразно. В течении первого получаса большая часть студентов свалила по своим делам, и лишь немногие все еще пытались проявлять интерес. В конце концов, прозвучала долгожданная фраза:

– Вот, пожалуй, и все, что я хотел вам рассказать. Я, конечно, понимаю, археология и спелеология в вашем университете не первостепенное направление, но все-таки. Я уверен, найдутся те, кому мои работы будут интересны. Я знаю, все рассказанное сейчас – туманно и несколько запутанно. Но это лишь в общих чертах. А вот в моем учебнике…

Далее мы перестали слушать, разочарованно удалившись от сцены. Да, не того мы ожидали. Совсем не того. Мало того, что это светило науки не захотело набирать себе студентов. Этот профессор даже не оставил университету подарка. Обычно, гости ВУЗа оставляют что-либо в центральном музее, будь то остатки памятника, осколки античной посуды, древнего оружия или доспехов. Этот же вообще ничего не оставил, хотя его лаборанты демонстрировали довольно интересное содержимое серебряных

ящиков.

Закончив болтать, профессор, сухо улыбнувшись, чуть надменно пожал руку нашему ректору и неторопливо удалился со сцены.

– А сколько ожиданий-то было… – нечто схожее слышалось со всех сторон.

– Да уж, не того я ожидал. Как то скучно совсем. – Серега махнул рукой в сторону едва видневшейся сцены. – Ну, раз все закончилось… У кого какие планы на сегодня?

– В Магдак бы. – Мечтательно протянул Андрюха, вспоминая, что не прочь перекусить.

– Макс, там Миша Колосов обещал новые комбинезоны привезти на склад. Ну, так сказать, поюзать. – вспомнил Дима. – Посмотрим, вдруг уже?

– Как вариант. – Отозвался я, поглядывая на часы и спешно соображая, когда же собираться за продуктами ехать?

– Тогда подождем, пока вся эта толпа рассосется, а потом поедем, перекусим и на склад. Все равно раньше со стоянки не выберемся.

Андрюха устроился на лавке, собираясь вздремнуть. Ночь он провел явно не в своей кровати. Даже, несмотря на прошедший турнир и дикую усталость. Наверное, опять на энергетики подсел.

Еще минут двадцать, и мероприятие выступления профессора сошло на нет, а оставшаяся толпа зрителей, вяло разошлась по своим делам. Проходя мимо нашей, откровенно скучающей группы, старый профессор вдруг остановился и с интересом уставился на задремавшего на лавочке Андрюху. Точнее даже не на него, а на книгу в его руках. Книга о московском метрополитене, которую тот отобрал у кого-то из ботаников первого курса.

– Здравствуйте молодые люди. – Произнес он, подойдя ближе. Его голос был сухим, но сильным и резким, совершенно не соответствующим старому человеку.

– И вам доброго дня. – Оторопев, произнес я, толкая Андрюху в бок.

Парень от неожиданности подскочил, и выронил книгу, которую профессор неожиданно ловко поймал.

– Я смотрю, вы интересуетесь Московским метро? – рассматривая книгу, произнес профессор. – Интересно?

–Да, не то чтобы… Еще не читал толком. – Растерявшись, соврал Андрей, только сейчас заметив, что именно он одержал в руках.

– Хм, тайны Московского метрополитена? Занятно. А знаете, там ведь тоже есть достаточно тайн… Весьма опасных!

– Да какие там тайны? Всем все давным-давно известно. – Фыркнул Димка, небрежно махнув рукой.

– Вот не скажите. Там есть много чего не предназначенного для простых глаз. Я в середине восьмидесятых бывал там. Причем на секретном, закрытом строящемся объекте. Возможно, он и сейчас засекречен. Вам это интересно?

– Пожалуй, что да. Мы экстремалы. Занимаемся активным спортом. Ну, горы, пещеры, катакомбы, брошенные здания. Понимаете? – осторожно, подбирая слова, произнес Серега.

– Разумеется. Любители посетить места, где когда-то активно присутствовал человек? Ну, что тут сказать? Хорошее занятие.

– Активный спорт. – поправил я. – А что до метро, так вы наверное про легендарное

“Метро – 2”?

– Что, простите?

– “Метро– 2”! Ну, знаете, под основным Московским метрополитеном есть еще одно – засекреченное. Метро с целой сетью правительственных бункеров, складов, шахт и туннелей. Разных закрытых полигонов, секретных лабораторий и бункеров.

– Надо же. – Криво улыбнулся старик. – Интересно, интересно. Продолжайте.

– Это все сказки. – Фыркнул вмешавшийся Андрей.

– Сказки? Ну, не скажите. Вы-то откуда знаете?

– Диггеры рассказывали! Те, что ходят по необитаемым туннелям метро. Брошенным катакомбам, законсервированным станциям.

– А! Эти-то. Слышал, слышал! – недовольно махнул рукой профессор. – Вечно все разворачивают так, что и не знаешь, где, правда, а где вымысел.

– Вот-вот. Это уж точно.

– А я там лично бывал! Еще тогда, когда его только строили! Секретов там предостаточно, уж поверьте! Вот! – при этих словах профессор вытащил из внутреннего кармана пиджака толстый дневник, с выпирающими вразнобой страницами.

– Дневник? – переспросил Андрюха, удивленно подняв брови. – Или сборник страшных историй?

– Молодой человек, не язвите. Разумеется, это дневник. Я вел его, когда бывал на одном из секретных объектов. Такого там насмотрелся… – при этих словах его заметно передернуло. – Так что не рассказывайте мне тут про сказки! – пробурчал старик, блеснув глазами.

– Дадите посмотреть?

– Разумеется, нет! Ваше метро хранит множество тайн, одна из которых тут! И не стоит ковыряться в его секретах, уж

поверьте!

– Чушь! – усмехнулся Серега, косясь на дневник. – Нет там внизу ничего, и не было!

Это заметно возмутило старого профессора.

– Молодой человек! Ты… Простите, вы совершенно не сдержаны… – при этих словах, он покраснел, затем нервно попытался засунуть дневник обратно в карман пиджака, но у него ничего не получилось. Тот упорно не желал лезть в карман. Тогда старик торопливо раскрыл свой чемодан, бросил его туда, сразу же захлопнув. А затем что-то пробурчал себе под нос, и быстро развернувшись, направился к ближайшему коридору.

– Серега! Эх ты, обидел светило науки! – сдерживая смех, сказал Андрей, качая головой. – Он же профессор!

– Ничего страшного. Пенсия уже, а все про секреты рассказывает. Сказочник блин, недоделанный. Что он может знать-то?! Я множество сайтов и форумов перерыл, многих диггеров знаю. Книг кучу прочитал, журналов, статей в газетах. Нет там ничего секретного. Туннели – да, станции закрытые – да. Может, что-то и планировали, но достроено ничего не было.

– Ладно, ладно. Успокойся.

– И чего он вообще к нам подошел?

– Книгу у Андрюхи увидел, вот и заинтересовался.

– Видимо, больная тема для старика! Хотел нас заинтриговать, а в итоге сам обиделся.

– Так, а где Андрюха?

– Только что был тут. Кто его видел?

Возникла неловкая пауза.

– В туалет побежал. Живот прихватило. – Вдруг тихо проскрипел ботаник, которого донимал Андрей, перед выступлением профессора. Все это время тот прятался за нашими спинами, надеясь вернуть свою книгу о метро.

– Твоя книжка? – спросил Сергей, показав ему книгу.

– Моя!

– Держи! И шагай отсюда.

– А можно я…

– Нет! – перебил его Сергей. – Топай!

Ботаник, кое-как поймав ее, не без досады, бросился прочь.

– Что тут скажешь – отшельник, замкнутый индивид социального общества.

– Да все равно. Таких полно!

Мы двинулись к выходу, когда нас вдруг догнал недавно пропавший Андрей.

– О, объявился! Ты где был? – удивился Димка.

– Смотрите! – отмахнулся довольный парень и вместо ответа

вытащил из-под футболки потрепанную толстую книжку.

– Это же… Дневник профессора. Ты что, его украл?

– Ну, не совсем. Так, взял почитать. Без срока возврата. – Уклончиво произнес Андрей, ухмыляясь.

– Вот ты кадр! Зачем, блин?

– В смысле зачем? Макс, ты его реакцию видел? Да его всего аж передернуло, когда мы ему не поверили. А вдруг старик и впрямь что-то знает? Вот и посмотрим, что в этом дневнике такого секретного, чего так боится старик! Ну а если нечего сами не найдем, так дневник можно диггерам продать потом.

– Не самая лучшая идея! Надеюсь, он не заметил, что это ты дневник стащил?

– Нет! Он в туалете чемодан на подоконнике оставил. Пока он там, в кабинке ругался сам с собой и тараканов гонял, я чемодан без особых проблем и открыл. Ну и вот!

– А лаборанты его?

– А что лаборанты? Они вообще у женского туалета застряли. Их там пятикурсницы окружили.

– Ну, Андрюха, ну жук! Но, молодец. Если честно, то мне тоже интересно, что же там скрывает профессор? А ну, дай-ка.

Дмитрий прокрутил в руках толстый дневник, усмехнулся и расстегнул потрепанную обложку. Внутри в разнобой торчали неровные страницы, записки, старые фотографии, чертежи и планы. А в самом конце, под обложку была аккуратно вложена старая мятая карта.

– О! Карта?

– Угу. Ну, посмотрим, что тут у нас! – Димка развернул ее и после паузы, выразительно присвистнул.

– Что? Что там?

Прошло секунд сорок. Парень, оторвавшись от дневника, поднял голову и произнес:

– Знаете что, времени до следующего турнира достаточно много и я, кажется, знаю, куда мы отправимся…

Глава 3. Точка отсчета

– Неважно выглядишь. – Заметил Серега, протягивая мне почти полную бутылку холодной минеральной воды. – Болеешь?

– Да и не мудрено! – скривившись, пробормотал я, прикладываясь к бутылке.

Накануне вечером мы хорошенько погудели в баре, в компании ребят с Кутузовского. Как и говорил Серега, вечер удался. Перепробовав более десятка сортов крафтового авторского пива, мы устроили неплохой авторейд по ночной Москве. А, в конце концов, ближе к утру все разъехались по домам.

Но уже после одиннадцати, ближе к обеду, тарабаня в дверь, ко мне ввалился возбужденный растрепанный Серега, весь на энтузиазме с кучей вопросов и предложений. Однако, увидев мое состояние, он чуть остудил пыл.

– Ты сам-то хоть выспался, вредитель? – спросил я, ощупывая больную голову. – Голова трещит. Или мне кажется?

– Нормально все. Мне много не надо. Ну, так что мы вчера решили-то?

– Ты о дневнике профессора?

– Конечно о нем!

– Димка дневником занимался. У него же он и остался.

– Предлагаешь собраться у него, и под шашлычок решать, что делать дальше?

– Во! В точку!

– Но все-таки… Может, для начала… Выдернем со скалодрома Катюху, соберем шмотки, снаряжение и припасы? В идеале, если новые костюмы пришли, можем и их захватить.

– Хорошо бы прежде разведать, что за местность в том районе. Значит, нужна навигация.

– Нет, так дело не пойдет. Надо определенно Димке звонить, карта и дневник у него. Зуб даю, он даже дома еще не был, а дневник и не читал толком. Опять где-то с бабами в клубах развлекался. Бабник. – Фыркнул Серега.

Еще полчаса понадобилось мне, чтобы привести в порядок свою гудящую голову, выпить кофе и одеться. А к двенадцати, с трудом созвонившись с Дмитрием, мы узнали, что дневник он все-таки открывал.

– Тридцать километров?– удивился Андрюха, после тщательного осмотра карты. – Нет, ну я ожидал, что это место где-то в городе. Метрополитен ведь за городом тоже проходит? Или я не прав?

– Проходит! Оно гораздо больше, чем то, что изображено на карте метро. Там много недостроенных или брошенных веток и куда их рассчитывали вести строители, одному богу известно. Да и вообще, помимо самого метро, там множество древних туннелей и ходов. Я слышал, еще Иван Грозный помышлял создать большое подземное убежище со множеством входов и выходов. Может, то, что тут изображено, это и есть какая-то часть легендарного “Метро – 2”?

– Легендарное? Это чем же оно легендарное? То же самое метро, только уровнем ниже. Туннелей меньше, но они значительно больше и длиннее. Бункеров там полно. Диггеры, те, что поопытнее, там бывали. – Заявила Катюха, чуть задумавшись. Она хоть и не заядлый – полноценный диггер, но по необитаемым

туннелям метрополитена лазила неоднократно.– Есть возможности туда спуститься, правда, там очень опасно. Заблудиться легко. Грунтовые воды, обвалы и тому подобное.

– Кто их туда пускает?

– Никто. Сами лезут. Ты состояние нашего метро видел? Это только на проездных и центральных станциях порядок. А на тех, что не достроены, брошены или в аварийном состоянии? Там бомжи, преступники, сатанисты и бог весть кто еще. Администрация это дело почти не контролирует. Все запертые или законсервированные шахты рано или поздно взламывают. За ними почти никто не следит. Да, и еще есть станции – призраки.

– Так, стоп. Вот, про призраков – не надо. Нечего сюда мистику приплетать!

– Почему?

– Потому что это лишнее!

– Может быть. А вообще про ужасы метрополитена много слухов ходит.

– Вот именно – слухов. В подавляющем большинстве никак и ничем не подтвержденных! И путевые обходчики – жуткие убийцы, и призраки, и мутанты. Чего только в газетах не писали…

– Ладно. Как скажешь. Ну, что в дневнике сказано?

– Не знаю. Сам дневник я не читал. Я только на карту смотрел. – Признался Дмитрий. – Там, в принципе, понятно, куда нам надо.

– Ну, и куда же нам ехать-то?

– Тут в тридцати километрах, за городской чертой, в лесной чаще на западе есть законсервированный ракетный комплекс Министерства Обороны СССР. То есть был когда-то. И вот в нем…

– Погоди, как ты сказал? Ракетный комплекс? Законсервированный? – Серега неожиданно расхохотался. – Ракетный? И мы что, возьмем и просто приедем туда, с кучей нашего барахла? А нас там ФСБ ждет, да? Здравия желаю, граждане – пройдемте, да?

– Причем тут ФСБ?

– А ты думаешь, такие объекты бесконтрольно стоят себе и гниют, никем не охраняемые?

– Не знаю. Но на карте он помечен как брошенный.

– Ты хоть представляешь, о чем говоришь? Да такие объекты просто так не бросают! Это Министерство обороны, пусть и уже не существующей великой страны. Все это засекречено. Комплекс наверняка подземный. Такой просто так не спрячешь, тем более недалеко от Москвы. А на поверхности, скорее всего пара неприметных построек, типа коровников или свинарников.

– Я понимаю – на обычных картах такого нет. Но! Наш профессор говорил, что бывал на объекте строительства в восьмидесятых годах, а значит и карта того же времени. Тогда-то, наверное, он не был секретным.

– Почему? Как раз таки наоборот. Именно при строительстве, все явно под грифом особой секретности было. А комплекс заброшенный или недостроенный?

Я, молча, слушал разгоравшуюся дискуссию, переваривая имеющуюся информацию. Старый профессор, с довольно сомнительным, неизвестным прошлым, работу которого научная общественность России не признавала, вдруг оказывается участником строительства таинственного "Метро – 2", либо одного из его объектов. Он знает о каких-то секретах и тайнах, имеет информацию с секретным грифом. Ну, это ладно… Дневник! Зачем вести дневник? Зачем таскать его с собой? Зачем кому-то о нем рассказывать? Что такое могло напугать профессора, что он отказался даже просто поговорить об этом?

Пока я размышлял и задавал вопросы сам себе, Дима уверенно озвучивал план наших действий. Он заключался в следующем: Серега и Андрюха вечером отправятся на склад нашей команды, на базе соберут пять комплектов новых комбинезонов, со всей дополнительной экипировкой к ним. Дмитрий, подготовит транспорт и топливо, чтобы добраться до места, а также средства связи и навигационную электронику. Мне необходимо подготовить провизию, воду и медикаменты. Ну а Катя обещала притащить все горное снаряжение, что сможет взять со скалодрома. Знакомые диггеры давно дали ей доступ к их снаряжению, а потому все необходимое для перемещения по туннелям метро достать – совсем не проблема. Все должно быть готовым к вечеру.

Без проблем достав все необходимое, уже ближе к ночи, мы собрались у Димы на даче, недалеко от МКАД. Решили провести оставшееся время, обсудив все детали экспедиции с шашлыком, но в этот раз без алкоголя.

Выезд был назначен на шесть утра. Необходимо было проехать по М-9 до сорокового километра на запад. Оттуда, миновать Красногорск, затем, не доезжая до Сабурова, свернуть направо. А дальше ориентиров особо-то и не было. Лишь пометки, сделанные от руки. Если верить дневнику и карте профессора, где-то там, среди лесных посадок и располагался ракетный комплекс. Если он, конечно, вообще существует.

Сверившись с картой метрополитена, мы поняли, что ближайшая точка московского метро была станция Пятницкое шоссе, на Арбатско – Покровской линии. Но она вовсе не

считалась брошенной или же станцией призраком. Наоборот, ее только недавно построили и ввели в эксплуатацию. Так в чем же дело? Похоже, действительно, где-то в том районе пролегает сразу два уровня метрополитена. Где же тогда может быть ракетный комплекс СССР? Какая вообще связь между метро и ракетным комплексом? Да и расстояние между крайней точкой метро и точкой на карте слишком велико! Что-то тут не сходится!

В конце концов, мы сошлись на том, чтобы просто съездить посмотреть на этот брошенный комплекс и уже там, на месте решить, что делать дальше. Серега с Андрюхой наевшись шашлыка до отвала, вспоминая военную службу, пели песни под гитару, Димка с Катюхой в палатке делали свое нехитрое дело, о чем можно было догадаться по доносившимся оттуда звукам. А вот меня все не отпускало какое-то тревожное волнение. Вопросы рождали новые вопросы, и это не давало мне покоя…

Глава 4. Спуск

Дмитрий, еще в возрасте четырех лет остался без отца. Тот был летчиком и погиб где-то в горах Уральского хребта, при испытании нового реактивного двигателя. Этого парень, разумеется, не знал. Мать всегда говорила ему, что он герой, что выполняет какое-то важное задание на благо страны. Как-то незаметно у нее появился друг, отношения с которым постепенно перешли в семейные. Так у Дмитрия появился отчим – хорошо обеспеченный, но совершенно другой закалки, нежели его настоящий отец.

Чем только не занимался Дмитрий… Хоккей в шесть лет, бокс в восемь. Каратэ в девять. Увлечения тяжелой атлетикой дали ему неплохую физическую форму. Парень всегда пользовался вниманием противоположного пола. Его крепкий характер хоть и был разбавлен мажорным образом жизни, это вовсе не означало, что он – пустышка в яркой обертке и про него нечего больше сказать. Нет. Вовсе нет. Серьезный, уверенный в себе, воспитанный и внимательный. Всегда готов прийти на помощь.

Мы, совершенно случайно познакомились на втором курсе университета и сразу же крепко сдружились. Дмитрий не особенно любил наш безумный пейнтбол, поэтому и не входил в основной состав команды, предпочитая сидеть где-нибудь в тепле, с чашкой кофе в руках. А вот активный спорт, в виде дайвинга, скалолазания, экстремальных прыжков с парашютом – это да, его стихия. Именно на скалодроме он и познакомился с Катей…

Через шесть часов блужданий по проселочным дорогам, раскисших от влаги, мы добрались до района указанного на карте

профессора. Все существующие тут дороги уходили на восток, в сторону от лесного массива. Если верить дневнику, где-то в этом лесу есть скрытый от посторонних глаз ракетный комплекс Министерства обороны СССР. Комплекс наверняка подземный – как еще можно замаскировать нечто подобное? Место совершенно глухое, ближайший населенный пункт лишь в десятке-двух километров, а то и больше.

Состояние раскисших дорог тоже радовало – то тут болото, то там. Несколько раз машина увязала в густой, едва подмерзшей грязи. Каждый раз, когда это случалось, Андрей, весело кричал, обращаясь к машине:

– Да, да! Давай, давай! Ты сможешь, детка!

Поначалу это было даже забавно, но вскоре всем надоело. Особенно после того, как разрекламированный японский кроссовер, зарылся в грязь по самые крылья, и пришлось его выталкивать. Хотя, какой он к черту японский…

Километр за километром, посадка за посадкой. Серега даже успел вздремнуть.

– Приехали! – наконец произнес Димка, осматривая серую местность из приоткрытого окна. – Дальше, в лес пешком.

– В лес? – неуверенно переспросил Андрюха и усмехнулся. – Где тут лес-то?

И действительно. Впереди простирались лишь несколько больших групп, разрозненных между собой зарослей кустов и деревьев. В это время года все выглядело особенно уныло. Совсем. Многие деревья рухнули или покосились, кусты же наоборот, за лето разрослись так, что через них нужно было пробираться с трудом. Выросло много молодых деревьев, едва превышающих по высоте человеческий рост. Лесом это, конечно, не назовешь, но и пройти по этой местности как по городскому парку, при всем желании, никак не получится.

– Нам туда? – спросила Катя, вылезая из машины. – Ты уверен?

– Ага. Куда тут еще идти?

– Да тут, куда ни глянь, везде одна и та же степь. И грязи по колено.

– Нам на восток.

– А с машиной что?

– Оставим тут. Куда она денется? На сигнализацию поставлю. Все равно тут на многие километры никого нет. – Произнес Дмитрий, открывая багажник. – Ну, что, господа? Разбираем вещи!

Через двадцать минут, собрав все необходимое, облачившись в теплую одежду и взвалив на спины снаряженные рюкзаки, мы

двинулись в путь. Костюмы для игры в пейнтбол хотели одеть сразу, но благоразумно передумали – не для такой погоды они были созданы.

Их просто компактно уложили в рюкзаки, планируя одеть позже.

– Сколько нам идти? – поинтересовалась Катя

– Так! Ну, около пяти километров.

– А ближе подъехать никак нельзя было? – возмутился Серега, счищая грязь с подошвы.

– Куда? Дальше дорог нет. А по этим ухабам только БТР в помощь.

– Отличная идея. Жаль я его в гараже сегодня оставил. – Весело пробубнил Андрюха, затягиваясь ароматным апельсиновым паром. Вэйп он всегда таскал с собой.

– Ладно, не бухтите. Что вы как бабки старые?

Шедший первым Серега, постоянно спотыкался, при этом изобретательно ругаясь не очень цензурными словами и проклиная чуть подмерзшую грязь. Помимо грязи, значительно мешала идти быстрее путавшаяся между ног сухая прошлогодняя трава. То и дело попадались ямы, трещины, кочки. Каждый раз, как кто-то из нас попадал ногой в подобную складку местности, раздавалось уместное ругательство, подкрепленное выразительной интонацией.

Помимо общей карты, взяли GPS – навигатор. Тот, естественно, никаких засекреченных ракетных комплексов, да и вообще никаких сооружений не показывал. Дикую территорию он не особо жаловал – все один сплошной желтый экран. Строить пеший маршрут через лесополосу навигаторы не умели, поэтому его пришлось использовать просто как электронный компас. Мобильная связь, как и геолокация даже тут работала из рук вон плохо, а что нас ждало дальше, вообще предсказать сложно.

Андрюха, воткнув модные наушники, время от времени балдел от своего “Morguenstern”. Одно время он восхищался голосом Морганы, солистки любимой рок-группы.

Пройдя около километра, петляя между скоплений серых зарослей и деревьев, мы вышли на небольшую полянку, на восточной стороне которой, находился невысокий холм.

– Все! Перекур! – произнес я, сбрасывая рюкзак и вешая его на обломанный сук.

– Долго еще? – Катюха недовольно сдирала налипшую грязь с подошв высоких ботинок. Получалось не очень хорошо.

– Да черт его знает, но километра три – точно. Карта-то не слишком подробная. Профессор не сильно вдавался в подробности. – Произнес Дмитрий, разглядывая лист бумаги,

который предусмотрительно засунул в полиэтиленовый файл – подальше от влаги. Уже минут двадцать моросил мелкий противный дождик, что естественно никого не радовало. Еще немного похолодает и этот дождик превратится в мелкий град.

– Пойду, осмотрюсь немного, – предупредил я Андрюху и медленно побрел к холму.

Нет, за ним ничего не оказалось. И под ним тоже. Холм, как холм.

Осмотревшись, я заметил на северо-востоке группу брошенных одноэтажных строений. На военный объект не смахивало – скорее на строения сельскохозяйственного назначения. Проще говоря – коровники. Ничего интересного. Да и место наших поисков лежало значительно восточнее.

Спустившись ниже, я обнаружил в зарослях сухого камыша ручей, который метров через сто превращался в огромную болотистую лужу, заросшую травой. Лужа по краям уже схватилась тонким льдом, что заставило задуматься – если ничего не найдем, нужно возвращаться к машине. Иначе замерзнем.

Оглядевшись и прислушавшись, я услышал возмущения недовольного Сереги. Где-то неподалеку, в поисках пищи стучал по стволу осыпавшегося дерева дятел, каркали голодные вороны. На горизонте только и можно было различить поля да посадки, которые меняли друг друга с завидной периодичностью.

Не обнаружив ничего интересного, я повернул обратно. Спускаясь с холма, заметил на востоке появление легкого тумана. Он стелился по земле, словно пытался накрыть ее мягким полупрозрачным покрывалом.

Обойдя холм и побродив еще немного у его подножия, но так ничего интересного и не обнаружив, я вернулся на место стоянки.

– Эй, исследователь, нашел что-нибудь? – воскликнул Андрюха, забавляясь вэйпом, который не выпускал из рук с самого начала поездки.

Димка еще ругался, что тот ему весь салон апельсинами провонял.

Я отрицательно покачал головой. Андрей выпустил в мою сторону клуб ароматного пара, а затем продолжил рассказывать остальным какой-то остроумный анекдот.

– Дима, а на карте профессора есть какие-нибудь ориентиры, в виде старых коровников или может, складов?

– Нет, такого, – ответил тот, рассматривая карту, – а что?

– Да, так. Просто спросил.

– Заканчиваем перекур?

– Да. Пора выдвигаться дальше. Начинает подмораживать.

– Еще километра три, три с половиной и лесополоса

закончится. Если ничего не найдем, поедем обратно. – Димка был явно не рад такому повороту событий. Он надеялся увидеть мастерские, технические строения, бункеры, ну или хотя бы полигон с ракетными корпусами. А тут ничего. Совсем ничего. Даже на горизонте – ничего.

Еще полтора километра прошли, наблюдая все ту же картину: деревья, кусты, трава, да подмерзшая грязь. Настроение у всех порядком упало. Даже не унывающий Андрюха перестал кидать направо и налево свои, иногда совсем не смешные шутки, все чаще выдыхая клубы ароматного пара.

Брести между мокрых зарослей, да еще и по раскисшей грязи, особенно когда сверху поливал холодный дождь – удовольствие сомнительное.

Прошло еще полчаса. Нам, откровенно говоря, уже порядком надоело идти друг за другом, наблюдая один и тот же пейзаж. Заросли становились то гуще, то реже. Но вскоре, мы увидели противоположный конец леса. Деревья и кусты заметно начали редеть, однако трава стала гуще. Снова появился легкий туман

– Ну, замечательно! – хмыкнул Серега, смахивая с ног огромные куски налипшей земли. – Вылезли побродить по грязи, слушая бредни полоумного старика. Да в такую погоду свинья из хлева не вылезет. Молодцы, всем спасибо, все свободны!

– Может быть, там посмотрим? – Андрей махнул рукой на запад. – Там тоже посадку видно. А, нет, показалось. Ну а там?

На севере была лишь унылая серая степь.

– Там ничего.

– Ну, может этот комплекс в поле был построен?

– Ерунда!

– Как же так?! – удивился Дима. – Вот карта. Тут же все написано. Вот.

– Брось ее. – Катя тихо выругалась, обходя парня. – Нет тут ничего! И не было!

Наша группа торопливо выбралась из посадки, и начала обходить ее по краю, надеясь вернуться к машине более быстрым путем. Настроение испортилось. Да что там – оно было просто паршивое. Мчаться в такую даль, по такой погоде… Собирать вещи, организовывать поездку. Не на такой результат мы рассчитывали.

Отсюда, с опушки, посадка выглядела совсем унылой. Серые кроны деревьев, темные, мокрые стволы, спутавшиеся заросли травы и кустарников. Однако, то и дело, поглядывая по сторонам, я заметил, что деревья в центре посадки были значительно тоньше и как будто бы моложе тех, что росли с окраины. Это было как минимум необычно, хотя и не особенно примечательно.

Обычный путник, проходя здесь, скорее всего даже не обратил бы на этот факт никакого внимания. А вот я, наоборот все чаще и пристальнее стал поглядывать на посадку. Метров через триста, мое внимание привлекло нечто непонятное. Я. с некоторым подозрением, неуверенно двинулся туда, ломая кусты.

– Эй, Макс, ты куда?

– Макс!

– Секунду! Кажется, там что-то есть.

Среди заросшей травы, из-под небольшого холмика засыпанного жухлыми листьями, я увидел выступающую наружу бетонную плиту. Она, под острым углом уходила под землю. Бетон был старый, уже частично раскрошившийся и поросший бурым мхом. Из-под основания плиты, прямо по земле пролегала утопленная в мох и траву ржавая металлическая труба. Трубу вообще разглядеть оказалось проблематично – осыпавшаяся листва надежно скрывала все, вплоть до камней и сухих веток. Освободив от листвы пару метров земли, я нашел вторую трубу. Приглядевшись, в ней я заметил уложенный толстый изолированный кабель, который уходил под плиту в другую трубу, но значительно толще. Интересно, что это такое? Смутное предчувствие встревожило меня – неужели это то, что мы искали?

Я оглянулся. Группа продолжала лениво месить грязь на опушке.

– Чего встали? Бегом сюда! Тут что-то есть! – крикнул я, махая рукой.

Дмитрий обрадовался и со всех ног рванул ко мне. Остальные бросились следом.

– Ну? Что тут?

– Смотри!

– Ну! Бетонная плита, и что?

– Дима! Бетонная плита, посреди лесной посадки…

– О! Точно!

– Плита, причем очень старая. И под ней явно что-то есть, – произнес я задумчиво, отходя в сторону. – Вот, трубы. В одной из них проложен кабель.

– Интересно. – Задумался Дима, беря в руки карту. – Действительно руины. Если о них не знать, то никогда и не догадаешься.

– И что, мы будем ее ломать? – удивилась Катюха.

– Нет, зачем же? Нужно просто хорошенько осмотреться. Я уверен, найдем еще что-нибудь интересное.

После десяти минут хаотичного рысканья по лесополосе, Андрей нашел небольшую поляну, в низине которой, среди обломанных веток и поваленных деревьев, увидели низкий

парапет. Он представлял собой обширную, заросшую мхом, бетонную плиту, которая накрывала собой что-то еще. Что-то большое. У самого ее конца, из-под земли, на уровне четверти метра почти вертикально торчала труба, с надетой на нее конической сеткой, проржавевшей от времени. В зарослях травы ее было довольно сложно заметить.

– Ага, а вот и вентиляционная труба! Таких труб, наверняка по лесу полно. Просто мы их не замечали. – Обрадовался я. – Надо искать!

Вдруг, откуда-то слева раздался крик Катюхи.

– Эй! Скорее сюда!

Серега бегом бросился к ней, путаясь в траве. Следом Андрей, уже наперед зная, чем задеть девушку.

– Только не говори, что нашла сумочку от Боржоми! – крикнул он, едва увидел ее.

– От Бриони, валенок! – рассмеявшись, крикнула она в ответ, показав средний палец.

– Так я так и сказал…

– Да ну тебя!

– Так что нашла-то? – тяжело дыша, спросил подошедший Серега.

– Сам посмотри!

И действительно, если знать, куда смотреть, если присмотреться, было на что обратить взор. Девушка стояла в центре ложбины между деревьями, в странной яме, сильно заросшей травой. Как будто целый пласт земли, который по непонятной причине, равномерно просел на полметра вглубь. Катя усердно разгребала траву под ногами, и вскоре все стало понятно. Прямо под ней находился огромный, метра три в диаметре стальной люк, когда-то выкрашенный черной краской.

– Ого! – задумчиво произнес Серега, обходя люк по кругу. – Да это же крышка ракетной шахты!

Глава 5. Сомнения

Сергей Иванов, со смешным прозвищем “пингвин”, присоединился к нашей пейнтбольной команде последним. Наша прошлогодняя игра все в тот же безумный спорт, оказалась не столь удачной. Но именно на ней мы и столкнулись нос к носу с Серегой. Наша с ним снайперская дуэль затянулась на долгие шесть часов. В конце концов, он сдался, получив в грудь несколько красных шаров.

Твердый, но не всегда уверенный в себе, а еще и довольно несдержанный, Сергей только недавно вернулся с армии. С работой особо не ладилось, занимался всем, чем только можно было. Иногда куда-то пропадал со старой компанией.

Любил выпить чего-нибудь крепкого, но не лишь бы что. Аристократ, блин! Однако, в стрессовых ситуациях, он часто терял контроль над собой, делая, порой, странные вещи…

Обнаруженная впадина действительно оказалась вогнутой крышкой ракетной шахты. Возможно, если поискать, мы могли бы найти и другие. Судя по форме крышки, этот, так называемый, ракетный комплекс был заброшен или законсервирован давным-давно, еще тогда, когда эта технология только начинала осваиваться. Даже навскидку, по самым грубым подсчетам, прошло лет двадцать пять с тех пор, как здесь прекратилась вся активная деятельность.

Возможно, тогда здесь что-то случилось, ведь такие объекты просто так не бросают. Ее могли законсервировать, для дальнейшего ввода в эксплуатацию, через несколько десятков лет. Или же наоборот, сочли, что такой вид оружия слишком опасен и разрушителен, вследствие чего, все работы были прекращены. Еще раз осмотрев местность, я пришел к выводу, что все строения тогда спешно снесли тяжелой техникой, разровняли и хаотично засадили деревьями, превратив территорию в могильник. Вот почему со стороны мне бросилось в глаза, что деревья в центре гораздо моложе тех, что на окраине посадки.

– Так это правда! – произнес Андрей, постучав камнем по стальной крышке. – Ракетный комплекс действительно существует и находится прямо здесь. И судя по виду, он давно заброшен!

– Да, на вид территория брошена лет двадцать – тридцать назад. Уж не из-за аварии на Чернобыльской АЭС?

– А авария-то, каким боком тут? – удивилась Катя.

– Потому что, именно после нее всерьез осознали, что такое радиация! Ее воздействие на человека, на природу. Вон, Украина до сих пор от аварии отойти не может, а следы от Чернобыльской радиации можно найти по всей планете. А ракеты в комплексе, скорее всего, были ядерные!

– И ты думаешь, что кто-то из руководства страны, дал команду остановить строительство всех объектов с атомным вооружением?

– Очень может быть. А может не всех, а только этого.

– А если шахта гораздо старее? Кто помнит, профессор говорил о восьмидесятых или о шестидесятых годах? – Дмитрий вопросительно покрутил головой. – Примерно в конце пятидесятых началась холодная война. А за ней и гонка вооружений. Эта шахта, может и была достроена, но, судя по всему, ни разу не использовалась. Если здесь, под нами, целый ракетный комплекс, то его намеренно замаскировали и оставили.

Я думаю, он был законсервирован, а затем просто забыт.

– Дальше-то что будем делать? – Серега широко зевнул. – Шахта пуска ракет это, безусловно, ценная находка, но все-таки, где искать вход?

– Если он вообще есть. – Подняла брови Катя. – Сами посмотрите! Ни зданий, ни техники. Как его тут искать?

– Дима, а на карте ничего нет? Обозначение или может быть знак? Двери, лифт? Может, что-то пропустили?

– Нет! – покачал головой тот. – Что-то типа плана есть, но как его читать, если тут, ни черта не понятно? Ни ориентиров, ни столбов… Где тут и что?

– А дневник? Может там что-то есть?

– Хорошая идея. Там я еще не все просмотрел.

Минут двадцать ушло на то, чтобы просмотреть все страницы дневника. Я отметил, что он уже успел пожелтеть от времени. Очевидно, что его владелец писал эти строки давно.

Нашлось странное подобие ручной зарисовки самого комплекса, о которой и говорил Дмитрий, но это мало чем помогло. Все, что было на поверхности, давно поросло травой и кустарником, засыпано листьями и ветками. Даже сейчас, осматривая территорию, мало кто догадался бы о том, что находится под ногами. А уж о том, чтобы ориентироваться на местности, в соответствии с планом и речи не было. Прошло немало времени, прежде чем была предложена идея.

– Так, я, кажется, придумал, слушайте! Это ракетная шахта, правильно? Всего их на зарисовке три, верно? – Андрей даже вэйп в карман убрал.

– Ну?

– И на карте они расположены в виде правильного треугольника. Мы нашли одну из шахт. Следовательно, найдя остальные, сможем хоть как-то начать ориентироваться. Найти остатки строений.

– Совет принят. Хоть какое-то действие. – Фыркнула Катюха.

– Ты чего веселишься?

– Да просто. Ты с таким серьезным лицом это высказал, прям Индиана Джонс.

Андрей улыбнулся. А ведь верно. Когда дело разворачивается подобным образом, когда потихоньку, винтик за винтиком начинаешь понимать, как все было задумано тем человеком, что составлял дневник, поневоле чувствуешь себя ну если не расхитителем гробниц, то уж начинающим исследователем точно.

Поблуждав по территории минут десять, были, наконец, обнаружены и остальные ракетные шахты. Они действительно составляли правильный треугольник, расстояние между ними

было равно двадцати шагам, то есть, всего порядком около сорока метров. На зарисовке в дневнике им были приписаны номера, от одного до трех. Но как в реальности определить, какая из них и под каким номером, мы не знали.

– Ну-ка, дай дневник. – Потребовал я у Дмитрия.

– Смотрели уже. Нет там ничего. – Уныло буркнул он, но дневник все-таки протянул.

Быстро пролистав его снова, я надеялся найти еще что-нибудь, что сможет помочь нам в поисках. Но тщетно, ничего полезного там не было. Даже имея карту, спустя столько лет, не представлялось возможным определить с ее помощью, где и что находится.

– Эй, люди, идите сюда. – Вдруг подал голос Андрюха, все это время блуждавший между деревьев.

– Что там? Что-то нашел?

– Можно сказать и так.

Подойдя ближе, мы обнаружили еще одну вентиляционную трубу, но в отличие от остальных, эта состояла из трех секций и уходила в разные направления. Бетонный карниз в этом месте вообще едва выступал над землей, а усыпанный сверху засохшими листьями, и подавно скрывал все следы каких-либо человеческих стараний.

– Еще одна вентиляция? Эх, вот если бы они были пронумерованы…

– А почему бы и нет?!

– Что?

– Дима, посмотри, на карте есть что-нибудь, что похоже на обозначения точек вентиляции?

– Вряд ли. Но чем черт не шутит, сейчас посмотрим. – С несколько минут парень шуршал бумагой, но все-таки нашел, то, что хотел. – Ну да, точно. Есть обозначение, мелкими буквами. И их много.

– Вот тут, смотрите. Точка "A4C5". Это рядом с шахтой номер три, видите?

– Кажется, да. А ну-ка, может быть, тут обозначение есть. – Пробубнил Серега, ботинками разгребая толстый слой листьев и сухой травы. – Так, тут ничего. И тут тоже.

– А с другой стороны? Или там.

Все принялись разгребать траву и листья вокруг парапета, у трубы и видимых остатков бетона, торчавшего из земли. Зрелище было еще то: Пятеро молодых людей, под ледяным моросящим дождем, озабоченно рылись в листьях, ища сами не зная, что. Со стороны могло показаться, что из местной психиатрической лечебницы сбежали не долеченные люди, которые добравшись до

этой посадки, вдруг начали играть в известную только им одним странную игру.

– Нашел! Смотрите! "А6Б14". Видите, тут?

И действительно – на одной из граней трубы, уходившей к ракетной шахте, прямо у парапета, была выварена заводом изготовителем едва заметная маркировка.

– Так, ага. На карте это вентиляция напротив шахты номер два. Отлично. Значит, вход в комплекс должен быть…э-э-э.

– Ну?

– Что ну? Не знаю. – Признался я, опустив карту. – Там, наверное!

– Наверное?!

– Одной точки мало! Нужно осмотреть все точки вентиляции, так мы составим точечную координатную карту.

– Все наземные строения тогда, скорее всего, сровняли с землей, для того чтобы скрыть следы присутствия такого объекта. И наименования точек, если они и были, вряд ли сохранились! – хмыкнул Андрюха, скривившись. – Мы тут до ночи рыться будем.

– Вполне очевидно. Все эти обломки плит и куски бетона… Тут либо все взорвали, либо имела место быть тяжелая строительная техника. После такой тотальной консервации, найти бы хоть что-то, что еще осталось на своем месте.

– Тогда давайте смотреть на карте, где находится точка. Затем обходим все направление, до самого края леса. По количеству руин, хотя бы примерно можно понять, что за здание тут находилось. Идем туда!

Еще несколько минут ушло на то, чтобы обыскать всю поляну от второй ракетной шахты и до последней найденной вентиляции. Энтузиазм, конечно, был на высоте. В итоге, все закончилось тем, что Серега провалился ногой в огромную щель между сложенными клином бетонными плитами. Страшно ругаясь и пытаясь выбраться, он заметил, что совсем рядом с ним находится заросший травой небольшой холм. А содрав с него пласт земли, вместе с травой, под холмом обнаружилась довольно заметная впадина, которую лишь частично прикрывал обломок бетона. Приложив усилие, парень сдвинул его в сторону.

– Эй, все сюда! Нашел!

Когда остальные, уже порядком уставшие и недовольные, подошли к холму, они увидели лишь грязные ноги Сергея, так как все остальное уже было скрыто под плитой.

– Серега! Ты чего туда полез?

– Ребята, кажется, я нашел вход! – довольно произнес он, вылезая из-под плиты.

Выпрямившись, он показал мятый корпус старой летучей

мыши, проржавевшей от сырости и времени. – Вот что нашел!

– Керосиновая лампа?

– Ага. Там, под плитой, какое-то помещение. Засыпано бетонными обломками, но протиснуться можно. Даже рюкзаки пройдут.

– А вдруг это не вход? Вдруг, это просто полость между обломками, образованная после сноса здания?

– Нет! Точно нет. – Отмахнулся Серега. Я внизу даже стены видел.

– Ну, раз так, кто желает стать первопроходцем? – торжественно спросил я, и чуть помешкав, отправился за рюкзаками.

Первой лезть в дыру вызвалась Катя, как самая гибкая и ловкая. Тщательно расчистив импровизированный проход от грязи и травы, при этом сдвинув несколько мелких обломков, удалось его немного расширить. Проход был почти вертикальный, между нескольких крупных обломков и ранее представлял собой что-то вроде входа на цокольный этаж. Но после того как здесь все сравняли с землей, над входом оказалась гора сваленных обломков разных форм и размеров. Девушка, извернувшись, довольно ловко поползла в расщелину, изредка ругаясь и желая долгой жизни тем, кто оставил тут эти руины. Протащив за собой веревку, она должна была закрепить ее с другой стороны.

– Ну, что там? Что видишь?

– До пола метра два, может больше. – Раздался громкий всплеск. – Черт! Эй, тут воды чуть ли не по колено. Холодно. Дверь какая-то. Стены ободранные.

– Что? Вода?

– Его что, затопили? – тихо спросил меня Андрюха, явно не обрадовавшись тому, что услышал.

– Да нет, это грязная дождевая вода. Спускайтесь.– Пояснила Катя, затем чуть подумав, брякнула. – Надеюсь, тут никакой живности не завелось от времени?

– Катя, сначала веревку закрепи.

– Готово. Веревку закрепила. – Раздался ее голос из дыры через пару минут. – А забродов, случайно, ни у кого нет?

– Ага, вот все есть. А забродов, нет! – рассмеялся в ответ Дмитрий. – Ладно, Макс, ты пойдешь? Или я?

Я двинулся вторым, то и дело, цепляясь краями одежды за острые выступы плит, при этом изощренно возмущаясь. Протиснувшись, я пролез метра два с половиной, ухватился за торчавшую из плиты гнутую ржавую арматуру и, перевернувшись, свесил ноги вниз, после чего плюхнулся в воду, едва устояв на ногах. Брызги воды полетели во все стороны, при этом я промок

почти до пояса.

– Ну, замечательно! – выругался я, почувствовав, под ногами неровный, скользкий пол.

– Я ж говорила, вода тут. – Вдруг совсем рядом раздался голос Кати.

Неожиданно, совсем рядом вспыхнула зажигалка, и лицо девушки осветило пламя.

Увидев ее в полутьме, я, спотыкаясь, побрел к ней, баламутя и без того мутную воду – в свете фонаря она была грязно-рыжей.

– Неужели это и есть вход, который мы искали?

– Похоже на то, что от него осталось. А вон там входная дверь, но она заперта. Правда, сомневаюсь, что это главный вход.

– Может быть инженерный или запасной?

– Может и так.

– Пробовала ее открыть?

– Ага, никак! Крепкая, зараза!

– Ничего, вскроем! Если это реально вход, то мы просто обязаны ее взломать.

Помещение, где мы оказались, представляло собой небольшую продолговатую комнату. Уцелела лишь небольшая часть строения – остальная довольно гармонично переходила в категорию руины. Довольно мрачное и совершенно не презентабельное зрелище.

Справа поднимались вверх бетонные ступени, и если бы не обширный завал бетонных обломков, то по ним легко можно было бы подняться на поверхность. Почти на всех стенах, покрытых мхом и плесенью, местами осыпалась штукатурка вместе с синей облупившейся краской. Постоянная сырость, вкупе со временем взяла свое.

Воздух сырой и затхлый, словно пропитанный гнилью. Трубы, силовые щитки, полки с крепежами – все давно проржавело. В мутной воде плавал всевозможный мусор разной степени давности, гнилые листья.

Слева от меня находилась массивная дверь, покрытая ржавчиной. Именно на нее и показывала Катя. На двери, даже отсюда был виден огромный амбарный замок.

– И вправду закрыто. – Удивился я, проверив его на прочность.

– А ты ожидал тут увидеть распахнутые настежь ворота и красную ковровую дорожку? – усмехнулась девушка.

– Нет, конечно. Но все-таки, если все снесли, зачем было предварительно запирать на замок?

Вдруг, сверху, из дыры, чертыхаясь, вывалился Серега, чуть ли не плашмя угодив в мутную воду. Если убрать матерные слова

из его словарного потока, то, можно сказать, что он упал молча.

– Удачной посадки! – улыбнулся я, помогая подняться.

– Спасибо. – Буркнул он, поднимаясь на ноги и осматриваясь.

– А я предупреждала, вода здесь, – лениво фыркнула Катюха, снова чиркая зажигалкой.

– Поберегись! – крикнули сверху в дыру.

– Эй, Димон! Сначала рюкзаки! И сами спускайтесь осторожно, здесь вода кругом. – Крикнул в ответ я.

Вместо благодарности за совет, сверху по веревке, прямо мне в руки съехал тяжелый рюкзак.

Через несколько минут все остальные так же спустились вниз. Решили прямо тут переодеться в пейнтбольные костюмы.

– Ну вот. Что, нельзя было ремонт организовать перед нашим визитом, а? – наигранно – жалобно спросил Андрюха у помещения, с таким комичным лицом, что даже Катя расхохоталась.

Ободранные стены не представляли для нас никакого интереса, особенно учитывая, что здесь все было покрыто плесенью и влагой. Заинтересовавшая нас дверь оказалась добротной, окованной железом, и закрытой на массивный амбарный замок. Интересно, а почему на амбарный? Как-то несерьезно!

Открыть даже его оказалось весьма непросто, учитывая, что из замочной скважины торчал кривой обломок ножа. Сломать такой замок было бы сложно даже на поверхности. Но, повозившись с ним пару минут, оказалось, что ушки креплений давно проржавели и после нескольких тяжелых ударов по ним, с хрустом отломились.

Провозившись с дверью, еще некоторое время, мы все-таки вскрыли ее. С треском и скрежетом, дверь с некоторым сопротивлением подалась вовнутрь. В лицо ударила волна теплого, но затхлого воздуха, пропитанного гнилью и сыростью. За дверью нас ждала полная темнота. И тишина. Лишь хлынувшая внутрь вода, быстрым потоком разлилась по освещаемому фонарями пространству.

– Эй! Дети подземелья? Мы пришли с миром!– страшным голосом крикнул внутрь Андрюха, за что тут же получил удар по ребрам от недовольной Катюхи.

– Ерундой не страдай! – пробурчала девушка, включая свой фонарь.

– Да ладно, я ж так, обстановку разрядить.

– Да? Не совсем время и место…

– Как скажешь, босс! – пожал плечами Андрей, но улыбаться перестал.

Мы постояли минуту, освещая карманными фонарями новое помещение.

– Так, что дальше? – спросил Серега, обращаясь скорее к себе, чем к товарищам.

– Дима, в дневник глянь. Может там что есть? – я вскинул рюкзак на плечо.

Серега недовольно крякнул, убрал зажигалку в карман и достал мощный армейский фонарь, как нельзя, кстати, прихваченный со склада пейнтбольного клуба.

– Да будет много света! А, черт, почти севший. Батарея у кого-нибудь есть?

– Эй, свету можно? Нет? – снова подал голос Андрюха, но уже не так уверенно.

Затем, обернувшись к нам, пожал плечами: – А светы нет!

– Держи батарею! Андрей, хорош уже. Не до твоих шуток! – Дима протянул Сереге надорванную упаковку.

Мощный луч света осветил длинный темный коридор, все с такими же обшарпанными стенами с осыпавшейся штукатуркой. По сравнению с предыдущим помещением, здесь стены были в значительно лучшем состоянии. На полу тоже присутствовала вода, однако здесь она была чище и в гораздо меньшем количестве, чем за дверью.

Справа и слева можно было различить двери, почти все сломанные или поврежденные, а местами вообще висящие на остатках ржавых петель. Пол был усыпан раздавленными картонными ящиками, коробками, корпусами каких-то старых приборов. С потолка свисали корни деревьев, кое-где пробившиеся через трещины в бетонном своде. Местами, на проводах, висели старые люминесцентные лампы, с торчащими обрывками проводов.

В самом дальнем конце, насколько мог выхватить луч света, можно было различить небольшое застекленное строение со сломанным турникетом. Контрольно-пропускной пункт, судя по всему.

– Смотрите! Раз есть КПП, значит, это действительно вход в ракетный комплекс, а не просто подвал одного из зданий. Хотя, конечно, для главного входа слишком уж просто и бедно. И этот амбарный замок… Хм, как-то это и впрямь – не серьезно.

– А для каких целей тут наводить красоту? Это же военный объект!

– Ты прав. Показуха тут была ни к чему.

– Ну что, идем?

– Никому не кажется странным то, что тут все в таком полуразрушенном виде?

– Тут давно никого не было. Время – как бы, не щадит ничего.

– Не только во времени дело. Посмотрите на лампы!

– Что с ними?

– Многих просто нет! Если бы они оторвались – лежали бы на полу. А их просто нет. Как и некоторых дверей.

– Ну, может быть, их сняли. Или не успели повесить.

– Только в том случае, если тут еще не закончили строительство. Тогда – да.

– А вдруг кто-то специально устроил тут погром?

Никто не решился делать дальнейшие выводы.

– Знаете, что. Давайте двигаться дальше!

– Согласен! Только смотрите под ноги, мало ли что, – произнес я, медленно обходя висящую на оборванном проводе разбитую лампу.

– Какое жуткое зрелище, – прошептала Катя, осматривая потолок покрытый трещинами, из которых торчали черные узловатые корни росших на поверхности деревьев.

– Да уж, что-то они тут не рассчитали. Вполне же очевидно, что корни посаженных деревьев пробьют перекрытие. Значит, свод совсем тонкий? Странно!

– Ну да, согласен. Хотя, черт его знает. Может удешевление производства? Намеренно использовали некачественный бетон?

– Не знаю, не знаю. Но мне кажется, что дальше вопросов у нас будет только больше.

– Димка, что в дневнике?

– Да ничего! – произнес Дмитрий, перебирая пальцами старые страницы. – Похоже на вход в комплекс, но нет названий. Есть только обозначение "Д32Т3". Но, что это означает – ни слова. И о внутренних помещениях тоже никаких упоминаний.

– Знаете, я думаю, тут обязательно должен быть план помещений или хотя бы пожарный план эвакуации. – Предположил Серега. – Толку нам тут бродить бездумно?

– Точно. В Советском Союзе тщательно подходили к подобным вещам. Министерство обороны это, все-таки, не сарай с колхозниками. Там все было серьезно.

– Такие планы должны быть на всех объектах, независимо от того военный он или гражданский.

– Смотрите на стены. Это должен быть деревянный стенд или плакат. – Произнес Сергей, доставая из рюкзака второй фонарь.

– И рядом огнетушители или пожарный щит должен быть. – Добавил я, вспоминая, как лет пятнадцать назад, отец брал меня на работу, где я впервые и увидел пожарный щит, с висящим рядом планом эвакуации личного состава. Я тогда еще кучу ненужных вопросов задавал…

Хлюпая по маленьким лужам у входа, мы разбрелись по коридору.

– Эй! Я тут чьи-то фекалии нашел! – крикнул возмущенный Андрей, из ближайшего помещения.

Это не совсем уместное заявление вызвало легкую улыбку, да и то не у всех.

– Свежие? – поинтересовался Серега.

– Не! Давно уже нет. Но зато на аккуратно подстеленной картонке…

– Фу! Гадость! – Сморщилась девушка. – К чему такие подробности?

Жестяные ящики и короба из старой древесины были пусты, лишь в некоторых можно было найти рассохшуюся бумагу, прочесть содержимое которой не представлялось возможным. Корпуса аппаратов также, либо поржавели, либо окислились. Для чего они предназначались, никто из нас определить не смог. Ничего из уцелевшего электрооборудования не вызывало желания проверить его на работоспособность.

Зайдя в одно из неприметных помещений, я стал свидетелем большого перевернутого стола, сломанного шкафа и дюжины разбросанных книг. Сломанные стулья, коробки и мелкий офисный мусор были повсюду, а их состояние оставляло желать лучшего. А вот стоящий на обломках деревянного стола стоял большой черный ящик. Именно он-то меня и заинтересовал больше всего.

Подойдя ближе, я понял, что он не металлический и даже не деревянный. Да и сам он выглядел гораздо чище, чем все вокруг.

– Пластик? – изумленно прошептал я, ощупывая материал. – Не может быть! В восьмидесятых же не было ящиков из пластика!

Открыть его я не смог, так как оба крепления были сломаны. Да и судя по весу – тот был пустым.

– Эй, Макс, сюда! Скорее! – окликнули меня из коридора.

Димка, ушедший вперед по коридору дальше всех, уже успел добраться до конца и сейчас неподвижно стоял перед турникетом, рассматривая КПП. Справа от него, находилось застекленное помещение, судя по всему пост охраны.

– Что тут? План нашел? – спросил я, подойдя ближе.

– Нет, плана не нашел. А вот это любопытно… Глянь-ка туда! – он указал рукой в сторону.

Там, на грязном, пыльном стекле, отчетливо были видны дырки от пуль. Судя по характеру и направлению, это была автоматная очередь.

– Черт! – произнес я, осматривая стекло. – Здесь, что стреляли?

– Похоже, что да. Смотри, еще гильзы на полу.

И действительно, на полу, прямо перед турникетом, были рассыпаны старые гильзы.

– От Калашникова. – Произнес я, подобрав одну из них. – Причем образца сорок седьмого года. Калибр еще семь и шестьдесят два. Надо же.

– Кто стрелял?! В кого стреляли? – пробормотал Дмитрий, разгребая ногой гильзы.

– Что тут случилось? А может это уже после того…

– Чего?

– Ну… После того, как объект законсервировали. Вдруг, кто-то еще приходил сюда?

– Очень может быть! – произнес Дима, взволнованным голосом. – Какая-нибудь государственная экспедиция? Или смельчаки энтузиасты вроде нас?

– Я, кстати, там, в помещении, нашел пластиковый ящик!

– И что?

– Сам подумай. Какой пластик, да еще в таком объеме, в восьмидесятые годы? Тогда ящики и контейнеры делали только из стали и дерева. Скорее всего, он попал сюда позднее. Хотя, конечно, я могу и ошибаться.

– Тихо! – вдруг прошептал Димка, прислушавшись.

Я последовал его примеру. Где-то вдалеке, жутким эхом, раздался лязг металла. Похоже, как будто металлическая труба упала на пол и покатилась. Звук шел откуда-то из глубин комплекса.

Я похолодел. По спине пробежали мерзкие мурашки. Противное чувство.

– Слышал? – прошептал Дмитрий. – Неужели тут еще кто-то есть?

– Вряд ли! Тихо!

Больше никаких звуков не доносилось. Может быть сквозняк? Ведь мы вскрыли входную дверь, значит, нарушили отток воздуха во всей системе помещений.

– Может и так. Но вот чтобы металлические трубы сами падали от сквозняка…

Вдруг, с противоположной стороны коридора раздались торопливые мягкие шаги.

– Эй, вы чего тут застряли? – неожиданно откуда-то появилась Катюха. – Мы план помещений нашли. Причем неплохо сохранившийся.

– План? Где?

– В одной из комнат. Их, кстати, тут много. Они вроде как для бытового обслуживания. Или офисного назначения. Вы чего такие бледные? Что-то нашли?

– Да нет, ничего. Все нормально.

Димка подозрительно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Парень неторопливо двинулся ко входу, качая головой. Я же, весь обратившись в слух, пропускал слова девушки мимо ушей.

Что за странный звук? Случайность? Допустим! А как же ящик? Он-то здесь откуда.

– Макс, идем! – повторила девушка, вернувшись за мной снова. – Что с тобой? Все в порядке?

– А? Да, да, все нормально. Уже иду.

Глава 6. Уровнем ниже

План помещений ракетного комплекса Министерства обороны СССР, представлял собой плотный, многослойный лист картона, наклеенный на кусок фанеры, закрепленной на жесткой деревянной раме, уже рассохшейся от времени. План давным-давно выцвел, покрылся неровными, разноцветными пятнами плесени, но своего значения от этого не потерял.

– Что у вас тут? – спросил Дмитрий, заходя в помещение.

– Сами посмотрите, – ответил Серега, ладонью сгребая сырую плесень.

На плане, местами отчетливо, местами, наоборот, с большим трудом можно было различить черные, красные и зеленые линии. Судя по размеру, комплекс был большим, вот только первое, что бросилось в глаза – это план расположения ракетных шахт. Он практически не совпадал с тем, что был нарисован в дневнике профессора. Все крышки ракетных шахт, расположенные на поверхности в виде правильного треугольника, здесь были обозначены как всего одна единственная шахта. Заметив это, мы начали задавать друг другу вопросы, словно кто-то из нас знал на них ответы.

– Так, минуту! Народ, я что-то не понял. Мы же видели три крышки ракетных люков, так?

– Именно так, – задумчиво кивнул Серега. – А тут, всего одна!

– И что это означает?

– Я думаю, какой-то из планов неправильный! Либо этот, либо тот, что в дневнике.– Предположил я, уловив суть обсуждаемого вопроса, несмотря на то, что вошел последним.

– Макс! Расскажи! – взволнованно произнес Дима, смотря мне в глаза.

– Что рассказать? – невозмутимо спросил я, хотя далось мне это непросто.

– Вы что-то нашли? – спросил Серега.

– Пластиковый ящик! В одной из комнат. Это странно, ведь его тут в принципе быть не может! В то время пластиковые ящики не производили еще!

– Может, тут была какая-то военная экспедиция? Ну, например, в двухтысячных?

– Ага, для оценки состояния прибыла, да? Или для инвентаризации имущества?

– Посчитать пропавшие лампы! – усмехнувшись, выпалил Андрюха.

– А еще… Мы слышали шум внизу! – отмахнулся Дмитрий от шуток Андрея. – Металлический лязг. Словно что-то тяжелое упало на пол. Очень хорошо слышали!

Воцарилась тишина.

– Может сквозняк? – спросила Катя, нарушив молчание и осторожно выглянув в темный коридор.

– Я думаю, да! – кивнул головой Серега. – А что касается ящика, то тут вы не правы. Пластик – это разработка военных. Скорее всего, все соответствует действительности. Просто для того времени это было "ноу-хау", и не в свободном доступе. Технология была освоена, но лишь для Министерства обороны. Давайте-ка, лучше рассмотрим карту помещений?

– А еще, там, на стекле, отверстия от пуль, – продолжил Дмитрий.

– От пуль? Вы серьезно?

– Более чем.

– Здесь, что стреляли?

– Да. И скорее всего мы точно узнаем, кто и зачем, если продолжим путь вниз!

Осмотрев план, стало ясно, что шахта располагалась глубоко под землей, на специальной платформе, к которой вело всего два больших коридора. Первый был достаточно далеко, и вход в него терялся где-то на севере комплекса, среди руин. Второй, как и ожидалось, был рядом, недалеко от КПП. Согласно этой схеме, мы должны были пройти через контрольно-пропускной пункт, спуститься по лестнице на два уровня ниже. Там, пройдя небольшую серию мастерских и инженерных помещений, добраться до специальной грузовой площадки, на которой находились пассажирские и грузовые лифты. Они и должны были, судя по всему, доставлять и оборудование, и персонал к самой шахте пуска ракет. А заодно топливо, детали и инструменты.

– Странно как-то. – Задумчиво произнес я, рассматривая план.

– Что именно? – поинтересовался Андрей.

– Какая ракета могла запускаться из этой шахты, если ее глубина достигает ста и более метров? – произнес я, проигнорировав утверждение Сереги.

– Наверное, ядерная? Или межконтинентальная?

– Может, но какого, же размера? Великовато, не находишь?

– А я не знаю, – покачал головой Дмитрий. – Первые ядерные ракеты – откуда ты вообще знаешь, как они могли выглядеть? Да и сама пусковая установка… Я, допустим, даже понятия не имею, как она должна выглядеть. И к тому же холодная война – сплошные секреты!

– То есть, меня одну смущает тот момент, что на поверхности мы видели три шахты, а их на самом деле всего одна? – удивилась Катя.

Воцарилось неловкое молчание.

– А шахта ли это вообще? – предположил я, ни к кому не обращаясь.

– В смысле?

– В прямом! Шахта ли это? Я пока не знаю, но сдается мне… Это не совсем обычный ракетный комплекс, а что-то другое, очень хорошо замаскированное под него. Совсем другое.

Андрюха собирался уже произнести целую речь, полную веселой ерунды, но его оборвали.

– Так! Знаете, давайте-ка перекусим. Прошло уже пять часов, а мы до сих пор ничего не ели, – вдруг разрядила обстановку Катя, но перехватив мой взгляд, добавила. – Нет, ну, правда?

Андрей для убедительности комедийно облизнулся.

– Глядишь, мозги лучше работать начнут, – согласился с ней Дмитрий.

Наскоро распаковав рюкзаки, разожгли пару портативных горелок и разогрели мясные и овощные консервы. Разжигать полноценный костер в таком месте посчитали не целесообразным. За приемом пищи обсуждали некоторые моменты, но никто не вызвался дать объяснение имеющейся информации.

– Какого года этот комплекс? Семидесятых? – Серега, дожевывая галету, осторожно отодрал верхний слой плаката от рамы.

– Раньше! На плане ничего нет?

– Сейчас, секунду. – Сергей внимательно осмотрел оборот документа. – Ага, вот! 1973 год, апрель. Указано на обороте плана.

– Как и сказала Катя, холодная война тогда была в самом разгаре. Гонка вооружений. Тогда чем только не занимались, лишь бы получить преимущество.

– Над кем? Или над чем?

– Над всем! Мировое господство!

– Ну, да, так оно и есть. Сколько секретных программ и проектов было запущено, не сосчитать. Сколько рассекречено уже. А сколько похоронено навсегда?

– Слушайте, а что здесь мог делать наш странный профессор? Нет, ну то, что он участвовал в строительстве, это мы знаем. То, что он немец по происхождению – тоже. Но его работа на объекте… В качестве кого именно?

– Я думаю, мы это узнаем, когда обследуем тут все, – сказал Андрей, доедая свиную тушенку. – Вот спустимся вниз, тогда и

узнаем. А заодно, какая тут связь между московским метрополитеном и этим комплексом.

Я задумчиво осматривал помещение. Повсюду пыль и паутина. И темнота. Разумеется, никакие автономные источники света тут уже не работали, а даже если и не так, то были законсервированы тогда же, когда и сам объект. Искать панель управления электроэнергией, конечно интересно, но совершенно необоснованно. Тут может быть небезопасно, да и вряд ли что-то еще работает. Если вообще работало когда-нибудь. Объект не достроили, причем на последнем, так сказать финальном этапе.

– Так, ребят. Фонари у нас конечно экономные. – Заметил я, посмотрев на индикатор заряда. – Но думаю, не лишним будет сделать пару факелов. Экономия, знаете ли, еще никому не помешала.

– Хорошая идея. У нас карманных фонарей семь, даже восемь штук – по две батареи к каждому. У Сереги армейский фонарь с полным аккумулятором! У меня еще лампы химического света есть.

– А у меня два коробка охотничьих спичек. Тут наверняка найдется что-то, что можно поджечь. А, вот, кстати, еще огниво есть.

– А его-то ты зачем взял?

– Просто так, – пожал плечами Андрей. – Вдруг пригодится?

Найдя в одном из шкафов старые тряпки, бывшие когда-то человеческой спецодеждой, мы соорудили четыре факела. Через десять минут, собрав вещи и мусор, мы двинулись дальше. Пройдя мимо контрольно-пропускного пункта, с расстрелянным стеклом и сломанным турникетом, мы свернули направо.

Увидев изуродованное пулями стекло, возникли тревожные вопросы. А после того, как на одном из нижних стекол обнаружился давно засохший кровавый отпечаток ладони…

Пройдя по короткому коридору, мы вышли в другой, гораздо более длинный. Это был уровень инженерных и технических помещений. Нас удивило, что все они были абсолютно пустые. Ни оборудования, ни аппаратов, ни даже инструментов. Просто два десятка пустых помещений. Миновав их, мы вышли на широкую лестничную площадку.

Помещение, куда мы попали, оказалось поистине огромным. Во тьме сложно было разглядеть, что оно собой представляло, но фонари, то и дело натыкались на серые стены.

Спустившись по широкой металлической лестнице вниз на первую площадку, мы остановились. Дальше спуска не было. Только темная пустота. Весь пролет, по неизвестным причинам рухнул вниз, причем давно. Ржавые обломки можно было

различить, метрах в десяти ниже уровнем. Левая лестница пребывала в таком же плачевном состоянии.

– Приплыли! Идеи есть? – спросил Серега, пытаясь осветить своим фонарем как можно больше пространства.

Дмитрий размахнулся и бросил факел вперед.

Перед нами постепенно открылось большое темное помещение, с очень высоким потолком. Мрачные бетонные стены создавали впечатление, что тут изначально планировался некий саркофаг. Потолок, тоже из цельного бетона, был значительно массивнее того, что встретил нас при входе в комплекс. Даже при самом беглом осмотре, можно было догадаться, что это помещение старее тех, что были уровнем выше. Похоже, его возвели гораздо раньше. Неужели это строительство шло этапами?

Целый лестничный пролет, вместе с частью платформы рухнул вниз, сделав спуск вниз абсолютно невозможным. Огонь, отсветами скакал по стенам, делая их еще мрачнее.

– Да уж, и как вся эта конструкция рухнула? Не иначе, как ей кто-то помог! – предположил Дима.

– Серый, брось-ка факел вон туда. Там что-то есть, – ткнул я пальцем влево.

Серега послушно зашвырнул факел по указанному направлению. Там, метрах в шести, находился большой, широкий, судя по всему грузовой лифт. А с другой стороны лежали два пассажирских лифта. Все тросы были оборваны. Ржавые кабины, разбившиеся при ударе, лежали внизу. Но, главная и поперечные балки, когда-то державшие на себе вес лифтовых кабин – уцелели. Там можно было различить даже ржавые электромоторы, с обрывками тросов. Разумеется, все это давно не работало.

– Ну вот! Час от часу не легче. Лифта нет, лестницы тоже! – недовольно пробурчал Андрей. – Мы так не договаривались.

С кем он договаривался – никто из нас не знал, но глядя на его комичное выражение лица, невозможно было не улыбнуться.

– Так, а если попробовать аккуратно пройти вон по той балке и укрепить веревки? Да, прямо там, на балке! Тут всего-то метров десять – двенадцать. Спустимся по ним.

– В принципе возможно. Лишь бы веревок хватило. Хорошо бы еще и ноги внизу не переломать. – Заметил Дима, разглядывая бесформенные кучи обломков внизу.

– Так, погодите!

– Что?

– Здесь тоже строительство было не окончено. Внизу видны обломки лифта, какие-то агрегаты. Ящики еще, – перечислял

Андрей, водя фонарем по полу.

–Точно! Вон там, стройматериалы еще лежат. Смотрите!

– Да, ты прав. Строительство еще шло, когда сверху пришла команда все бросить! – предположил я, разматывая веревку. – Серый, ты пойдешь первым или мне идти?

– Сам сделаю! Тем более сейчас моя очередь! – ответил тот, стягивая рюкзак.

Перебравшись через ограду, Серега не торопясь, добрался до главной балки.

Немного помешкав, он закрепил веревку так, чтобы остальные могли проделать тот же путь, но уже значительно быстрее. Добравшись до цели, мы укрепили еще одну веревку на крепление электродвигателя, а затем спустили вниз рюкзаки. Серега и Дима, закрепившись, быстро соскользнули вниз. Андрюха и Катя готовились к спуску. Парни внизу что-то обсуждали, бродя по площадке между остатками лифтовых кабин и другими завалами.

Вдруг, откуда-то снизу раздался удивленный возглас, а затем крик Сереги.

– Эй, тут мертвец!

– Что?

– Скелет! Человеческий! С простреленным черепом…

Глава 7. В западне

Обнаруженный нами скелет действительно оказался человеческим! Он лежал среди бетонных глыб и ржавых металлических балок в неестественной позе, с переломанными костями. Создавалось впечатление, что его сначала застрелили, а после столкнули с лестничной площадки прямо на обломки. Или наоборот, он упал сам, а затем, чтобы не мучиться, бедняга попросил товарища, если он, конечно, был, избавить его от страданий. Так это или нет, никто из нас не знал. Однако и так напряженная атмосфера, с появлением еще одного пугающе загадочного аргумента, накалилась еще сильнее.

– Вот это трофей! – пошутил Андрюха, трогая ребра. – Давайте возьмем? В музей сдадим, а?!

– Совсем не смешно! – осекла его девушка, внимательно осматривая скелет.

– Да? А, по-моему, отличная шутка. Может быть, все-таки возьмем с собой, а?

Ему никто не ответил. Зрелище действительно было, если не жуткое, то неприятное уж точно. Простреленный череп, словно смотрел пустыми темными глазницами прямо в душу, вселяя неестественный страх. Да что там страх – ужас!

– Ребят, не знаю, как вам, а мне становиться страшно! – Катя

махнула руками по сторонам. – Вы только посмотрите! Все это, долгое время было под завесой какой-то жуткой и мрачной тайны, а мы влезли сюда из банального любопытства и то, случайно. Тайны, которая много лет была скрыта ото всех. Профессор не зря боялся об этом говорить.

– Про тайну это ты верно подметила. – Хмыкнул Андрюха, перестав шутить. – Только вот почему тебе страшно, не пойму. Ну да, брошенный объект. Мы часто бываем на таких.

– Нет, Андрей. Это не то. Совсем не то! Еще неизвестно, во что мы влезли. Я что, одна так считаю? Макс? Макс, ты чего там торчишь?

Я, все это время осматривающий помещение сверху, медлил и еще не успел спуститься к остальным. Мне показалось, что где-то позади, со стороны входа, я вновь услышал неестественный шум. Было похоже на чьи-то неосторожные шаги. Или же это простой сквозняк, а мне только кажется?

– Да, да сейчас спущусь, – задумчиво ответил я, закрепляя веревку, но при этом, продолжая настороженно поглядывать в сторону выхода.

Дискуссия внизу набирала обороты.

– Кать, да ты чего? Успокойся! Ну, подумаешь, скелет, – попытался разрядить обстановку весельчак Андрюха. – Может это кто-то из случайно погибших рабочих?

– С простреленной головой?

Андрюха осекся, осознав, что его предположение полная чушь.

– Ну, хорошо. Значит, так! Что мы имеем? Заброшенный объект Министерства обороны, да? Ракетный это комплекс или нет, мы не знаем. Что тут происходило в восьмидесятых годах, мы тоже не знаем. Чей это скелет и как именно он погиб, мы – тоже не знаем. На объекте прекратили все работы, законсервировали, уничтожив на поверхности все строения, так?

– Верно.

– И никто об этом месте ничего не знает?

– Вполне возможно, что так оно и есть.

– А теперь скажи, были ли мы раньше в местах, где постороннему человеку не место? Катя, не молчи!

– Ну, были. – пожала плечами девушка.

– Так чего ты раскисла тогда? Я не узнаю ту Катю, которая может без колебаний дать в морду мужику, за криво брошенную в ее сторону шутку.

– Я не раскисла. Не сравнивай! Все это совсем не то. Не так, как раньше. Здесь все намного серьезнее. Мне кажется, все люди, что тут находились, так и не вернулись на поверхность!

– Ерунда! Профессор же выбрался!

Пока товарищи обсуждали завесу тайны, я неторопливо спустил вниз оставшуюся пару рюкзаков и ухватился за веревку. Оттолкнувшись ногами от бетонного парапета, я медленно съехал вниз, едва не подвернув ногу при не самом удачном приземлении.

– Да ничего тут нет! Катя, все, успокойся! – Серега тоже начинал злиться, хотя гораздо лучше Андрея понимал, что тут явно не все так просто, как кажется. Но и панику разводить не следовало.

– Андрей, ты меня что, тоже не слышишь? – Катя указала на лежащий под ногами скелет. – Вот доказательство тому, что здесь что-то происходило. Что-то очень плохое.

– Ты имеешь в виду тот факт, что скелетов мы раньше не находили? А как же бурый курган? Был и там скелет. А тот бункер на Пролетарской? Там целых три скелета было.

– Но не с простреленными черепами! – девушка перешла на крик.

– Дура, не кричи! Я тебя успокоить пытаюсь! У тебя месячные, что ли?

Она разъяренно уставилась на него безумными глазами.

– Успокойся! Хватит!

– Рот закрой! Все, достал! Я ухожу, сами тут оставайтесь. Подожду в машине.

Девушка решительно повернулась, закинула первый попавшийся рюкзак на плечо и двинулась к ближайшей рухнувшей кабине лифта. Однако дойдя до нее, она в нерешительности остановилась.

Недовольно сопящего Серегу привлек ее удивленный возглас.

– О! Ну, что? Передумала? – обернулся он к ней.

– Нет! – гневно произнесла она. – Веревок нет!

– Чего?

– Веревки! Их нет!

– Как нет?

– Вот так! Ни одной!

И действительно, веревки, по которым мы спустились несколько минут назад, вдруг исчезли. Взглянув вверх, я увидели всю ту же главную балку, на которой крепились лифтовые электродвигатели, но никаких веревок, вопреки ожиданиям, на ней не было. Они не были оборваны или перерезаны. Их просто не было, словно мы спустились по воздуху. Где-то наверху раздался хриплый смех, а затем оттуда вылетела пачка из-под сигарет. Пролетев в воздухе, она шмякнулась рядом с Андрюхой.

– Не понял! – напрягся Андрей, отбросив пачку ногой и

недовольно посмотрев вверх.

– Что за дела? – спросил Дмитрий. – Эй, кто там наверху? Эй!

Снова раздался смех, но уже тише.

– Да кто там, черт возьми?

В следующую секунду, на верхней площадке показался человек, в старой военной форме. Следом за ним, еще один, но его форма была черной, а лицо скрыто маской аналогичного цвета. Тот, кто стоял перед нами, был хорошо знаком всем, кроме Кати. Профессор Штрасс, немец, у которого Андрюха украл дневник и карту прямо из чемодана. За ним стоял еще один человек, с маской на лице.

– Вы? Как это понимать? – с трудом подбирая слова, произнес Дима.

– Тихо! – хмуро произнес профессор, разглядывая ребят.

– Зачем вы сняли веревки?

– Тихо! – несколько помедлив, требовательно повторил тот, осматривая помещение.

– Какого черта?

– Заткнись, сказал же! Не надо шуметь!

– Дед, ты совсем сбрендил? – Андрей покрутил пальцем у виска. – Верни веревки!

– Ты все не уймешься? – рявкнул профессор, но затем взял себя в руки. – Я всего лишь отдал дань уважения этому месту. Много здесь нехорошего было…

– Какого? – спросил Дмитрий.

– Хм, а еще я слышал, о чем вы говорили. – Старик проигнорировал его вопрос, продолжая осматривать помещение, хрипло дыша. – Тут, много лет назад, произошло такое, о чем я даже сейчас не хочу вспоминать. Настолько страшное, что словами не передать. И я единственный, кто успел тогда унести отсюда ноги. Испытывая угрызения совести, я не мог найти покоя. Долгие годы.

– Здесь уже были люди! – крикнул Дмитрий.

– Не было тут никого! – отмахнулся профессор. – С 1986 года. Однако много моих друзей и знакомых осталось тут. Один из них, кстати, лежит рядом с вами, – профессор указал на скелет. – Кое-что случилось, что породило цепную реакцию. Мне пришлось его убить. Да и не только его.

– Вы застрелили человека? Вы с ума сошли?

– Пришлось. Я сам от этого не в восторге, но так было нужно. Однако, это далеко не самое плохое из моих грехов. – Он зловеще ухмыльнулся. Затем на его лице проступила жуткая ухмылка, больше похожая на оскал.

– Зачем вы явились сюда? – спросил я, пристально глядя в

глаза профессора.

– Разумеется, потому, что обнаружил пропажу своего дневника. А люди, которые знают о произошедшем, не хотят, чтобы то, что тут происходило, стало известно всем. – Сухо произнес старик. – Возможно, еще не все закончилось. Поэтому, я должен был все проверить лично!

– Что проверить?

– Надежность этого места. Стоило больших трудов замять все историю в Министерстве. Этот объект официально не существует. Нет, он не законсервирован. Он действительно брошен, потому что…

– Вильгельм, заканчивайте! – вдруг подал голос незнакомец за спиной профессора.

– Да, да, еще минуту! – кивнул профессор, а затем снова обратился к нам. – Вот и все, прошу меня извинить, мое время истекает. Да и ваше, пожалуй, тоже. Желаю вам хорошо провести время.

– Да ты с ума сошел, пенсионер старый? – взорвался импульсивный Серега. – Ты что, хочешь нас бросить здесь?

– Именно так. Выходов отсюда только два, – подумав, он поправился. – Один. И я его уничтожу. А вот вы, останетесь здесь навсегда. Вы угроза для этого места. Угроза для меня. А, кстати…

Профессор вдруг вытащил какой-то прибор из стоящей рядом с ним сумки. Что-то покрутил на нем.

– Что это такое?

– Я уверен, у вас с собой полно различного хлама типа GPS навигаторов. Смартфоны, айфоны… Так вот, эта штука позаботится о том, чтобы вы не смогли ими воспользоваться.

– Сумасшедший!

– Вытащи нас, немедленно!

– Нет! – произнес старый профессор, качая головой. – Прощайте!

С этими словами он развернулся и зашагал прочь, быстро скрывшись из вида. Тот, что был с ним, не снимая маски, развернулся и двинулся следом.

– Стой, чертов дед! Стой! Вернись! – кричал Серега.

– Старый козел! Маразматик! – возмущалась девушка.

Аппарат зажужжал. А затем негромко хлопнул. Я почувствовал, как в кармане у меня что-то завибрировало. Достав свой смартфон, я поразился – он вырубился. Сам корпус был весьма горячим, словно он закипел изнутри.

– Как так, что это было? – прошептал я. – Неужели электромагнитный импульс?

У остальных с электроникой дела обстояли так же. Ни одно

электронное устройство не уцелело. Даже МР3плэеры. Даже ключи от машины. Все накрылось.

Катя тихо вздохнула, медленно опустилась на обломок, совершенно расстроенная.

Я подошел к ней, не обращая внимания на бегавших среди руин друзей, проклинавших старого профессора. Вот только был ли он профессором на самом деле?

– Катя, ты как?

– Да никак! – недовольно отрезала она. – Я же чувствовала, здесь что-то не так. Я же говорила!

– Ничего, и не из таких передряг выбирались, – я попытался ее успокоить, но вышло не ахти.

– Серьезно? Не обманывай себя!

Я промолчал. Она была права. Никогда еще мы не попадали в такую задницу. Никогда еще ситуация не накалялась до предела. Никогда еще …

– Да хватит вам! – прикрикнул я на парней. – Толку орать? Он не вернется! Все! Мы одни здесь!

– Вдруг кто-то услышит. – с надеждой произнес Андрюха сиплым голосом, весь вспотевший от усердия.

– Ага, конечно! Никто нас тут не услышит! Над нами десятки метров бетона! – хмыкнул я, доставая из общей кучи свой рюкзак. – А помимо этого, не забывайте, что на многие километры тут никого нет. Никто нам не поможет.

Воцарилась тишина. Несколько минут мы вообще не разговаривали между собой. Мне порой казалось, будто я и без слов слышу, кто, о чем думает.

– Что мы теперь будем делать? – первым задал вопрос Серега.

– Искать другой выход! Помните, на карте он был? – неожиданно взял слово Дмитрий, доставая дневник.

– Это единственный выход. Старик же сказал. Веревок у нас нет, здесь нам не подняться. Разве только, если мы найдем их здесь, что вряд ли.

– Да пошел этот дед! Я ему не верю! Должен быть еще выход.

– То есть, ты предлагаешь нам идти дальше, искать второй выход?

– Да! Именно!

–Но что может ждать нас там? – с опаской спросила Катюха, указав рукой во тьму.

– Вот заодно и узнаем! Предлагаю провести ревизию имеющихся вещей, все посчитать и проверить наши запасы.

– Хорошая идея, вот с этого и начнем.

– Для начала предлагаю переодеться…

Мы все промокли. Кто-то естественным путем, а кто-то

просто вспотел.

Выбросив грязную одежду, и облачившись в новые пейнтбольные костюмы, мы извлекли все содержимое наших рюкзаков. Кстати, о костюмах. Они оказались очень качественными, надежными. Сшитые на заказ, где-то в Америке, а также доставленные в страну непонятно как… Жаль, конечно, мы не на турнире по пейнтболу, совсем не турнире…

На каждого набралось по шесть банок тушенки. Помимо этого, нашли восемь банок консервированных овощей, по три пачки армейских галет и почти по два литра воды на человека. Две аптечки, начатая бутылка шотландского виски. Два альпенштока, короткая трехметровая веревка, три армейских плащ-палатки, две упаковки спичек. Чайник, маленький котелок, ложки, вилки.

Посовещавшись, решили использовать только два фонаря, для экономии батарей, ведь неизвестно, сколько нам придется блуждать в темных подземельях комплекса, ища второй выход.

Пустота и мрачность комплекса, особенно после осознания того, что нас здесь заперли, давила на нервы, и ощущалось это настолько же хорошо, насколько вообще это можно представить. Тяжелая, мрачная тайна, вкупе с безжалостным предательством словно висела в затхлом воздухе, мешая дышать.

Глава 8. Могильник

Андрей Мазур, веселый парень. Душа компании. Любит хорошо пошутить, а вот когда шутили над ним… Обычно, все заканчивалось быстро. Шутник, каждый раз вытирал кровь с разбитого носа, а то и похуже. Звучит двусмысленно, верно?

Он любил спортзал. Полюбил еще в армии. Десантник как-никак. Очень простой, общительный, и совершенно непредсказуемый, Андрей был одним из тех людей, о которых нельзя сказать что-то конкретное – термина просто не подобрать.

Андрей самый активный игрок нашей команды, а по совместительству был еще и стратегом. После турниров, обычно, свои стратегические успехи он расхваливал в каком-нибудь баре. Девчонки роем вились вокруг него, а он, упрямый, все бегал за Маринкой – моей соседкой по квартире. Так и познакомились. Лучшего друга было не найти – да и не нужно.

Сразу после площадки с рухнувшими лестницами и разбитыми лифтами, шел небольшой широкий коридор, который уже через десяток метров, вывел нас в длинное узкое помещение. Оно постепенно сужалось, едва заметно закручиваясь по спирали, постепенно опускаясь вниз. Этот коридор был частично завален старым мусором, обломками допотопного оборудования, а в заключение – оброс плотной и пыльной паутиной.

– Ребят, вы заметили, что мы ходим кругами? – спросил я, через несколько минут, обратив внимание на все непрекращающийся поворот направо.

– Странный коридор, бесспорно, и сдается мне, что мы ходим вокруг той самой единственно существующей ракетной шахты.

– Да и на плане других круговых коридоров не существует. – Изрек Дима, вертя в руках план, доставшийся им от чокнутого профессора. Второй план, найденный в одной из комнат, Дмитрий тащил за собой, вот только никакого спиралеобразного коридора на нем почему-то не было!

Еще несколько поворотов и коридор резко свернул направо, а затем вывел нас к крохотному тамбуру. В его центре находилась большая, массивная, практически закрытая дверь, с широким смотровым стеклом.

– Ого, вот это дверь! – удивился Серега, а в подтверждение своего восхищения, ударил ее ногой. – Основательная! Такую попробуй, взломай!

– А вот это тут для чего? – спросил Андрюха, указывая на толстое стекло, в правом углу которого отчетливо различались четыре пулевых отверстия.

– Здесь что, тоже стреляли? – спросила Катя, вопросительно посмотрев на меня. – Уж не наш ли профессор?

Я заметил с десяток гильз на грязном полу.

– Не только здесь. Но и наверху, на КПП тоже. – Произнес Дима. – И там, и тут гильзы!

– Раз стреляли, значит, скоро мы узнаем почему, – задумчиво произнес я.

После неловкой паузы, мы еще раз переглянулись. Диму, по-видимому, тоже мучил какой-то вопрос.

– Наверное, нам туда? Так-то тут больше некуда идти!

– Согласен. Ну, так что, заходим? – спросил Серега, ухватившись за ручку приоткрытой двери и обернувшись к нам, ожидал согласия.

– Давай.

Потянув на себя стальную дверь, Серега крякнул от натуги – дверь действительно оказалась очень тяжелой, а мощные петли давно заржавели. Димка встал рядом, помогая толкать. Кое-как расшатав дверь, удалось сдвинуть ее почти до упора.

– Мы пришли с миром! – снова громко, но вкрадчиво произнес Андрюха, заглядывая в широкий проем между стеной и дверью. – Ух, ты! Даст ист фантастиш!

– Что, что там такое? – нетерпеливо шикнула Катюха.

– Там это… ну короче там…

– Андрюха, ну, правда, задрал ты уже!

– Да я что… я ж так… – обиженно пробубнил тот себе под нос. Затем, махнув рукой, отошел в сторону.

Войдя в дверной проем, мы остановились в нерешительности. И хотя разглядеть толком еще ничего не успели, объем помещения почувствовался сразу. Даже правильнее сказать – пустота. Два мощных луча света выхватили из темноты огромное пространство. Да что там огромное – просто необъятное! Высокие, закругленные бетонные стены, с причудливыми ребристыми перекрытиями, переплетались с металлоконструкциями и коммуникациями. Это была пусковая шахта. Она представляла собой гигантскую бетонную банку, высотой около сорока метров, увешанную старым ржавым оборудованием. Мы находились почти на самом дне, на вмонтированной в стену металлической смотровой площадке. Фонари не могли осветить такое обширное пространство, но даже то, что можно было увидеть – завораживало.

Высоко на потолке можно было различить огромнейшую крышку ракетной шахты, под которой все еще висели мощные подъемные механизмы. Внизу же наоборот, находился внушительных размеров кран-платформа, но нестандартного – вертикального типа. Он, на специальных направляющих, поднимал ракету готовую к запуску, на другую направляющую, спаренную с основанием подъемной платформы. Ее окружала винтовая лестница, на самом верху которой, находился контрольно-пусковой пульт. За краном, на грязном бетонном полу были разбросаны толстые резиновые шланги, уходившие к находящимся с краю большим топливным емкостям. Судя по всему, здесь заправляли ракеты, подготовленные к запуску. Эта необычная конструкция, вместе со всеми вспомогательными аппаратами, находилась не в лучшем состоянии. Время беспощадно оставило на ней свои следы.

– Ну, ничего себе! – произнес вслух Дмитрий, округлив глаза.

– Да уж, вот это зрелище! – заключил Серега. – Есть на что посмотреть!

Пока друзья осматривали платформу, я сосредоточил внимание на самой шахте.

– Что-то странно… – негромко произнес я, осматривая кран-платформу. – Такая большая шахта, а судя по этой направляющей… Ракета не займет и восьмой части объема всей шахты. Зачем же ее делать такой большой?

– Макс, ты конечно человек технически начитанный… Но откуда тебе знать, как в восьмидесятых вообще строили установки запуска ракет? Если она такая, значит, так решили конструкторы.

– Возможно… – продолжил я. – Но тогда, где сама ракета? Я что-то ее не вижу.

И действительно, ее не было. Или ракет, если заранее подразумевался запуск сразу нескольких.

Резервуары с топливом размещались в дальней восточной части шахты, сразу за смотровой площадкой. Вот только сами баки, как и конструкция топливных насосов, не выглядели надежными. Да что там – нарушение условий эксплуатации – на лицо. Ведь при запуске выделяется огромное количество тепла? А как же температурный режим? Да если ракета стартует прямо отсюда, пламя от запуска двигателя воспламенит все хранящееся тут топливо! Рванет так, что от комплекса ни черта не останется. Все оборудование после первого же запуска станет негодным. А про персонал я вообще молчу… Что за ерунда? О чем думали конструкторы?

– Эй, смотрите, тут лестница, давайте спустимся? – прервал мои размышления Андрей, который все это время осматривал не платформу, а пути к ней.

– Зачем?

– Ну, хотя бы для того, чтобы осмотреть все поближе. И к тому же, все равно больше нам идти некуда, а внизу может еще что-нибудь есть! – аргументировал парень и первым зашагал вниз. Серега окликнул его, но тот просто проигнорировал предупреждения. Лестница, под его весом, натужно скрипнула, но в советские времена все делали надежным, так ведь?

Андрюха, с характерным шумом, скрылся внизу, а через минуту уже стоял рядом с краном, освещая фонарем агрегаты.

– Чего встали? Сюда! – обернувшись, он с изумлением обнаружил нас на прежнем месте.

– Идемте! – произнес я, двинувшись к лестнице, и доставая свой фонарь. – Ну, судя по всему и правда, дальше остается двигаться только вниз.

– Вниз? – нерешительно спросила Катя. – Может мы что-то пропустили?

– Я, по пути сюда, ничего не видел, а ты?

Она согласно кивнула, но промолчала. Однако почему-то, спускаться на платформу ей совсем не хотелось. В отличие от Андрея, который уже успел обойти платформу и сейчас скрылся из вида. Едва мы спустились вниз, даже не успев толком осмотреться, как раздался его удивленный возглас, откуда-то из-за крана.

– Эй! Тут полная жесть!

Удивительно, но я не заметил эха. Его тут просто не было.

И хотя самого парня мы не видели, в его голосе

чувствовалось замешательство и неуверенность. А еще, пожалуй, испуг.

– Ну! Что ты там нашел?

– Какую-нибудь очередную бесполезную ерунду… – Катя и осеклась на полуслове.

То, что они увидели, поразило всех!

Андрей стоял посреди чистой бетонной площадки, на которой почти не было кабелей и шлангов. Вместо этого, вся площадка была завалена человеческими скелетами.

– Бог мой! – ужаснулась Катя, не в силах отвести взгляд. – Да это же самый настоящий могильник, не иначе!

Их было много. Семь и или восемь. Черепа, кости, ребра… На многих еще сохранилась спецодежда и военная форма.

– Что же тут произошло? – тихо пробормотала Катя, рассматривая кучу костей.

– Это же люди. Все были расстреляны! Но зачем?

Я уже устал спрашивать себя… Я чувствовал, мы найдем ответы на наши вопросы. Но, также я заметил, что чем дальше мы спускаемся, тем больше мы находим новых вопросов.

– Всему должно быть объяснение. И сдается мне, мы скоро все узнаем. Дима, ну-ка дай дневник… Посмотрим, что у профессора написано про ракетную шахту.

Пока остальные ребята осматривали шахту, я расположился у резервного пульта управления топливными насосами. Стопка желтых, местами рассохшихся страниц, исписанных неровным почерком старика – могла дать ответ. Какие-то фотографии, карта. Записи самого профессора, а также наскоро нацарапанные записки другим, судя по всему женским почерком.

Основательно покопавшись в дневнике профессора, я все-таки с некоторым трудом, нашел обозначение самой шахты и ее расположение. Все чертежи составлялись от руки, либо были вырваны из технических архивов, причем кусками. Определить где и какой фрагмент было не так-то просто. К сожалению, никаких сведений о том, производился ли из этой точки хотя бы один запуск ракеты, в дневнике не было.

Сейчас меня мучил всего один вопрос, несмотря на то, что в сложившейся ситуации их должно быть бесчисленное множество. Что, черт возьми, тут случилось? Слишком уж много замечаний к этому месту. Слишком уж много странностей. И что-то мне подсказывало – разгадки будут весьма неожиданными.

Пока я листал дневник, Катя и Серега осматривали груду скелетов. Это было жутковатое зрелище. Мрачное и неприятное. Достаточно просто представить, что тогда здесь могло происходить, чтобы понять и ощутить весь ужас. Представить, что

они были людьми, но погибли по чьей-то вине, по чьему-то жестокому приказу. Судя по всему, их тоже расстреляли из автомата, а потом стащили в одну кучу, попытавшись спрятать. На многих сохранились остатки одежды, амуниции, личные вещи. Куча скелетов, в богом забытой ракетной шахте, которая, может быть, вовсе и не шахта. Это место настоящий могильник. Какие же секреты здесь хранятся?

Дмитрий, заинтересовавшись пусковой платформой, полез вверх по лестнице, к контрольно-пусковому пульту. Добравшись до верха, он некоторое время молчал, затем удивлялся, о чем свидетельствовали характерные звуки, доносившиеся сверху.

– Эй, смотрите, что я нашла! – вдруг вскрикнула Катя, неожиданно разрядив обстановку.

– Что там?

– Пропуск! – произнесла она, старательно вытирая с него плесень. – Старый пропуск.

И действительно. У нее в руках лежал сильно потрепанный документ, покрытый плесенью, видимо разрешающий вход на какой-то секретный объект. Время безжалостно оставило на нем следы.

– Что-нибудь можно разобрать?

– Да, кажется, да. Так! На некоего Антона Лаптева, – с трудом прочитала девушка, пытаясь хоть что-то разобрать. – *"Бункер № 17",* уровень один. И цифры какие-то еще есть.

– Бункер? Это еще что значит? – Серега уставился на пропуск.

– А уровень? Какой еще уровень?

– Мы можем только гадать, что именно это означает. Это может быть и этаж комплекса, а может степень допуска. Может быть, номер помещения или мастерской. Да что угодно!

– Что там еще написано? Какие-то цифры?

– Так! "6796", кажется. Плохо видно.

– И для чего этот номер?

– Несомненно, он важен! Что еще написано?

– Ничего. Только его фотография, но она сильно испорчена. Роспись. И какой-то символ над фамилией. Похоже на солнце.

– Что бы это значило?! – задумался Серега.

– Смотрите! Тут еще и ключ есть, – радостно вскрикнула девушка.

– Покажи-ка.

У девушки в руках был широкий, с нетипичными зазубринами, явно не стандартный ключ. Никто из нас таких ранее не видел.

– Интересно, от чего он?

– От "Бункера №17"! – с усмешкой предположил Дима. –

Возьмем с собой?

– Конечно, возьмем, может быть пригодиться!

Вдруг, откуда-то с платформы послышался страшный грохот, а уже через секунду оттуда с характерным металлическим лязгом, упал какой-то агрегат, хрупкого вида. Упал на бетонный пол, едва не зацепив Андрея, и вопреки ожиданиям, по странному стечению обстоятельств – не разбился от удара.

– Димон, ты чего творишь? – возмутился Андрюха, отходя в сторону.

– Посмотрите на него внимательно! – Дмитрий проигнорировал замечание и ткнул пальцем в сброшенный аппарат.

– На это? – Серега подошел ближе, и, осветив фонарем неизвестный агрегат, удивленно переспросил. – Ну и что это за ерунда?

– А это не ерунда! Это макет!

– Макет?

– Пустой коробок, – пояснил я, отстранившись от дневника и наблюдая за сброшенным аппаратом. Затем, поднявшись, обратился к Диме. – Имитация какого-то аппарата, что ли?

– Ага! Тут все такое! – заключил Димка. – Все оборудование! Все не рабочее, стоит тут лишь для вида.

– И что это значит?

– Пока сложно судить, но, очевидно, что… Это вовсе не контрольно-пусковой пульт. Да и защиты тут никакой нет. Вы же говорили про воспламенение топлива… Так вот, если бы тут был оператор, он бы непременно бы изжарился заживо.

Повисла непродолжительная пауза.

– И что же это тогда?

– Ребят, а никто не заметил, что в таком огромном помещении нет эха? – с интересом спросил я, вместо ответа.

– А ведь и правда! – Дмитрий осмотрелся. – Сколько тут двести, триста квадратов? Да, наверное, больше. И никакого эха.

– Ну и что это означает? – не понял Андрюха, удивленно уставившись на меня.

– Это означает, что шахта, скорее всего, настоящая! Здесь повсюду специальный строительный подбой из особого изолирующего материала.

– Что ты хочешь этим сказать, Макс?

– Комплекс действительно ракетный. По крайней мере, он строился для этого Министерством обороны. Но! По каким-то причинам строительство остановили. А всю территорию комплекса, равно как и его подземную часть передали под что-то другое. Или кто-то присвоил его себе втайне. А недостроенные

объекты на поверхности разрушили, построили мнимые точки пуска ракет. Мы их видели, помните?

– Ну да. В виде треугольника. Но зачем?

– Да, да, хороший вопрос. И как раз вот на этом этапе и появляется наш профессор! Рисует карту, ведет дневник. Есть идеи для продолжения?

– Если честно, то нет!

– Тогда, я продолжу излагать свои предположения, если никто не против, – снова ухмыльнулся я, закусив губу. – Итак, допустим, можно предположить, что комплекс закрыли официально, но работа над чем-то другим продолжалась уже неофициально. Прямо здесь. Вот почему, никто не стал искать следы, равно как никто и не знал об этом месте. Ну и, по словам профессора, кто-то помогал ему все хранить втайне. В Министерстве обороны! Прикрытие было на самом высоком уровне. Без каких-либо утечек.

– Очень может быть. – устало вздохнул Серега, еще раз осмотрев помещение. – И хотя твое предположение очень смелое, далеко не факт, что ты прав. Да и вообще, можно предположить, что угодно. У кого насколько фантазии хватит.

Снова повисла пауза. Но на этот раз более продолжительная. Каждый, хоть немного, но постепенно начал понимать и складывать воедино все детали общей картины в одно целое.

– Нужно выбираться отсюда. Мой фонарь скоро сядет. – Прервал паузу Серега, посмотрев на встроенный индикатор заряда батареи.

– Мой тоже. – Дима постучал по крышке своего фонаря. – Но куда?

– На карте ничего, лишь куча технических линий и коммуникаций. Я ничего тут не пойму.

– Тут полно технических туннелей, коридоров, но их расположение мне непонятно. Я даже не знаю, как правильно читать такие чертежи.

– Какой-нибудь из них да выведет к выходу! – беспечно махнул рукой Андрей. Похоже, ему нравилось все это.

– Это самое глупое решение, какое я только слышала, – фыркнула Катя. – Мы так вообще забредем туда, откуда не выберемся.

– Так что на карте?

– Я насчитал как минимум четыре прохода. Вон тот, ближний к нам, сразу за топливными баками самый большой. Идем?

Мы быстро двинулись к стоящим за краном топливным резервуарам. Баки давным-давно проржавели и были больше похожи на эдаких обезображенных динозавров. Шланги со

временем рассохлись, напоминая скелеты гигантских змей, частично обтянутых резиной. Топливом тут и не пахло. Может, его тут и не было никогда.

Мощная крепежная конструкция скрывала за собой технический проход, в который вела узкая железная дорога. Возможно, это мог бы быть туннель, через который сюда доставлялись ракеты. Или что-то еще. Однако мне он показался слишком уж узким. Слишком.

Сверху была установлена складная, на роллерах, выдвижная дверь. Внутрь уходили какие-то трубы разных диаметров, гофрированные кабеля, рельсы. Весь проход был затянут многолетней пыльной паутиной, а стены покрыты уже высохшей плесенью, что натолкнуло меня на мысль, что здесь когда-то было очень сыро и влажно.

– Мы полезем туда? – спросила Катя, скривившись и заглянув в туннель.

– Ну да. Это один из технических туннелей, куда-то он да ведет!

– Технические туннели для того и созданы, чтобы по ним проходили коммуникации, но никак не люди!

– Хватит уже повторять про технические туннели! – вдруг выпалил Андрюха. – Можно их как-нибудь по-другому называть?

– Да называй, как хочешь, суть-то одна! – рассмеялся Серега. – Ну, кто желает разведать проход?

– Может не стоит, а? – Катя все еще сомневалась.

– Я пойду! – вызвался Дима, сбрасывая рюкзак.

– Всем лезть вовсе необязательно, – заметил я. – Остальные могут подождать здесь.

– Зачем? Лучше, если пойдут все! Глупо в таких ситуациях разделяться!

– Кто-нибудь один потеряется и все. Лучше уж вместе.

Глава 9. Пустота

Медленно продвигаясь по темному проходу, мы время от времени останавливались, решая, в каком направлении двигаться дальше. И причина каждый раз была разной: То обрушение незакрепленных коммуникаций, то какой-нибудь крупногабаритный предмет, который, следуя элементарной логике, вообще не должен был тут находиться. То неизвестный и не отмеченный на карте новый, ещё более узкий проход. Пару раз попадались кости и человеческие скелеты, в самых неестественных позах. Все, что встречалось на пути, было старым, видавшим виды. Плотная пыльная паутина, различный технический мусор, не закреплённые элементы конструкций, ведущих коммуникаций, ржавые инструменты, иногда плесень на

бетонных стенах – вот что было в туннеле в изобилии.

Серега, сменивший Диму, и теперь шедший первым, поначалу удивлялся, встречая на своём пути те или иные препятствия.

Стены туннеля состояли из цельного советского бетона, добротного – такой сейчас не производят. И хотя на лицо были явные признаки недостроенного объекта, нужно отдать должное строителям. Постарались на славу. Если бы объект был завершён, он сослужил бы хорошую службу и, возможно, по сей день был бы в строю.

Двигаться по низкому пыльному проходу было сложно – голова то и дело цеплялась за выступы, крепления, углы каркасов. Да и дышать пыльным и затхлым воздухом было ещё-то удовольствие. А когда группа неожиданно уперлась в тупик, в воздухе повисло стремительно нарастающее напряжение, вкупе с явным разочарованием.

– В чем дело?

– Хм, а дальше-то и хода нет. Сейчас, подождите. Ну да, точно! Тут решётка, – вдруг досадно произнёс Серега, и в качестве доказательства постучал по ней основанием фонаря.

– Тупик!? Решётку открыть можно?

Серега с силой подергал её, о чем свидетельствовал лязг металла, но, не добившись никакого эффекта, изрёк:

– Да пожалуй, нет. Она заварена. Или закручена. Ну да, точно. Вон, швы сварные видно. А за ней лежит сломанный производственный вентилятор, сорванный с крепления.

– Проклятье! – выругался Дима, сплюнув на стену. – И что дальше?

– Идем обратно, может мы что-то пропустили? – спросил Серега, недовольно рассматривая стекающую слюну.

– Обратно? Да мы уже полчаса ползаем по этой, мать её, бетонной траншее! Я три шишки уже набил… – возмутился Андрюха, почесав затылок. – Дышать нечем! Мокрый весь, одежда прилипла к телу. Спину ломит!

– А моя даже не отлипает! – тихо произнес я, ощущая упомянутый выше дискомфорт.

– Не ной, Андрюха. Других вариантов нет, только назад. Или у тебя есть ещё идея? – фыркнула Катя, при этом как-то сжавшись.

– Нет, но…

– Вот и не ной!

– Да не ною я!

– Хватит вам уже! Макс, двигай назад, только осторожно. – Серёге наскучил этот бесполезный треп.

Внезапно, снова подала голос смущенная Катюха.

– Мальчики, я в туалет хочу.

– Потерпи.

– Я уже час терплю. Не могу больше. – Скривилась девушка.

– Тогда давай здесь. – то ли пошутил, то ли серьёзно произнес Андрей, решив язвительно подколоть девушку, в отместку за её предыдущий подкол.

– Очень смешно!

– Не, ну а что?

– Чтобы ты на меня смотрел? – фыркнула та. Было вполне очевидно, что уж этого процесса она точно не стеснялась. Не раз подобное уже бывало. Однако это вовсе не означало, что девушка была лишена смущения. Нет, вовсе нет. Просто, это было вполне естественно, а ситуация была отнюдь не романтическим отдыхом в шикарном отеле. Куда деваться-то?

– А что я там не видел? – хихикнул Андрей.

– Эй, полегче. – Вмешался в разговор Димка, который провёл прошлую ночь с ней. Об этом все знали, хотя отношения этой пары были абсолютно свободными.

Андрюха продолжал хихикать, но назад не торопился возвращаться. Воцарилась неловкая пауза.

– Ладно, идем обратно, – произнес я, попытавшись развернуться в узком туннеле. Безуспешно.

– Ну, слава богу, хоть кто-то… – пробурчала девушка.

Ещё несколько десятков метров мы ползли обратно. Движение задним ходом оказалось еще более сложным. Рюкзаки то и дело цеплялись за всевозможные выступы. Периодически слышался мат, отборный и изощренный. Это хорошенько напрягало, учитывая, что все и так были на взводе, а после того, как мы еще раз сбились с правильного маршрута, обстановка и вовсе накалилась донельзя. Но, наконец, метров через тридцать, после очередного поворота, сзади показался выход.

– Ещё немного, – произнес я. – Кажется, вижу выход!

Через пару минут, вывалившись из узкого туннеля и вытащив грязный, облепленный паутиной рюкзак, я поднялся на ноги, и хотел было помочь выбраться Катюхе, но взглянув вверх, так и застыл: Ракетной шахты тут не было. И помещение, в котором мы оказались, было доселе мне незнакомым. Да что там, оно вообще не походило ни на что другое.

Выбравшись из технического прохода, Катюха первым делом уединилась в нескольких метрах от нас, за кучей сломанных деревянных поддонов. Андрюха не упустил возможности бросить в ее сторону очередную пошлую шутку, на что девушка ответила негромким журчанием.

– И где же мы теперь? – удивленно произнёс Серега, подойдя

ко мне. – Что думаешь?

– Похоже на какую-то галерею. А может большой коридор. Или туннель. Да что угодно! Но странно, материал стен совсем другой, – я приложил ладонь к ближайшей стене.

– Дима, на карте есть что?

Парень аккуратно развернул карту, которая уже успела немного пострадать, расплатившись парой рваных краев.

– Ну… Пожалуй, что нет. – Медленно, чуть задумчиво произнес он. – Так. Ход я вижу, обозначение "П-325", но никаких разветвлений там нет. Он должен по кругу огибать бетонную банку шахты и выводить к внешнему кольцу, где должны располагаться технические помещения. Это как раз там, где был сорванный вентилятор. Там мы двигались правильно.

– А после того, как мы повернули назад, куда-то не туда вышли?

– Да пёс его знает! Тут целое нагромождение пересекающихся линий. Такое впечатление, что карта перерисовывалась несколько раз. Она бесполезна. Почти. Единственное, что я вижу на ней, это нацарапанное карандашом обозначение.

– Покажи!

И действительно. На карте профессора, сбоку, с правой стороны, напротив штрека, ведущего из ракетной шахты в технический туннель, можно было различить надпись: *"Астра"*.

– *"Астра"?* Это еще что значит? – обратился сам к себе Сергей, но смотрел почему-то на Дмитрия.

Вопрос, разумеется, остался без ответа.

Вернулась повеселевшая Катя, по пути застегивая ремень и осматривая стены.

– Что-то нашли?

– Вот именно. Что-то нашли, а что неизвестно!

– Странное помещение, не находите?

– Почему?

– Да хотя бы потому, что тут использован совсем другой тип бетона. Сами посмотрите! Он гораздо старее. И вообще бетон ли это?

– Действительно. Я такого никогда не видел!

Потолок построенный в виде полукруглой арки, был покрыт разноцветной плесенью. Паутины тут почти не было, а воздух казался более сырым и влажным. Помещение более походило на широкий туннель, чем на коридор. Или даже больше на своеобразную галерею. Он был широкий, но по мере углубления вдаль – пропорционально сужался. Уходил во тьму, плавным, но неровным закруглением. Тут не было проводов, не было коммуникаций. Просто пустое, грубое, частично бесформенное

помещение. Справа оказалась крепкая, построенная из старого облупленного кирпича кладка. Она наглухо перекрывала проход в стене.

– Так! А это еще что?

– Кирпичная кладка! – утвердил Андрей, снова пытаясь подколоть товарища. – Очень старая, судя по виду.

– Правда? Как я сам не догадался-то? – парировал Серега.

– А стена то была взорвана! – заметил Дима, осматривая стену. – Вон следы подрыва. Знаете, это похоже на…

– Похоже на то, что строители ракетного комплекса строили быстро. И во время очередного подрыва, похоже, попали сюда. Или наоборот, намеренно.

– Это помещение значительно старее. Кем же оно было построено?

– И что не менее интересно – когда построено?!

– Ну и если продолжить идею, получается, что наши советские строители, намеренно остановили постройку ракетного комплекса, столкнувшись здесь с чем-то поистине необъяснимым! И это не беря в расчёт то, что строительство самого комплекса было засекречено!

– Быть может это древние туннели, ещё со времён прошлых веков?

– Нет, точно нет! Разве тогда был бетон, а?

– А это и не бетон! – произнёс я, все это время осматривавший стены. – Это что-то другое. И да, чтоб ты знал, цемент еще римский император Юлий Цезарь придумал!

Андрюха замолчал, копя силы для новой шутки.

– Смело. А дальше? Кто-нибудь продолжит? – усмехнулся Дима.

– Взорвав туннель и попав сюда, они по какой-то причине заложили пробой кирпичом и остановили строительство. Что они там нашли?! – Серега увлекся, автоматически строя версию случившегося прямо на ходу. – Что-то, что поставило крест на строительстве ракетного комплекса. Что-то страшное!

– Слушайте, полегче, а? Не слишком ли смелые у вас предположения? – не выдержал Андрюха. – Это уже перебор!

– А там что? – Катюха указала рукой в противоположную сторону поворота галереи. – Как-то там жутковато!

– Жутковато? Да нет там ничего! – Андрюха быстрым шагом пошёл вперёд, разбрасывая ногами обломки и мусор, частично устилающие пол. – Это просто большой, старый коридор! И все!

Вдруг раздался громкий лязг и хруст: Андрюха, неожиданно взмахнув руками, с протяжным воплем исчез из вида, провалившись куда-то вниз.

Глава 10. Минус один

Ей было не занимать смелости. Не занимать упорства и силы воли. Умение действовать в сложной ситуации только добавляли ей уважения. Выросшая без родителей, она давно уже полагалась только на себя. Кате было девятнадцать, когда она впервые спустилась вместе с диггерами в туннели московского метро. Спускалась и сама, но страшно не любила это дело.

Мы познакомились с ней на скалодроме. Точнее познакомился Дима, а затем представил и нам. В пейнбол ей играть нравилось, но каждый раз она ругалась, считая синяки от попавших в нее разноцветных шаров.

Кто-то из ее знакомых утверждал, что она стерва до мозга костей, но это было совсем не так. Просто девушка со сложным характером, нелегкой судьбой, но вовсе не легкого поведения. Ей нравилось быть предоставленной самой себе. А еще, она была неплохой актрисой, которая могла изобразить что угодно. Вот только полностью разгадать ее как личность, мне так и не удалось.

Едва затих его крик, как мы, успев осветить фонарем место падения парня, бросились вперёд. Там, в полумраке, среди разнообразного мусора, прямо в пол была вмонтирована массивная железная решетка. Сделанная из неизвестного металла, диаметром около полутора метров, она закрывала собой отвесную шахту, почти вертикально идущую вниз, неизвестно куда. Из-за бог знает, какого количества лет пребывания в сырой и влажной атмосфере, она насквозь проржавела. Коррозия и ржавчина сделали свое дело – наш товарищ имел неосторожность наступить прямо на слабое место. Неудивительно, что та, не выдержав дополнительного веса, с хрустом проломилась.

– Андрюха! Эй!

– Андрей! Андре-е-ей!

Посветив фонарём вниз, мы ничего не увидели, так как провал плавно изгибался, уходя куда-то под толщу цельного бетона.

– Андрей! Отзовись!

Но из чёрного как ночь провала, никто не ответил!

– Нужно лезть за ним! – воскликнула Катя, сбрасывая рюкзак.

– С ума сошла? Куда ты собралась?

– Туда!

– Он, быть может, уже мёртв!

– А если жив?

– Как ты туда спустишься? У нас даже верёвок длинных нет. – Произнёс я, неодобрительно качая головой. – Ну найдешь ты его, а дальше что?

– Но мы же не можем, просто взять его и бросить?

Повисла очередная неловкая пауза.

– Ну, чего вы молчите? – Катюха, сама того не замечая, начала истерически кричать.

– Не бросим! Но и в эту дыру лезть – самоубийство! Я думаю, нужно идти вперёд. Здесь все туннели и коммуникации, скорее всего, должны быть связаны между собой. Где-то внизу мы его и найдём.

– Живого?

– Конечно, живого!

Освещая фонарями странный коридор, наша группа торопливо двигалась вперёд. Он и вправду был необычным: Стены и потолок из странного материала, напоминали по своему составу бетон – монолит, какой используется в современном строительстве. Потолок представлял собой плавную арку, покрытый густой, разноцветной плесенью. Кое-где, из тонких трещин, висели чёрные корни странных деревьев, неизвестно как пробившихся на такую глубину. Быть может, это совсем не корни?

На стенах не было ни проводов, ни труб, ни каких-либо даже намеков на присутствие коммуникаций. Не было даже никаких креплений. Просто голые заплесневелые стены. А вот небольшие ответвления вентиляционных ходов, шахт и штреков отходили во все стороны от основной галереи. Однако попасть в них было невозможно – все перекрывали массивные, но уже порядком поржавевшие металлические решётки. Лучи света скакали по стенам, отбрасывая неестественные тени. Все выглядело мрачно и удручающе. Но, благо, что хоть мусор, постепенно, перестал попадаться под ногами. Создавалось впечатление, что кто-то специально переносил его в самую широкую часть галереи, собирая по всему туннелю.

– Сколько мы уже прошли?

– Метров пятьдесят, не больше.

– А как по мне, так все пятьсот!

– Дышать как-то тяжело! Душно, – произнёс Серега, пыхтя как бронепоезд. – Кислорода мало. Вентиляция не работает.

– Ты всерьёз думаешь, что она тут есть? – усмехнулся я, также тяжело вдыхая затхлый воздух.

– Фух! Автономная или независимая?

– Независимая? Это как?

Я хотел было попытаться объяснить принципы работы вентиляции, но вдруг понял, что сам в этом не особо разбираюсь, а учитывая, то место, где мы находились, можно лишь догадываться о том, каким чертом здесь налажена вентиляция. И налажена ли вообще?

– Не знаю! Слышал где-то, – соврал я, вместо того чтобы описывать устройство вентиляции.

– Хватит трепаться! Скорее! – с одышкой произнесла Катюха, быстрым шагом двигаясь по туннелю.

– Лучше бы не нестись сломя голову.

– Почему? – спросила Катюха, удивившись.

– Да потому! Фух! Чтобы ещё кому-нибудь не провалиться!

– Или не влезть в какой-нибудь капкан! – добавил Дима. – А к этому воздуху – нужно привыкнуть. Взять под контроль дыхание!"

– А ведь верно!

Группа немного сбавила темп, ибо замечание действительно было толковым.

За следующим изгибом, туннель резко пошёл на расширение, открывая взору огромное подземное помещение, ещё более внушительных размеров, чем увиденная ранее ракетная шахта. Но, только на первый взгляд…

– Бог ты мой! Вот это пещера! – присвистнул Серега.

И действительно, взору ребят предстала невероятная картина: Стены из странного бетона медленно, наплывами сходили на скальную горную породу. Фрагменты бетона плавно исчезали, превращаясь в широкие, выдолбленные грубой силой пласты цельного камня. А вот пол все ещё был бетонный!

Свет фонарей выхватывал метр за метром, когда внезапно наткнулся на мощную решётку, наглухо перекрывающую проход. Решётка, даже на первый взгляд, казалась особенно прочной – толстенные прутья, толщиной с руку среднего человека… И не смотря на её толщину, она тоже была сильно поедена ржавчиной. Настолько сильно, что казалась, пораженной проказой, будто человек во времена средневековья. Отошедшая ржавчина клочьями и пластами висела на прутьях. С обратной стороны находился мощный засов – замок, также покрытый ржавчиной.

– Приплыли! Вот же зараза! – выругался Серега, ударив ботинком по решетке.

Осыпалось несколько кусков ржавчины.

– Тут не пройти!

– Угу! Сделано на совесть!

– Эй, а что это там? – крикнул я, указывая мощным фонарем на странную, несуразную механическую конструкцию, находящуюся почти в самом конце пещеры.

– Где?

– Да вон, смотрите!

– Ого, да это… Это же… Что это, чёрт возьми?

Там, у дальней стены, стояла необычная установка, увешанная механическими звеньями и шатунами, узлами и

ременными приводами… Огромная бочкообразная емкость, большое стальное колесо… Также можно было различить емкости поменьше, трубы, котлы. Она была огромной, втрое выше человеческого роста!

– Да это же парогенератор! – вскрикнул Дмитрий, опознав устройство.

– Точно?

– Точно!

– Откуда ты это знаешь?

– Отсюда! – Димка порылся в дневнике и показал мятую фотографию! На ней был изображен тот же аппарат, один в один, только с более близкого расстояния. Вокруг него стояли люди, рассматривая его! Видимо, на фото был запечатлен момент первого запуска парогенератора ещё в те годы, когда это был верх технологий!

– Так! Значит, наш профессор был тут… Хотя, нет! Это невозможно! Какой же это год?

– А у меня другой вопрос! – произнёс я, осматривая древнее устройство.

– И какой же?

– Если его запустить, что же можно включить или открыть с его помощью? Ведь не зря же он находится здесь, а не в ракетном комплексе! И те ли строители его построили, что пробили сюда дыру?

– Нет! Он гораздо старее. Похоже, строители комплекса наткнулись на него, когда пробили проход. Стало быть, его построили раньше.

– Паровой генератор! – хмыкнул Серега. – Это уже интересно!

Мы, молча, смотрели на старый механизм. Сколько ему лет? Кто его построил? Что он приводит в действие? Работает ли ещё?

Вопросы возникали один за другим, но никто их не озвучивал, хотя и так было понятно – ответы будут известны позже, значительно позже, и только если мы пройдем через проклятую решетку, перекрывающую проход.

Я внимательно наблюдал, осматривал, оценивал и взвешивал напрашивающиеся решения и ответы.

– Откуда он здесь?

– Действительно сложный вопрос. – Дмитрий почесал затылок. – Не каждый день можно увидеть такое! Паровой генератор, это какой век такое породил? Восемнадцатый? Или раньше?

– Это не паровой генератор, а паровая машина, если быть точным! – задумчиво произнёс я, освещая её фонарём. – И на фото, кстати, тоже.

– А какая разница?

– Большая. Парового генератора вообще не существует!

– Ну, я просто неверно выразился, – смутился Дима, косо взглянув на девушку. Однако Катюха даже не заметила этого. Девушка, удивленным взглядом, попеременно смотрела то на меня, то на генератор.

– Знаете, похоже, что рабочие, которые присутствуют на этом фото, запустили машину, после того как попали в это помещение! – начал отвечать я на свой же вопрос. – Скорее всего, это фото сделано тогда же, когда эту машину установили здесь. Но если это так, то запечатлеть тот момент на фото – невозможно!

– И почему же?

– Паровая машина изобретена в конце семнадцатого века, а усовершенствована для промышленности в конце восемнадцатого – начале девятнадцатого века. Эта машина является самой поздней модификацией, судя по ее виду. А фотоаппарат изобретен лишь в середине восемнадцатого, и более менее введён в эксплуатацию к концу века.

– Ого! Макс, я, конечно, знала, что хорошо знаешь историю! Но не настолько, – удивилась Катюха.

– Немного знаю. Как раз недавно читал где-то. – Чуть смутившись, задумчиво произнёс я, продолжая смотреть на механизм. – Данная паровая машина относится к числу

существенно модифицированных. Скорее всего, середина или конец девятнадцатого века. А фотоаппараты в то время, не могли бы снять такое изображение в условиях слабого освещения! Значит, это не фото позапрошлого века! Да и наш профессор, если он вообще есть на фото, тут присутствовать не мог. Значит, это середина двадцатого века. Причем вторая его половина.

– Макс?!

– Что?

– С тобой все в порядке?

– Да, а что?

– Да так. Вот это я понимаю – глубокие познания в истории. Не знала, что ты прям настолько все знаешь.

– Все нормально. Это просто наблюдения. Сам не помню, откуда я столько знаю, – непринужденно пожал плечами я, отвернувшись от решётки. – Много читал.

Я продолжил осматривать стены, потолок, пол. Снова воцарилась тишина.

– Макс!

– М-м-м?

– Значит, ты думаешь, фото сделали в середине двадцатого века?

– Похоже на то. И да, судя по всему, наш безумный профессор мог быть среди людей, изображённых на этом фото.

Мы продолжали внимательно осматривать пещеру: Высокая, темная. Никакой вентиляции в ней, естественно не было. Годы не те, чтобы о вентиляции думали. Это пол века спустя – ещё ладно. Хотя кто их, инженеров этих знал?

Помимо паровой машины в правой, боковой плоскости, присутствовало что-то ещё… Что-то большое и массивное. Но за неудобным выступом скалы, что именно разглядеть не представлялось возможным.

Также на бетонном полу, то тут, то там присутствовали мелкие механические агрегаты неизвестного назначения. Прямо за решеткой, слева, неровным строем лежали старые зелёные ящики, с красной звездой. Военные, деревянные – судя по всему, еще советские. Похоже, их сюда доставили те, кто строил ракетный комплекс.

Мне показалось странным, что комплекс строили в условиях неразглашения, но с размахом! А когда строители попали сюда, все как-то застопорилось, что ли… Как будто решение лезть сюда было чьим-то личным посылом. Командованию не доложили? Возможно и так, но почему? А вдруг, о пещере знали? Знали не все, а лишь некоторые. Знали и намеренно искали её. Но как о ней можно знать? Тут сверху метров восемьдесят земли и

камней… А то и больше. Сложно все. Неправильно как-то. Рано нам выводы делать.

– Эй, мы вообще Андрюху вызволять будем? – спросила Катя.

– Будем!

Пока я раздумывал, Дима времени не терял. Слева, в каменной выбоине обнаружил нишу, в самой глубине которой, можно было увидеть обрывки толстых цепей и какие-то обломки…

– Ребята, смотрите! Эту решетку опускали в спешке.

– С чего ты это взял?

– Да с того, что хорошо видны, следы подрыва. Подорвали механизм подъёма решётки. Ну, или как он там правильно называется.

– Здесь не пройти! А, чёрт! – Дмитрий неожиданно выругался. – Фонарь сел!

– Сколько осталось? Только три. Остальные у Андрюхи в рюкзаке остались.

– Приехали. И того, получается, сто, сто двадцать минут, и мы как кроты, будем на ощупь тут ползать?

– Оставим только один фонарь, – произнёс я. – Значит, часа два. У нас ещё лампы химического света есть.

– А идти-то куда? Решение хоть какое-то есть?

– Есть! Туда! – Я указал направление.

Чуть позади нас, на высоте двух метров, находилась вентиляционная шахта, также прикрытая ржавой решеткой, как и остальные. Но две, из трёх петель были сгнившие напрочь. А все потому, что откуда-то сверху, сквозь щели в бетонном своде, по стене стекала вода. Решетка как раз была на пути стока, вследствие чего петли и сгнили. Сама же решетка была в более сносном состоянии.

– Как ты это заметил?

Я промолчал. Что тут ответить? Что я все это время, вместо того чтобы паниковать, осматривал все, что представляет хоть какой-то интерес? Или то, что меня привлек тихий, едва заметный звук капающей воды? А уж слышимость тут была хорошей. И эхо вернулось.

Что ж остальные такие не внимательные-то?

Серега, как самый высокий, ухватился за решетку и с силой дернув ее на себя, почти оторвал от вмонтированной в странный бетон рамы. Хрустнула ржавчина. Дернул ещё раз, но в этот раз безуспешно.

– Может быть, использовать рычаг? – подсказала Катюха.

– Нет, так справлюсь, – прошипел Серега, продолжая дергать кусок ржавого металла.

– Ладно, как скажешь!

– Вот же тварь! Не поддаётся!

– А ну, дай. – Дима подошёл к нему, также ухватился за решетку и повис на ней всей массой. Серега поступил так же. Последнее крепление натужно скрипнуло и чуть-чуть согнулось. Хрясь! Решетка отломившись, с лязгом упала на мокрый пол. Парни, не удержав равновесие, дружно шмякнулись на пол рядом с ней.

Тёмный, сырой провал вентиляционной шахты выглядел совсем неприветливо. Катюха, подойдя, заглянула туда и тут же отошла обратно.

– Бр-р-р. Мокро там. И воняет. А если там тупик?

– Может быть, но вряд ли. Эти шахты должны быть соединены между собой. Куда-нибудь да выведут.

Катюха фыркнула. Их незавидное положение уже дало о себе знать – нерешительность каждого постепенно улетучивалась. А действовать такими бездумными методами – только усугубляло их положение.

– Ну, кто первый?

– Моя очередь! – зашагав вперёд, я сбросил рюкзак, с помощью Сереги подтянулся на руках, кое-как закинул ноги и все-таки влез в шахту.

Не высокая, но достаточно широкая для среднего человека, хотя, конечно, и не разбежаться особо. Бетон скользкий, покрыт то ли мхом, то ли вообще водорослями.

– Мокрый, зараза. Еще и тиной воняет.

– Держи! – Серега закинул ко мне рюкзак, Дима подавал второй.

– Ребят, а мы там все поместимся? – спросила Катюха, хотя знала – поместимся.

– Ну, твоя-то задница может и не поместиться! – попытался пошутить Серега, но делать это так язвительно, как Андрюха не умел.

– Нормальная задница! – негромко ухмыльнулся Дима, перехватив взгляд девушки. Та ухмыльнулась в ответ. Ещё сутки назад он не только видел её без комбинезона, но и… А между ними ничего серьёзного не было. Да, точно.

Темнота. Мрак. Грязь. Андрюха помнил только, как злосчастная решетка под ним предательски хрустнула. Всей своей массой парень рухнул вниз, при этом сильно ударившись затылком, зацепившись за один из бетонных выступов. Рюкзак бестолково болтался за спиной, мешая координировать падение.

Сыро. Воздух тяжёлый. Спертый. Андрей, лёжа в неестественной скрюченной позе в тесном, тёмном закутке, кое-

как приходил в себя. Где-то под боком, сильно мешая, лежал мятый рюкзак. Спина затекла, ныл затылок, голова гудела. В глазах, несмотря на полумрак, все еще плясали разноцветные искры – результат удара о выступ. Прямо под ним, в трещине, между стеной и рюкзаком застрял оброненный фонарь.

Луч света освещал вертикальный узкий бетонный штрек, покрытый трещинами. Именно через него он сюда и попал. Катился по нему кубарем или скользил на заднице, словно по металлической горке? Что это? Вентиляционная шахта или ливневый сток? Канализация?

А что, собственно, произошло?

Мысли путались. Голова еще кружилась, тошнило. Андрей с трудом ухитрился высвободить левую руку, а затем и правую, застрявшую в лямках рюкзака. Кое-как приподнявшись, он разогнул затекшие ноги, подтянул их под себя. Колени местами содраны, комбинезон обтерт. Похоже, долго он сюда катился по этой шахте… Или нет?

Справа оказался второй штрек, но уже горизонтальный. Решеток не было, зато прямо у основания лежал чей-то старый прохудившийся ботинок.

– Замечательная находка! – буркнул парень, отпихнув его в сторону. – И как ты сюда попал?

Сам канал уходил куда-то во тьму. Выудив из щели фонарь, Андрей убедился, что тот не пострадал. Чуть размяв спину, он ногой затолкал рюкзак в боковой проход. Посветив туда, он навскидку определил его длину – метров десять, пятнадцать. Штрек был шире того, в который он провалился, но менее высокий. Что за странная архитектура? Это цельный бетон, но другой, непривычный. Стены покрыты плесенью, местами слизью.

Изловчившись, но постоянно соскальзывая, парень кое-как пролез в проход, и, отталкиваясь ногами, полез вглубь, толкая перед собой рюкзак. Помогая руками, временами он даже скользил всем телом по влажной поверхности, при этом мечтая, чтобы такое передвижение поскорее закончилось. То еще удовольствие…

– Ну, чего там? А?

– Да погоди ты. Дай отдышаться. – Тяжело пыхтя, отмахнулся я, с трудом вылезая из очередного узкого штрека. За последние два часа, это была уже четвёртая попытка разведки отводных туннелей, с коими мы и столкнулись. Но каждый раз, грязные проходы оканчивались либо бездонной вертикальной шахтой, почти под прямым углом уходящей куда-то вглубь, либо забитым плесенью и грязью тупиковым коллектором с решеткой. Серега заметно нервничал, действуя всем на нервы, и то и дело

предлагая вернуться назад в ракетный комплекс.

Катюха злилась. Злилась на всех, и на себя в том числе. За Андрюху. Нервы расшатались. Пока я ползал по шахте, Дима в боковом штреке неторопливо жевал тушенку с галетами, под светом зажигалки разглядывая дневник профессора. Время шло, а мы так ни к чему и не пришли. Как там их товарищ? Жив? А если при падении он свернул шею? Сломал позвоночник? Ноги?

Вернувшись, Катюха отправилась мне на смену, в дальний боковой проход, все ещё сердясь на себя и остальных.

– Так, значит "Б1" и "Б4" это шахта. – Я рисовал пальцем прямо на грязном, мокром полу своеобразную карту. – А "Б3" и "Б5" это коллекторы, так?

– "Б3"? Что ещё за "Б3, Б5"? – недовольно пробурчал Сергей.

– Условные обозначения. Чтобы было проще ориентироваться.

Изучение дневника все-таки дало плоды. Удалось найти некоторые подсказки.

– Хм, а это идея, – ухмыльнулся Дима, пережевывая тушенку.

– Идея? – пробормотал Серега. – И что с того?

– Можно попытаться понять, по какой схеме были построены эти туннели. И определить, как отсюда выйти.

– Схеме? Макс! Ты серьёзно? Нет тут никакой схемы. А если бы и была, это чертова вентиляция. Тут решётки! Она не была предназначена для того, чтобы по ней ползать! Изначально! Чёрт знает, кто строил это! И схема! Вряд ли те, кто строил это, чем-то руководствовался!

– Нет! – упрямо произнес я, отмахнувшись. – Определённо это не так. Тут что-то есть. Должно быть!

– Макс, идем назад, а? – горько попросил Серега, вздохнув. Он долго сдерживался, но за последние часы, его уверенность по необъяснимым причинам дала сбой. Парень почти что сломался.

– Для чего? Там тупик. Выхода – нет!

– Как и здесь! Но там ракетный комплекс! Стена была замурована, да, но мы-то попали сюда через технический туннель! Вдруг, есть другие, которые мы пропустили! Вдруг выход где-то там?

– Сдаётся мне, что ты ищешь выход, а не Андрея! Что, нервишки шалят? – мне почему-то захотелось его поддеть.

– Ты думай, что говоришь! Да я…

– Да угомонитесь вы! – прикрикнул Димка, отбросив в сторону консервную банку. – Орете как школьники! Серый, ты чего раскис, как сметана под солнцем?

Серега чуть поутих, но ненадолго.

– Дима, а какое твое мнение? Идти назад или вперёд, ползать тут, словно слепым котятам? – спросил Сергей, косо на него посмотрев.

– Вперёд! Назад – бессмысленно. Там мы уже были!

– Это не правильно. Черт, не правильно! – Серега был на грани срыва.

– Что неправильно? Андрюха упал куда-то вниз, единственный способ найти его находится впереди. Эти вентиляционные проходы куда-то ведут. Найдя проход через эту решетку, мы найдем нашего друга! Какого черта ты тут устроил Серега? Успокойся и заткнись, наконец!

Парень сник окончательно. С несколько минут он сидел, уткнувшись лицом в ладони, затем сгреб в охапку рюкзак и полез в один из туннелей.

– Мы оттуда пришли! – бросил ему Дмитрий. – Что ты там забыл?

– Я иду назад! – отрезал Сергей. – Кто со мной?

– Назад бессмысленно!

– Значит, я пойду сам! – вздохнул тот.

– Стой! – Дима попытался ухватить его за ногу, но тот ударил его по лицу ногой.

– Отвалите от меня! – истерично закричал Сергей.

– Ну и иди! Псих! – пробормотал Дмитрий, щупая пострадавший нос и верхние зубы.

– Да пошли вы! – напоследок бросил он.

– Пусть идёт! – тихо произнёс я, вновь принявшись рассматривать дневник. – Успокоится, вернется! Он знает, где нас потом искать!

Глава 11. Паровая машина

Тяжело осознавать, что ты заперт в месте, где когда-то случилось что-то ужасное. Тяжело осознавать, что над тобой сотня метров бетона и земли. Эта жуткая тишина давит на психику, затхлый влажный воздух не дает легким нормально работать. А понимание того, что выхода может и вовсе не быть, угнетает так, что даже думать ни о чем другом становится практически невозможно. Неподготовленный человек в такой ситуации довольно быстро, да еще и в полном отчаянии, попросту сойдет с ума.

Я продолжал сидеть в узком туннеле, разглядывая дневник. Димка, установив мощность фонаря на минимум, облокотился на рюкзак и тихонько задремал. Девушки не было уже сорок минут, а Серега, бормоча угрозы и что-то нечленораздельное, в подавленном состоянии скрылся где-то в туннеле, оставив нас

одних.

Какого черта его так поменяло? Ведь было же все нормально. Не в первый раз мы попадаем в сложные ситуации, пусть не такие, но все-таки. Раньше, конечно, ничего подобного не было. Но были другие… Это и разрушенные заводы, брошенные производственные комплексы, горы в Будапеште. А чего стоила та запечатанная шахта, рядом с озером Байкал? И еще никогда, группа не разбивалась на части. Похоже, психика человека попросту не выдержала, дала сбой. Такое случается…

В дневнике ничего о технических проходах сказано не было, а вот упоминание об увиденной паровой машине, все-таки имелось. Профессор писал, что она открывает какой-то проход в преисподнюю. Причем, слово преисподняя было написано очень коряво, словно в спешке и гораздо позднее. Так что же конкретно имел в виду профессор?

– Эй! Парни! – раздался голос Катюхи в одном из туннелей. – Эй!

– Дима, проснись! Катя вернулась, – толкнул я мирно сопящего друга.

Парень разлепил глаза, поднялся с рюкзака и заглянул в восточный проход.

– Что такое?

– Я нашла выход!

– Серьезно?

– Ага. Собирайтесь! И рюкзак мой не забудьте! – Катюха подползла ближе, выглянула из прохода и посмотрела по сторонам. – Так! А, где Серега?

– Ушел. Отправился обратно в комплекс. Дурак. – недовольно фыркнул Дмитрий.

– Чего? Почему вы его не остановили? – удивилась девушка.

– Пытались! Без толку!

– Крыша поехала! Пусть придет в себя. Знает, где нас искать.

– Разве это разумно?

Через двадцать минут мы добрались до конца прохода. Несколько неожиданных поворотов, и мы увидели лежащую у парапета лампу химического света, оставленную тут Катюхой. Здесь на выходе тоже когда-то была вентиляционная решетка, о чем свидетельствовало наличие ржавой рамы, однако сейчас ее тут не было. Здесь тоже стекала вода, но в значительно большем количестве. Со временем, струйки воды продолбили целые каналы, теперь больше похожие на артерии гигантского глиняного великана.

Да и плесени, мха и водорослей тут было куда больше.

Сбросить рюкзак вниз оказалось не самой лучшей идеей –

прямо под вентиляцией оказалась огромная лужа. Дима, спрыгнув первым, оказался по колено в холодной воде. Перетащив оставшиеся два рюкзака, он помог спуститься Кате. Миновав лужу воды, оказавшуюся к тому же слегка соленой, мы прошли вглубь пещеры.

Справа от нас была та самая решетка, которая ранее преградила путь. Сейчас была возможность сдвинуть этот засов, но поднять решетку все равно оказалось не под силу, так как ее вес был весьма значительным. Оставив попытки поднять решетку, мы двинулись в обратном направлении, к странному механизму в самом дальнем углу пещеры. Это действительно была самая настоящая паровая машина. Время оставило на ней свой след, но даже при самом беглом осмотре стало понятно, что она все еще работоспособна.

Обойдя ее по кругу, я заметил, что машина, через кривошипно-шатунный механизм, приводит в действие огромный механический привод, устаревшей конструкции. Представляя собой плоский круг с надетым на него шестеренчатым валом, тот осуществлял передачу к большой широкой платформе, вмонтированной прямо в скальную породу. По металлическим направляющим, массивная дверь или платформа, попросту уходила вниз, открывая проход.

Осмотрев дверь внимательнее, я сразу понял, что она весьма плотно, если вообще не герметично закрывает выход из пещеры.

Пока я осматривал машину, Дима с Катей с интересом потрошили ящики у решетки. Почти все они оказались пустыми, а то немногое что все-таки нашлось, уже не представляло для нас никакой пользы. Ржавые инструменты, сгнившие коробки от сухих пайков, истлевшие одеяла, какие-то механизмы, военная форма, каски.

– М-да, да тут и поживиться-то особо нечем. Форма давно сгнила, провизии нет. А нет, кажется, есть. Ну-ка, что тут у нас?

Катя вытащила из остатков картонной коробки четыре помятые банки консервов, без срока годности, но зато с клеймом производителя и датой изготовления.

– Что*? "Мясопромторг"?* 1986, апрель? – удивился Дима.

– Значит, здесь точно были люди в конце восьмидесятых?

– Ну да, точно. Профессор же говорил, что был тут. Наверное, это была военная или полувоенная экспедиция. И они попали сюда так же, как и мы?

– Нет! – отрицательно покачал головой Дима. – Они прошли через решетку, ведь ящики как-то попали на эту сторону! По вентиляции такие не протащить.

– Значит, они же и взорвали подъемный механизм? Бежали

отсюда, и в спешке даже не стали забирать свои вещи?

– Судя по всему. Эй, Макс, что ты там нашел?

– Идите сюда, – крикнул я, махая рукой. – Это интересно!

Увидев массивную дверь, они удивились не меньше моего.

– Вот так махина!

– Странно, чем это она так загерметизирована? – спросил Дима, осматривая стык между дверью и скальной породой. – Какая-то резина или промасленная ткань?

– Ну, это не то чтобы герметизация. Просто все щели между скалой и железным полотном забили брезентом и залили смолой, – предположил я, отколов кусочек от материала.

– Интересно, что там за ней?

– Ребят, мы что, будем ее открывать? – насторожилась Катя.

– А как ты думаешь?

– Может не надо? Ведь не просто ж так ее закрыли. И потом, та кирпичная кладка… И взорванный подъемный механизм решетки. И лифт в комплексе.

– Да, я знаю, что ты хочешь сказать. Тот, или те, кто бежали отсюда, старались максимально затруднить или вообще перекрыть проходы к этой двери. Так?

– Так!

– Но других выходов отсюда, похоже, нет! А назад идти – бесполезно потраченное время. У нас фонари скоро сядут, и не забывайте, мы ищем Андрюху. Мы для того и идем вперед, чтобы его найти.

– А до этого мы искали выход, и вот к чему нас это привело!

– Не знаю, но вряд ли туннель, в который провалился Андрей, будет вести за эту дверь!

– А почему нет? Катя, те, кто были тут до нас, не могли предусмотреть все!

– По-моему это плохая идея. А вдруг там затопленное помещение, или какой-нибудь ядовитый газ? Или еще что похуже, а?

– Точно не газ.

– С чего такая уверенность? Не стоит! Макс, может, пойдем обратно? Вдруг Серега нашел выход?

– Не нашел, потому что его там нет! – отрезал я, разозлившись. Сначала Сергей, теперь Катя… Они что, сговорились?

Девушка шумно вздохнула. Она и сама все понимала. Если мы хотим выбраться, мы должны открыть эту дверь. Возможно, так мы получим ответы сразу на все интересующие нас вопросы! И кто знает, вдруг там мы и вправду найдем Андрея?

– Макс, ты принцип работы паровой машины знаешь?

– Нет! – признался я, но с оптимизмом в голосе, заявил. – Но, думаю, ничего сложного тут нет. Насколько я знаю, паровой машиной называется тепловой двигатель, в котором потенциальная энергия расширяющегося пара преобразуется в механическую энергию, отдаваемую потребителю. Потребитель – это и есть механизм открытия двери. Нам необходимо вон в той камере, создать достаточную температуру, чтобы вода начала закипать, а образовавшийся пар, вон там, привел в действие механизм открытия двери.

– Ты откуда все это знаешь?

– А что тут сложного? Из названия все понятно, а взглянув на сам аппарат, догадаться, где и что не сложно.

– Ну, не знаю. Ладно, как скажешь. А что мы используем в качестве топлива? – Катя недоуменно посмотрела по сторонам.

– Хороший вопрос, – я почесал затылок, вновь принявшись осматривать пещеру.

– Эй! А как же ящики? Они же деревянные! – вдруг радостно воскликнул Дмитрий.

– Точно! Подойдет как нельзя лучше.

Приложив усилие, нам удалось разбить несколько ящиков. Определив, где у паровой машины находится топка, я повернул запорное колесо и открыл довольно массивную дверцу. К неприятному удивлению, внутри обнаружился скелет человека в неестественной позе.

– Добрый вечер! – удивленно выпалил Дима. – Извините, что отвлекаю!

– А с этим-то что? – чуть удивилась Катя. – Его что, заперли тут?

– Ну не сам же он туда заполз?

– А что если он прятался от кого-то?

– В топке паровой машины? Ну, не знаю, но, по-моему, он не самое лучшее место выбрал.

То ли мы начали привыкать к виду остатков человеческих тел, то ли просто устали, но с каждым разом воспринимать подобное было все легче. И хотя никого из нас не покидало чувство страха, скрытого ужаса перед неизвестным, мы старались не зацикливаться на этом. Так и с ума сойти не долго. Просто никто не подавал виду, хотя каждый заметно нервничал.

А может быть, мы уже сошли с ума и все происходящее нереально?

– Наверное, беднягу нужно вытащить оттуда? – предположила Катя, рассматривая кости.

– Да, действительно. Дрова из него – неважные.

Ухватив скелет за одну из конечностей, Димка выволок его

наружу, и только тогда стало заметно, что часть зубов на обеих челюстях отсутствовали, а затылок проломлен. Что это, результат физического воздействия другого человека или зубы отсутствовали по причине старости? А проломленный череп? Этого мы тоже, при всем желании, не могли узнать.

– О, да этот сэр, похоже, получил по физиономии перед смертью! И неоднократно…

– Не исключено. Главное, чтобы они сами не выпали… Так, ладно…

– Дрова закинули, а дальше что?

– Поджигаем! Но прежде, нужно проверить есть ли в самом котле вода, иначе греть будет попросту нечего.

Никаких манометров на аппарате не оказалось, но зато присутствовал спускной клапан, для сброса лишнего объема воды. Сорвав его, выяснилось, что воды внутри нет.

– Приплыли! – пробормотал Дмитрий. – Как без манометра-то? И воды нет!

– Все нормально. Вон, смотри, это, кажется лейка?

И действительно, под емкостью котла, на крюке висела большая алюминиевая лейка с помятыми краями. Судя по всему, ранее есть пользовались часто.

– И что нам с ней делать? – Катя вопросительно взглянула на меня.

Я кивнул в сторону лужи, на которую мы наткнулись при выходе из вентиляционного туннеля.

– Мы заново наберем воды оттуда.

– Макс, да ты гений!

– Это же элементарно, Ватсон! – пошутил я. – А манометр нам и не нужен! Мы по звуку определим, закипел наш котел или нет.

С помощью бутылок, мы залили в емкость котла около пятидесяти литров воды. Достав из рюкзака маленький контейнер с жидкостью для розжига углей, которую, как нельзя, кстати, прихватила с собой Катюха, быстро удалось разжечь огонь. Захлопнув дверь, мы принялись ждать.

Через сорок минут, верхний клапан котла загудел, сбрасывая лишнее давление.

– О! Пошло дело! – обрадовался Дмитрий.

– Давление есть. Теперь, нужно разобраться, что это за рычаги?

– Этот, судя по всему, вращает то колесо. – Предположила Катя. – А этот, приводит в действие кривошип. Или как его называют?

– Так и называют. Попробуем!

Выжав рычаг на себя, и перекрыв клапан, мы заметили, как массивная дверь вздрогнула. Повернув второй рычаг, котел заметно завибрировал, с лязгом активировался кривошипно-шатунный механизм. Шестеренка зацепилась массивными зубьями за колесо на самой двери. Раздался треск и дверь медленно, словно через боль, начала сдвигаться вниз, открывая взору новую, совершенно неожиданную картину.

Глава 12. Не метро

– Это еще что за новости, а? – удивленно присвистнул Андрей, выбравшись из неудобного и узкого туннеля.

Больше получаса парень провел в туннеле, передвигаясь, словно гигантская гусеница. Удовольствие еще то. Спина сильно затекла, а руки и ноги закоченели так, что Андрей несколько минут просто тупо разминал их, через ощутимую ноющую боль.

Прямо перед ним был огромный грязный бассейн. Воды в нем было мало, да и та воняла так, словно это была канализация…

– Ароматы детства? – спросил сам себя Андрей, принюхавшись, но тут же отказался от этой мысли. – Не, точно нет! Хуже.

Вокруг него, в беспорядке торчали уродливые корпуса насосов, двигателей, помп. Трубы различных форм и размеров, были повсюду. Несколько небольших построек расположенных по периметру, натолкнули на мысль, что это место похоже на огромную котельную или даже водяную станцию. Сразу за самой большой пристройкой, обнаружился еще один бассейн, но значительно меньше. В нем воды было больше, да и никакого запаха парень не обнаружил.

– Вы серьезно? Бассейн! Хм, а у меня и абонемента с собой нет… – пробурчал Андрей, после чего, сам же расхохотался. Стоило позавидовать парню – такое чувство юмора достойно уважения. Особенно в такой непростой ситауции.

Справа, в пяти метрах, через небольшую бетонную площадку, к бассейну примыкал самый обыкновенный туннель. Состоящий из характерных бетонных тюбингов, он плавно изгибался и уходил куда-то на восток. Многочисленные стоки и технические туннели, выходили как раз к бассейну. На бетонном полу пролегали рельсы, что подтолкнуло парня к мысли: раз есть рельсы, где-то должен быть и транспорт!

– Так! Это уже на метрополитен похоже, – подумал Андрюха, хотя в отличие от Кати, сам по туннелям метро никогда не лазил.

Двинувшись вперед, он заметил, что туннель плавно поднимается вверх, причем довольно ощутимо. Парень решил держаться направления рельсов. Куда-то же они должны его привести?! Хорошо бы сразу на поверхность!

– Мы что, вернулись в ракетный комплекс? – спросил Дима, разглядывая открывшийся перед нами проход.

– Нет, это явно что-то другое!

– Ребят, а это, случайно, не метро? – произнесла Катюха с некоторым подозрением.

За массивной дверью обнаружился своего рода переходной коридор, который соединялся с широким темным туннелем. Пройдя коридор, мы оказались на небольшой, древней платформе, уровнем ниже которой, шли рельсы.

Слева, метров через пятьдесят, туннель заканчивался глухим тупиком. Лишь кучи щебня, да несколько раскрошившихся бетонных плит, вот собственно и все что там было. Зато справа, он уходил настолько далеко, что свет мощного армейского фонаря терялся где-то во тьме. На самой платформе в беспорядке стояли запыленные деревянные и металлические ящики, бочки, резервуары, какие-то агрегаты, накрытые рассохшимся брезентом.

По дальней стене, проходил толстый прорезиненный кабель, вставленный в специальные направляющие. Через каждые тридцать метров, от основного кабеля ветвились провода значительно тоньше, с подключенными к ним лампами накаливания. Вот только ни одна из них не работала. Батареи в фонарях были уже почти на грани, еще максимум минут сорок – час, и мы останемся без света. Ламп химического освещения было мало, а с карманными зажигалками далеко не уйдешь. Весь наш запас батарей остался у Андрея в рюкзаке.

– Так, давайте-ка оставим только два фонаря включенными. Иначе очень скоро мы останемся в кромешной темноте.

– Разумно! Так и сделаем! – согласился я, неожиданно почувствовав острый приступ головной боли.

Дмитрий оставил фонарь включенным, а Катюха быстро убрала свой в рюкзак.

Пока Дима ощупывал стены, я бродил по платформе, проверяя содержимое открытых ящиков. Почти все они были заполнены какой-то темной, давно уже затвердевшей смолянистой субстанцией. Ее содержимое никто из нас опознать не смог.

– Смола какая-то, что ли? – пробурчал подошедший Дмитрий, понюхав ее. – Нет, не смола. Что-то другое.

– Макс, как думаешь, это метро? – осторожно спросила Катя, наблюдая за лучом света.

– Возможно. А может другая часть ракетного комплекса. Но, судя по характеру постройки самого туннеля, это все-таки больше похоже на московский метрополитен.

– Смотрите, тут тоже гильзы разбросаны! – заметил Дмитрий,

посветив фонарем под ноги. – Здесь что, тоже стреляли?

– Вот черт. Значит, дверь закрыли, но убийства продолжались, так?

– А вот и те, в кого стреляли! – воскликнула Катя, указав рукой. У самого основания платформы лежало несколько скелетов, в самых разных позах.

У одного из них в скрюченных костях пальцев была зажата рукоять старого револьвера. На некоторых остатках тел сохранились фрагменты одежды, причем, в гораздо более лучшем состоянии, чем те, что были в ракетной шахте. Однако, даже здесь, быстрого взгляда хватило, чтобы понять – их тоже расстреляли. Напротив мест их гибели, там, где лежали скелеты, все стены были в выбоинах от пуль.

Один из них, видимо, пытался защищаться.

– Оружие советское, – заметил Дмитрий, аккуратно достав револьвер. – Ну-ка, посмотрим. Ага, три патрона в барабане.

– Возьмем с собой? – спросила Катя, наблюдая за действиями Дмитрия.

– Думаю, да. Вдруг, дальше он нам пригодится. Хотя, оружие очень старое, ненадежное.

– Убери куда-нибудь. В рюкзаке ему самое место.

Дмитрий послушно убрал револьвер.

– Макс, ты чего? – Катя взволнованно посмотрела на меня, заметив, что я потираю руками виски.

– Да так, ничего. Голова что-то разболелась.

– Таблетку дать? – спросила Катя. – Аптечка у меня.

– Да нет, не стоит. Сама пройдет.

– Ну, как скажешь.

Дмитрий отошел чуть вперед.

– Я что думаю, если тут есть рельсы, то это либо реально метрополитен, либо какая-то другая часть ракетного комплекса.

– Вдруг *"Метро – 2"*? – чуть улыбнулся я. – Вдруг, нашли то, зачем мы ехали сюда?

– А почему нет? Все возможно. Дальше увидим!

Я махнул рукой, ухмыльнувшись.

– Что с Андрюхой? Где мы его теперь будем искать? – как бы случайно спросила Катя.

Возникла неловкая пауза. Каждый вдруг нашел себе какое-то бесполезное занятие. Вопрос так и остался без ответа.

– Ау!

– Там! Впереди, – ответил я, указав на туннель.

Насколько хватало обзора, темный туннель уходил на восток, если, конечно, компас не врал. Но не было никаких боковых проходов, и даже намека на какой-либо технический проход или

воздуховод. Идти вперед? Туннель куда-нибудь да выведет, но где и когда?

Несколько минут мы осматривали ближайшее пространство.

– Макс, ты чего там делаешь? – вдруг окликнула меня Катя.

– Ничего, – пробормотал я, удивившись тому, что сам не замечая, зачем-то спустился на железнодорожное полотно.

– Что там? Что-то нашел?

– Да ничего, просто, хотел проверить рельсы, – отмахнулся я. – Идемте вперед.

Двинувшись дальше, мы довольно быстро добрались до места, где туннель плавно уходил на восток. Позади нас, что-то зашипело, засвистело. Обернувшись, мы с трудом смогли рассмотреть платформу, где стояли ящики и бочки.

– Что это там такое?

– Не знаю, но мне это не нравится. И возвращаться туда мне совсем не хочется. Идемте дальше, а?

– В любом случае, там мы уже все видели.

– А может это Серега решил вернуться? – спросила Катя.

И не успели мы, пройти и десяти шагов, как позади нас раздался оглушительный, гулкий взрыв. По туннелю прокатилась волна пыли и затхлого, влажного горячего воздуха, а сам туннель буквально содрогнулся.

– О боже, что это? – закашлявшись, спросила девушка.

– Рискну предположить, что это рванула наша паровая машина, – произнес Дмитрий. – Макс?

– Скорее всего. Клапан-то мы не открыли, вот переизбыток пара, судя по всему, и разворотил котел. Ну, зато, теперь дверь всегда будет открытой. – Ухмыльнулся я, потирая виски.

– Смотрите, а это что, пар? – спросил Дима, посветив фонарем в сторону взрыва.

И действительно. Через клубы пыли с трудом можно было рассмотреть, как туннель медленно заполнял плотный слой то ли белого дыма, то ли пара.

– Ребят, что-то я не хочу стоять и ждать, пока этот туман до нас доберется. Вдруг он ядовитый? – вдруг произнесла Катя, нервничая.

– С чего бы вдруг?

– Не знаю. Не хочу и все.

– Ладно, ладно, не нервничай. Это просто пар, – мне вдруг стало смешно, но я не подал виду. – Идем дальше!

Метров через триста мы добрались до перекрестка. Все те же стены из бетонных тюбингов, те же рельсы и деревянные, хорошо промасленные шпалы. Это однообразие уже начинало потихоньку нервировать. Дальше, туннель пошел на расширение. Здесь, он

разделялся на два идентичных друг другу направления. Один вел на север, другой продолжал вести на восток. Если, конечно, компас не врал.

– Приплыли. Куда дальше?

– Гляди, на стене есть указатель. – Заметил Дима. – О, как! Смотри, налево – *"Насосная станция"*. А направо *"Депо"*. Депо на востоке, так ведь?

– Депо? Ну, да! Значит, это точно метрополитен.

– Не обязательно. Что бы это за место ни было, у него может быть собственное депо.

– Это еще для чего?

– Ну, хотя бы для строительной техники или ремонтной. Или наоборот, использоваться как отстойник для устаревшего транспорта. Или как могильник!

– Ладно, не суть. Ну и куда мы пойдем?

– Если мы хотим найти Андрея, то нам, наверное, к насосной станции. Да?

– Это не лишено смысла, так как, скорее всего, все дренажные системы, как и вентиляционные, сходятся именно там. И если это действительно так, то и наш друг, по всей вероятности, окажется там.

– Живой?

– Разумеется. И ты уже задавала этот вопрос. Кать, с чего это ты стала такой мнительной в последнее время?

– Что? Чушь!

– Нет, не чушь, – вдруг поддержал меня Дмитрий. – Ты и вправду, стала слишком эмоциональной. Где та Катюха, что била морды придурков, из банды Лешего? А где та девчонка, что почти неделю провела на старом химическом заводе, рядом с трупом собаки? А Маяковская? Ее помнишь?

– Ну, там все было иначе, – замялась девушка, вспоминая наши прошлые приключения. – И к тому же, не с чем сравнивать. В такие ситуации мы еще не попадали! Макс, ты тоже так считаешь?

Я кивнул. Мне почему-то ужасно хотелось об этом поговорить.

– Серьезно?

– Это место так на тебя влияет? – хмыкнул Дима. Его тоже, по неизвестной причине, так и подмывало чем-нибудь задеть девушку.

– А началось все с того, как этот чертов профессор запер нас здесь, – произнес я, наблюдая за взвинченной Катюхой. – И после того, как мы нашли первый скелет, там у лифта.

– Не знаю, может быть, – отмахнулась девушка, презрительно

фыркнув. – Да и знаете, что… Прежде мы друзей не теряли. Сначала Андрей, потом Серега.

– Кстати о Сереге. Ты в курсе, что ты ему нравилась?

– Да, а что?

– А то, что когда ты ушла искать вентиляционный проход, ему вдруг, сорвало башню!

– И что? Я-то тут причем?

Возникла пауза.

– Просто ты нетипично себя ведешь! – Дмитрий как-то сбавил обороты.

– Действительно! Может, уже пойдем? – я вдруг осознал, что больше не хочу продолжать этот разговор. Просто раз – и выключило!

– О, господи, да что на вас нашло? Что вы накинулись на меня, что за предрассудки, а? Что за допрос, что за обвинения? – теперь Катю прорвало и понесло в атаку.

– Да ничего, просто.

– Просто? Нет, так не пойдет! Какого черта, а?

– Нет никаких обвинений! Хватит уже!

Этот странный, напряженный диалог начался и закончился настолько спонтанно, и настолько глупо и неожиданно, что мы так ни к чему так и не пришли.

– Хватит трепаться! Идем к насосной станции!

– Да уж пора бы! – недовольно буркнула девушка, первой направившись в левый туннель.

Дальше мы шли молча. Каждый наверняка думал о том, что произошло. Что явилось причиной столь дерзкого и абсолютно безрезультатного разговора? Неужели и правда, это место так действовало на психику?

Туннель снова начал медленно сворачивать на восток. Здесь, вроде бы, воздух был чище. Или же мы настолько привыкли к затхлому подземному воздуху, что перестали замечать перемены. Дмитрий шел первым, обогнав девушку. Та недовольно косилась на нас обоих, но упорно молчала.

– Перекусить бы не мешало, – произнес я, сбрасывая рюкзак с плеча. – Идти вперед мы можем сколько угодно, но голод еще никто не отменял!

И действительно. Только Дмитрий в вентиляционном туннеле успел приговорить банку тушенки, а вот у меня и Катюхи желудок уже давно воспроизводил странные монотонные звуки. И почему мы не пообедали, когда ждали результата работы паровой машины?

– Кать? Ты как?

– Согласна! – кивнула девушка, чуть смягчившись.

– Что, прямо здесь? – Дима осмотрелся по сторонам.

– А почему нет?

– Может быть, хотя бы какую-нибудь платформу найдем? А то прямо так, на рельсах…

– Ничего, нормально! Что тебя смущает?

– А там еще что такое? – вдруг напрягся Дима, услышав шум в туннеле.

К ним что-то приближалось…

Пройдя вперед около трехсот метров, парень остановился. Яркий луч света наткнулся в темноте на стоящую прямо в центре туннеля старую, явно кустарного производства самоходную дрезину. Она представляла собой железную платформу с бортами, поставленную на шасси. Сзади висел двигатель, с большим алюминиевым бензобаком. В центре платформы стояли деревянные ящики, наполненные песком. Позади, на закрепленном деревянном брусе висела лампа в стеклянном плафоне.

– Ага! Вот так находка. Значит – это метро!

Андрей обошел транспорт по кругу. Затем забрался внутрь, осматривая грузовое отделение.

– Так! Похоже, двигатель рабочий. Еще было бы топливо. – Андрей проверил бак и разочарованно хмыкнул. – Ага, как же!

Но, осветив дрезину фонарем еще раз, он, вдруг, обнаружил подвешенные сбоку, под днищем, три небольшие канистры в ряд. Две из них оказались прострелены, зато третья, почти доверху была наполнена керосином. А еще, прямо под транспортом, на рельсах, Андрюха обнаружил скелет человека. Судя по характеру повреждений, бедолагу просто переехали на той же дрезине.

– Так! И тут скелет! – ухмыльнулся он, а затем, обратился к человеческим останкам. – Прости парень, но мне придется воспользоваться твоей маршруткой!

Тот, разумеется, был не против.

Отсоединив канистру, парень убедился, что в ней действительно было топливо. Открутив крышку бензобака, Андрей вылил половину содержимого в бак, после чего дернул рычаг. Двигатель сначала фыркал и чихал, не желая заводиться, но после все-таки затарахтел. Из прицепленной сбоку выхлопной трубы громко выстрелило облако сизого дыма. Затем еще одно.

– Эй! Тише, тише! – буркнул Андрей, забираясь в транспорт и устраиваясь поудобнее. – Чего ты? Нормально же общались!

И тут, почти сразу же, вспыхнул мощный фонарь, прикрепленный прямо под рамой. Он был напрямую соединен с двигателем. Сразу за ним загорелась и подвешенная на брусе лампа. Андрей удовлетворенно присвистнул и выключил свой

фонарь. Выжав ручку дросселя, он почувствовал, как дрезина вздрогнула, а затем, протяжно скрипнув, медленно покатилась вперед, постепенно набирая скорость. Он уселся в самодельное кресло на носу, достал из рюкзака бутылку воды и, открутив крышку, сделал несколько больших глотков.

– Ну-с, погнали!

Десять минут спустя, разогнавшись до приличной скорости, Андрюха заметил, что туннель пошел под уклон, постепенно уходя на восток. Компас работал с переменным успехом, похоже, что-то мешало его работе. Может быть, где-то в толще стен есть прослойки магнитной руды?

Довольно быстро мелькающие своды туннеля надоели парню. Смотреть было не на что, и он выжал рычаг дросселя до конца. В механизме что-то щелкнуло, но Андрюха не обратил на это никакого внимания. Дрезина понеслась еще быстрее. По инерции проскочив мимо крохотной платформы, Андрюха хотел было дать по тормозам, но с удивлением обнаружил, что их нет.

– Твою ж мать! Эй, мы так не договаривались! – вскрикнул он, пытаясь заглушить двигатель. Однако рычаг дросселя заело, и он никак не желал поддаваться управлению. А после того, как ручка с хрустом отломилась, Андрюха вообще округлил глаза, выругался, махнул рукой и полез в грузовое отделение. Обнаружив, что тормозные диски со стертыми колодками все-таки присутствовали, Андрей принялся искать какой-нибудь рычаг. Вытащив из-под ящиков обломок доски, он сунул его между задним колесом и рамой, и зафиксировав между колодкой, навалился на него всей массой. Обломок уперся в диск, но почти сразу же раскрошился, сведя на нет все старания Андрея. Следующим в ход пошел деревянный багор с металлическим крюком на конце. С ним дела пошли лучше. Сноп искр, вырвавшийся из под колеса, создавал впечатление, что дрезина летела прямиком из ада, грохоча так, словно ее преследовал сам сатана. А хаотично болтавшийся под рамой фонарь эффектно добавлял эпического восприятия.

– Ну, ну давай же! Тормози, зараза!

Платформа осталась далеко позади, а дрезина так и не сбавила ход. Подручных средств почти не осталось, и Андрюха решил сломать двигатель. А как еще ее остановить? Вдруг впереди окажется вагон? Или другая дрезина? Конец будет очень печальным! Ползая между ящиков, он едва не провалился, после того как доска под ним предательски хрустнула и раскрошилась.

Фонарь сорвало с крепления, и теперь он болтался где-то под днищем, феерично добавляя шарма и светового эффекта. Луч света хаотично освещал то стены, то саму дрезину, то вообще

скакал где-то между стальных колес.

Ругаясь, парень ухватился за раму и, свесившись назад, ухитрился достать до ременной передачи. После третьей попытки ему удалось сдернуть багром ремень. Теперь двигатель тарахтел впустую, однако вернувшись в кресло, Андрей понял, что до возможной остановки дрезины еще далеко. Очень далеко!

Вновь засунув багор под левое заднее колесо, он попытался затормозить, но крюк вывернуло, а затем и оторвало вместе значительным куском рукоятки. Все!

Еще пара минут и дрезина уже в третий раз, следуя направлению туннеля, выскочила на развилку. Парень едва успел прочитать надпись, сделанную белой краской на сбитых между собой досках.

– Депо? Ну, замечательно!

С шумом проскочив очередную платформу, дрезина понеслась дальше. Здесь уклон заметно снизился, и парень начал было подумывать, как бы спрыгнуть с нее…

Вдруг, его внимание привлекли два тонких луча света впереди туннеля. Прищурившись, он попытался разглядеть их, но не смог. Оба тонких луча шарахнулись в сторону, а уже через несколько секунд он заметил три человеческих фигуры, с рюкзаками в руках.

– Эй! Помогите! – заорал он, проскочив мимо них.

– Андрюха! Андрюха! Это он! – закричали в ответ знакомые голоса.

– Макс!

Парень успел увидеть, как они бросились за ним. Пролетев метров четыреста, дрезина проскочила еще одну развилку и резко свернула влево. Почти сразу же туннель круто пошел вниз и дрезина вновь резко набрала скорость.

– Да вы шутите! – жалостно хрюкнул Андрюха, не узнав своего голоса.

Кое-как подхватив оброненный фонарь, он попытался осветить пространство впереди. И то, что он успел увидеть, ему совершенно не понравилось!

Глава 13. На другой стороне

– Андрюха! Андрюха! Это он! – крикнул Дмитрий, после чего первым закинув рюкзак на плечо, бросился обратно в туннель, следом за пронесшейся мимо дрезиной.

– Точно, он! Его голос! – воскликнула повеселевшая Катя.

Шум унесшейся вперед дрезины постепенно стихал, что натолкнуло ребят на мысль о том, что догнать ее будет не просто. Через несколько минут где-то далеко впереди раздался жуткий металлический грохот и страшный треск. Похоже, дрезина все-

таки остановилась, во что-то влетев.

Пробежав мимо развилки, мы остановились. А куда дальше? В туннель с рванувшей паровой машиной? Если так, то дрезина налетела на стену и разбилась вдребезги. Вряд ли человек выжил бы в результате такого столкновения. Дрезина неслась со скоростью около пятидесяти километров в час, а то и больше. Или же в левый туннель, в Депо?

– Макс? Что думаешь?

– Депо! – крикнул я, быстро осмотрев рельс. У самого поворота, на шпалах отчетливо виднелась глубокая царапина, видимо только что выбитая рамой дрезины при крутом повороте.

Метров через пятьдесят, туннель резко пошел вниз.

– Черт! Если у дрезины не было тормозов, то здесь она должна набрать просто чудовищную скорость, – пыхтя как паровоз, крикнул Дима.

– Это уж точно!

– Неудивительно, что она соскочила с рельс или во что-то влетела! – подумал я.

Еще метров через двести наши фонари выхватили из темноты странную, громоздкую, многоуровневую конструкцию. Здесь туннель значительно расширился и почти сразу превратился в большую естественную пещеру.

– О! Да это же метромост! – воскликнула Катя. – Я уже видела такие!

И действительно. В центре пещеры находилась отвесная пропасть, шириной метров двадцать – тридцать. Поверх нее был проложен железный мост, состоящий из нескольких уровней. Мост был добротным, собранный из стальных балок очень давно. Но то, что мы увидели дальше, нас просто обескуражило. Железнодорожное полотно в центре было вывернуто, шпалы отсутствовали, а один из рельсов был сломан. Целый фрагмент обрушился вниз. Верхние уровни, кажется, уцелели, но там все было затянуто стальной ржавой сеткой.

– Нет! Только не это! – воскликнула Катя, увидев полотно.

– Где дрезина? – крикнул Дмитрий. – Где она?

Ему никто не ответил. Самые страшные опасения были налицо. Неужели мост под весом транспорта обрушился?

Подойдя ближе, мы увидели, что прямо в центре метромоста отсутствует целая секция. Судя по всему – в результате взрыва или обрушения свода. И сейчас дрезина с нашим другом упала куда-то вниз, в черную пропасть.

– Вот черт! Черт! – ругался Дима. – Андрюха! Эй! Проклятое эхо!

Заглянув вниз, в провал, я ничего не увидел. Да и никаких

звуков оттуда не доносилось.

– Андрюха-а-а! – заорала Катя.

– Я тут! – неожиданно крикнули откуда-то справа. Эхо разнесло звук по пещере так, словно говорило не меньше дюжины человек.

Обернувшись, я увидел человеческий силуэт. Андрюха сидел верхом на странной, трехметровой конструкции, похожей на самодельный кран, стоящий на треноге. На крошечной платформе, со стрелы крана висел стальной трос, за который чудом и ухватился пролетавший мимо Андрей. И как он успел спохватиться? Хотя с другой стороны, а что еще оставалось делать? И висящий трос подвернулся как нельзя кстати.

– Андрей! Вот, проныра! Мы думали ты того… Упал вместе с дрезиной.

– Ага, еще бы пара секунд и так оно и было бы! – усмехнулся он. – Ну, признавайтесь, рады меня видеть?

– Не, вообще не рады! Ну и везунчик же ты! – весело произнес я. – Спускаться будешь?

– Не-е-е! Я тут посижу, посмотрю! – расхохотался парень.

Ухватившись за трос, он потихоньку опустился вниз.

– Иди сюда, чертяка! – вскрикнул Дмитрий, и сгреб парня в охапку.

– Эй, эй полегче! – вырвался смущенный парень, но его тут ухватила за руку девушка.

– Мы думали ты погиб! – пробормотала Катя, целуя того в щеку и обнимая.

Тут уж настала пора смущаться Андрею.

– Кать, ты чего?

– Ничего! Забей! – пробормотала покрасневшая девушка, торопливо отстранившись.

И хорошо, что в тусклом освещении никто не увидел ее покрасневшего лица. Зная, какая она была жесткая девчонка, ее нынешнее состояние было как минимум нетипичным.

– Как ты очутился на дрезине? – спросил я.

– Да как, как… Когда я провалился в эту чертову вентиляцию, я потерял сознание. Ну, очнулся в каком-то узком туннеле. Около часа ползал по нему, пока не выбрался где-то на станции метро. Там, какая-то котельная. Пара бассейнов, куча старого ржавого оборудования. И куча труб и насосов, каких-то неизвестных агрегатов.

– Наверное, насосная станция? – предположила Катя.

– Может быть и так. Ну, я выбрался оттуда, недалеко от этой станции обнаружил туннель. Не помню сколько шел. Потом наткнулся на ту дрезину. Оказалась рабочей.

– А почему остановиться не мог?

– Да дурак, потому что! Тормоза не проверил. Их просто не было.

– Их и не должно быть, – заметил я. – Твоя дрезина была грузовой?

– Не знаю, но там ящики с песком стояли.

– Скорее всего, это была грузовая дрезина, они быстро в принципе не ездят. Да и тормозят двигателем.

При этих словах, Андрей смутился. Откуда ему было знать, что транспорт, на котором он сюда добрался, был не серийным и двигатель там стоял бог знает какой конструкции. – Ладно, хорошо, что вообще выбрался, – пробормотал он. – Вы-то как? Так! Стоп! А почему вас трое? Серега где?

Воцарилась пауза. Весьма длительная пауза.

– Что, погиб? – осторожно спросил Андрей, заглянув каждому из нас в глаза.

– Да нет, не погиб, – замахала руками Катя. – Просто он ушел от нас. Решил сам искать выход.

– И тебя! – вдруг произнес Дима.

Я с удивлением на него посмотрел.

Да, бесспорно, Серега был крайне подавлен и на эмоциях, но искать Андрюху он явно не особенно торопился. Гораздо больше его заботила собственная безопасность.

– Точно, – поддакнул я, глядя прямо в глаза Димы.

– Чего это он вдруг? – удивился Андрей.

– А черт его знает, психанул и ушел.

– Искать пробовали?

– Нет, – честно ответил я. – Да и он ясно дал понять, что наша помощь ему не нужна. Настолько ясно, что вон, у Димона губа еще кровоточит.

– Хм! А куда он ушел-то?

– Обратно в ракетный комплекс.

– Тогда, может, стоит вернуться за ним?

– Нет, не стоит. Там… Наша паровая машина… Того… Ну…

– Что? Какая еще паровая машина?

– Ну… В общем, мы нашли паровую машину, в той пещере, где ты провалился. Запустили ее. Она открыла проход сюда.

– Прохода там, вероятно, больше нет! Машина рванула. Возможно, туннель завалило взрывом.

Андрей замолчал.

– А кто-нибудь знает, где мы вообще? – сменила тему Катя. – Есть где-нибудь на карте этот метромост?

– Нет! – покачал головой Дмитрий. – Да и про туннели не слова. Но зато я где-то видел рисунок от руки, там… Так, сейчас,

найду. Э-э-э, вот!

Дмитрий, порывшись в куче бумаг, извлек неровный желтый лист бумаги. На нем, карандашом были нанесены извивающиеся между собой линии.

– Это что, туннели?

– Не мешай! Сейчас…

– Я не мешаю, я спрашиваю!

– Да, туннели. Похоже это то, что нам нужно. Смотрите, это насосная станция?

– Где? А, вижу. Ну да!

– А это Депо?

– Ну да. Тогда метромост, должен быть тут?

– Точно! Вот он!

– Так, а за мостом есть развилка, видите? Что тут написано, кто видит?

– Ядерный реактор! – прошептал я, с трудом разобрав чужой почерк.

– Чего?

– Какой к черту ядерный реактор? Здесь?

– Не знаю. Тут так написано. Но нам, похоже, туда! Вот, смотрите. Туннель проходит прямо через него! Вдруг, выход там?

– Да, тут за реактором, целая сеть помещений. Часть названий я даже разобрать не могу. – Дима вновь уткнулся в карту.

– Что там может быть? – удивилась девушка.

– Пока не пойдем туда – не узнаем. Идем!

– Серьезно?

– Да, разве у нас есть варианты?

Я первым двинулся в сторону Депо.

Подойдя к мосту, мы столкнулись с проблемой. Как перебраться на ту сторону? Полотно было почти уничтожено, а верхние уровни затянуты сеткой. Конструкция хоть и была железной, но о надежности, и заикаться не стоило. Несущие опорные и продольные балки, кажется, были еще целы, но о поперечных, такое сказать можно было лишь с большой натяжкой. Влажный климат, атмосфера и время сделали свое дело.

Вдруг, фонарь Димы начал тускнеть. Он постучал ладонью по крышке, обернулся к Андрюхе и попросил. – Батареи в студию, сэр!

Но Андрей ему не ответил, лишь шумно засопел.

– Батареи где, Андрюха? – повторил вопрос Дмитрий, начиная нервничать.

– У меня их нет, – пробубнил тот, закашлявшись. – У меня и рюкзака-то нет!

– Что? Как нет?

– В дрезине остался? – предположил я, заглядывая в пропасть.

– Угу!

– Да твою ж налево! – выругался Дима. – У нас осталось всего три фонаря, которые скоро сядут!

– Батареи, часть электроники, провизия, вода… Эх!

– Что будем делать?

– А что тут можно сделать? Будем ползать как кроты, и щупать стены! – недовольно хмыкнул Андрей.

– Пока этого не произошло, нужно двигаться. Да побыстрее. И вообще, если там, впереди есть ядерный реактор, так может он обеспечивает эту часть метрополитена электричеством?

Предположение было довольно смелым и дерзким, но вполне реальным. А почему, собственно, нет? Для чего еще нужен ядерный реактор, если не для производства электроэнергии?

Верхний ярус метромоста, затянутый металлической сеткой, практически исключал возможность прохода, а само железнодорожное полотно было разрушено. Был шанс прохода по нижнему уровню, прямо по несущим опорам и балкам, но там не было абсолютно никакой страховки. Стоило чуть оступиться и все, свободное падение в бездонную тьму и малоприятное приземление на камни обеспечено.

Пока мы осматривали метромост, решая с какой стороны лучше будет его обойти, я неожиданно наткнулся на лежащую у выхода из туннеля старую брезентовую сумку. Покрытая пылью, прохудившаяся, она сразу привлекла мое внимание. Внутри обнаружились три шашки динамита, и целый моток бикфордова шнура. Он использовался как запал для шашек уже сотню лет, а то и больше.

Вот так находка. Значит, если предположения верны, тот или те, кто проходил здесь в прошлом, от чего-то убегали. Или от кого-то. Подрыв моста сам по себе говорил о том, что люди пытались всеми доступными способами сделать так, чтобы по этому пути никто больше не смог прийти или же наоборот выйти. И ведь верно, если подумать, то сначала лифт в ракетном комплексе, затем решетка в пещере, потом эта паровая машина с запечатанной дверью, а теперь еще и мост. Что это, если не очередная отчаянная попытка закрыть проход для тех, кто еще, быть может, вздумает сюда явиться? Обезопасить тех, кто сможет сюда попасть. А мы, как нельзя, кстати, упрямо продолжаем идти вперед, несмотря на попадающиеся по пути предостережения, ища выход, которого может и не быть вовсе.

Что же ждет нас там? Ядерный реактор, Депо, Насосная станция, ракетный комплекс. Все это, часть одной большой

системы. Быть может, изначально они и были изолированы друг от друга, как временем, так физическими препятствиями, но в какой-то момент все это воссоединилось. Те, кто бежали отсюда, были объяты диким страхом, ужасом… Достаточно вспомнить испуганные слова профессора. А скелеты? Скольких мы уже встретили? Десяток, два десятка?

– Макс, идем! – окликнул меня Андрюха. – Мы нашли проход!

– Иду! – отозвался я, запихивая шашки динамита в свой рюкзак.

Подойдя ближе, я увидел, что Дмитрий уже перебрался на первую секцию нижнего яруса, и сейчас восседал на балке, свесив вниз ноги. Две другие секции соединенные балками выглядели довольно крепкими.

– Ну как? Держится? – эхо разлетелось по сторонам.

– Да нормально, он еще десяток лет точно простоит, – ответил Дима, разворачиваясь ко мне. – Давайте за мной.

Следующей полезла Катя, предварительно посеяв немного шума и паники.

– Не упасть бы… – с опаской пробормотала девушка, усевшись на краю.

– Смотри на это с позитивом. Зато, какая перспектива, а? – обернулся Андрей.

– Какая еще перспектива?

– Ну, узнаешь, что там внизу. – Пошутил парень. – А еще, дрезину мою найдешь! Она, правда, скорее всего уже ни на что не похожа, ну да ладно…

– Дурак! – отмахнулась Катя.

Ползти по конструкции, находящейся в аварийном состоянии, было еще-то удовольствие. Лишь когда все четверо, с рюкзаками, оказались под мостом, двигавшийся первым Дима, дал команду остановиться. И неспроста. Весь нижний ярус вдруг вздрогнул и со скрипом просел.

– Стоп! Замрите!

– Что это? Что такое?

– Тихо!

– О боже!

– Мост проседает!

– Не двигайтесь!

Я похолодел! Если это действительно так, то мы можем в любую секунду провалиться вниз. Но справившись с собой, я посмотрел вперед, туда, где остановился Дмитрий.

Оценив обстановку, я заметил, что левая несущая балка была покорежена взрывом, и разглядеть это с другой стороны моста мы заранее не смогли. Теперь же, когда на поврежденную взрывом

конструкцию довесили еще четверть тонны, балка начала смещаться вниз, таща за собой весь пролет. Лежащий край, с сорванным креплением просто лежал на нижней поперечной опоре, ничем не закрепленный. Сама балка лежала под углом, грозя соскользнуть вниз.

Похоже, пронесшаяся тут тяжеленная дрезина повредила что-то еще, проломив часть среднего яруса. Вся конструкция метромоста со скрипом просела на несколько сантиметров. Правая балка скрипела, но на креплении держалась надежно.

– Надо что-то делать. Мост развалится к чертям!

– Так, без паники. Спокойно! По одному перемещаемся вперед. Димка, ты первый, – произнес я так, чтобы услышали остальные. – Медленно, спокойно!

– Да знаю я! – фыркнул тот, осторожно двинувшись вперед.

Снова раздался скрип и откуда-то сверху посыпались ржавчина и мелкая каменная крошка. Несколько минут парень полз по правой балке, после чего перелез на центральную поперечную опору и оттуда, подтянувшись, перелез на средний уровень, прямо между рельс. Мост продолжал скрипеть, но больше не проседал. Еще несколько секунд и парень дал добро двигаться следующему.

Катюха двигалась быстрее, проворнее и потому очень скоро добралась до другой стороны. Без приключений выбравшись наружу, она поспешно отошла от края. Андрюха, ругаясь и проклиная строителей, тащил с собой рюкзаки, а потому двигался гораздо медленнее.

Пару раз он неудачно ставил ногу на балку или опору, в результате рывка, она соскакивала и конструкция моста протяжно скрипела, словно возмущаясь. Но вскоре, путем значительных усилий рюкзаки были доставлены на другую сторону, и трое из нас уже оказались на месте, когда я вдруг явно услышал впереди удивленный крик, а затем протяжный рев. Я бросился вперед, чуть ли не перескакивая с балки на балку, но меня остановил раздавшийся сверху сухой выстрел. Кто стрелял? В кого стреляли? Крики, шум, ругань доносившиеся сверху меня совершенно обескуражили. Я не знал, что делать, затаиться или бежать вперед помогать друзьям, независимо от того, на что они там наткнулись.

Совершенно не представляя, что же происходило наверху, я все-таки двинулся вперед. Добравшись до среднего яруса, я подтянулся на руках и, выглянув из-за полотна, увидел странную картину. Парни, вооружившись найденными черенками от лопат, отгоняли уродливое четвероногое существо, с рычанием пытавшееся наброситься на людей. Катя стояла у разорванного

рюкзака, за спинами ребят, держа в одной руке фонарь, а в другой револьвер, найденный нами у выхода из пещеры. Выбравшись, я подхватил с земли увесистый камень и спешно бросился к ним.

– Что это за тварь?

– Да черт его знает! Крыса, вроде! Я отлить хотел, зашел за ту постройку, а там эта дрянь. Сразу накинулась на меня, едва ногу не отгрызла, – произнес Андрей, махая черенком.

Тварь, действительно внешне похожая на гигантскую крысу, около полуметра в холке, прихрамывала, а из раны на передней лапе текла бурая кровь. Похоже, рану ему нанесла Катя, выстрелив из револьвера. Уродливая морда, с черными глазами и с обслюнявленной зубастой пастью, освещенная фонарем, выглядела жутко, а в довершение ко всему злобно рычала. Яростно прыгая, она пыталась ухватить за ногу человека, однако ей это не удавалось.

– Да пристрели ты ее! – крикнул Дима. обращаясь к Кате. – Чего ждешь?

– Я боюсь промазать! – пробормотала девушка.

– Стреляй!

Катюха выстрелила, но вновь попала в ту же лапу, только повыше. Тварь снова взревела, но уже более жалостливо.

– Да, в меткости тебе не занимать! – воскликнул Андрюха, замахиваясь черенком.

– Козел! – подумала девушка, но вслух не произнесла. – Сейчас!

– Последний патрон! – напомнил Дмитрий.

Замахнувшись, я с силой метнул камень так, чтобы тот непременно попал животному в голову. Частично получилось – камень скользнул по черепу, разодрав кожу за левым ухом верещащей твари. Крыса взвыла, а затем, вдруг замерла, после чего проворно бросилась ко мне. Неестественно длинный прыжок вышел неудачным из-за того, что поврежденная лапа подвела. Именно это меня и спасло. От неожиданности, я попятился и, зацепившись за шпалу, споткнулся и упал. Крыса почти добралась до меня, готовая вцепиться в бедро, когда в третий раз прозвучал выстрел, а в затылке монстра образовалась дыра. Брызнула кровь, тварь захрипела и мешком завалилась мне на ноги. Отпихнув тело ногой, я облегченно вздохнул.

– Попала? – вопросительно крикнула девушка, но уже и сама увидела результат.

– Я уж думал, сейчас отгрызет мне что-нибудь, – пробормотал я, вытирая с лица брызги крови и поднимаясь с пола.

– С третьего раза, Кать? Ну, ты прям меня удивила!

– Да что я, ствол кривой!

– Ага, как же! Дай сюда.

Девушка фыркнув, недовольно протянула револьвер Андрею. Тот забрал оружие, повертел в руках и выдал заключение о том, что ствол и вправду был кривым. Занятно, что сразу мы этого не заметили.

– Что это за тварь? Крыса? – спросил Дима, пихнув ногой тушу.

– Похоже на то, но в ней весу килограмм тридцать, а то и больше. Где вы таких крыс видели, а?

– Может, это мутант?

– Какой к черту мутант? Откуда он тут взялся бы?

– Ну, не знаю, может результат действия радиации?

– Радиации?

– Так, а у нас счетчик Гейгера есть? – спросил я, встревожившись.

– Был! Точно был! – произнес Андрей, расстегивая рюкзак Кати. – Вот!

– Включай!

Небольшой, компактный прибор тихонько затрещал, сигнализируя о том, что уровень радиации вокруг все-таки был выше нормы, но незначительно.

– Сорок пять микрорентген в час, это выше нормы, но укладывается в допустимый уровень! – произнес Дмитрий, заглядывая в пасть твари.

– А ты откуда знаешь?

– Я доклад по Чернобылю писал, по метрологии, – ответил парень, пожав плечами, а затем снова заглянул в пасть крысе. – Ничего себе у нее клыки! Да она запросто руку отгрызть может!

– Если это результат действия радиации, то неудивительно. Ну и возраст, наверное, крыса должно быть старая.

– Возможно и так. И если тут еще есть подобные ей, нам определенно нужно избегать с ними встреч.

– А еще нам нужно оружие! – заметил Андрей, осматривая обгрызенный черенок от лопаты. – Вдруг, эта была не самой голодной, а?

– Согласен!

– Надо идти дальше! Потом будете крысу осматривать. – Сменил тему Дмитрий. – Фонари еще немного и сядут!

– Разумно!

Метромост остался позади. Мы двинулись вперед, по железнодорожному полотну, миновав пустую разгрузочную платформу. Никаких проходов, туннелей или воздуховодов тут не было. Пройдя вперед метров двести, мы наткнулись на сбитый из

старых досок деревянный заслон. Он, явно криво, лежал прямо на рельсах, перегораживая путь. На нем, белой краской было написано: Опасность!

– Так, смотрите! Это что, предупреждение об аварийном мосте, что мы миновали? Или наоборот, это касается туннеля, что впереди нас? Там ведь должен быть реактор, верно?

– Согласно карте, да!

– И в чем опасность?

– Да черт его знает!

– Мы все-таки пойдем дальше?! – пробормотала Катя.

– А куда деваться? Не возвращаться же…

Обойдя стороной деревянный щит с предупреждающей надписью, мы последовали дальше. Туннель продолжал плавно, едва заметно уходить на восток, постепенно углубляясь. По мере следования нам не встретилось никаких технических ответвлений, развилок. Не было ни платформ, ни станций. Все это говорило о том, что данные туннели метро изначально проектировались вовсе не для стандартных пассажирских перевозок.

Этот пустой, старый туннель с одним единственным железнодорожным полотном, уже давно не использовался по своему назначению. Рельсы давным-давно покрылись ржавчиной, что свидетельствовало об их давней эксплуатации. И воздух тут был затхлый, тяжелый, непривычный, даже, наверное, чужой.

Кромешная темнота, разрезаемая только лучами наших фонарей, добавляла напряженности, словно шептала в оба уха не позволяя расслабиться. К тому же этот мрак уже порядком надоел. И что интересно, такие ощущения накатывали волнами, не поддаваясь какому-либо правилу. Иногда чувствовалась легкая дезориентация и головокружение.

Бетонные своды туннеля, словно им это было необходимо, незаметно гипнотизировали сознание, притупляли внимание своим однообразием. Этот туннель, как и многие до него собирался кольцевыми секциями из железобетонных тюбингов, участок за участком, по определенной технологии. Местами можно было различить узкие стыки таких секций, даже не смотря на то, что их, вероятно, предусмотрительно залили бетоном еще много лет назад.

Я шел следом за Дмитрием, который продолжал вертеть перед собой карту безумного профессора. Шел, осматривался и размышлял, словно не замечая того, как монотонно тянется продвижение по легендарному *"Метро-2"*. Это же явно оно! То самое секретное московское метро, находящееся под основным метрополитеном, что уже не один десяток лет привлекает

интересы десятков, а то и сотен исследователей, но все так же окутано мрачной тайной. Как тут не согласится, что здесь присутствует своя, неповторимая, мрачная, но загадочная атмосфера? И хотя все то, что мы увидели, не радовало особым разнообразием, каждый из нас понимал, что все еще впереди.

Никогда не унывающий Андрюха минут двадцать травил не всегда смешные анекдоты, однако вскоре это занятие ему откровенно надоело. Он принялся фантазировать на тему фауны и флоры, которая могла обитать в этих туннелях. Ведь крысу-мутанта мы уже видели, значит не исключено, что есть и другие.

– Представьте огромную летучую мышь! Или какого-нибудь жука – переростка, а? А многоножку!

– Жуть! Я вообще их боюсь. А если представить такую же, только раз в десять крупнее. Фу!

– Вот и я говорю. А если тут какие-нибудь человекоподобные твари есть…

– Андрей, сбавь обороты! Это просто туннели. Нет тут ничего, – оборвал его Дмитрий. – Нервы и так расшатаны, еще ты со своими фантазиями.

– Ладно, не буду. – пообещал Андрюха.

Где-то впереди нас ждал ядерный реактор. Работал ли он? Каково его состояние? Кто его тут построил? И существует ли он вообще? Надпись на табличке и на карте, вовсе не означает, что все обстоит так, как нам бы хотелось.

Когда мы узнали что есть другой выход из ракетного комплекса, мы и представить не могли, что путь к нему будет такой долгий и изощренный. А в правильном ли направлении мы двигаемся?

– Так! А это еще что такое? – вдруг спросил Дмитрий, неожиданно остановившись перед оказавшейся на пути развилкой. Здесь туннель разделялся на два совершенно одинаковых прохода. Никаких указателей тут не было.

– Куда дальше?

– Что на карте?

– Ничего. Я тут мало что понимаю.

– А может табличка где-нибудь есть? – спросила Катюха. – Ну, как раньше, а?

Поиски хоть какого-нибудь информационного указателя или надписи ни к чему не привели. Туннели были безымянными и одному богу известно, куда они вели.

– Давайте налево? – спросил Андрюха.

– Почему именно туда?

– Ну, просто…

Мы переглянулись. А что тут думать?

– Идем!

Свернув в левый туннель, мы двинулись дальше. Дмитрий только успел убрать карту в рюкзак и достать из кармана пачку галет, как туннель внезапно закончился. В буквальном смысле. Прямо перед нами находились массивные гермоворота с мощными запорами

– Гермоворота? Тут? – удивился Андрей. – Вы, конечно, извините, но разве такие не ставятся непосредственно перед выходом на поверхность, там, где эскалаторы?

– Да, именно так. Конечно, в метрополитене есть и внутренние гермоворота, но они поставлены для герметизации туннелей. В случае нештатной ситуации, гермоворота закрываются – участок блокируется. Каждый снабжен собственным аварийным генератором электроэнергии, системой вентиляции. Таким образом, загерметизированный участок превращается в участок автономного жизнеобеспечения.

– Или в братскую могилу! – заметила Катя. – Например, при затоплении туннеля.

– Какого еще затопления? Чем?

– Фекалиями москвичей! – усмехнулся Андрюха. – Ну, канализация там, все дела!

– Нет! – я отсек эту версию. – Скорее для удержания грунтовых вод! Или на случай теракта! Или бомбардировки…

– Теракт в метро?

– А почему нет?

– Какая разница! – прервала наш спор Катя. – Что мы будем делать с этими воротами?

– Ну! Логично, что они закрываются с помощью привода, чаще всего электромеханического. Но, здесь наверняка есть и ручное управление. И я его, кажется, вижу!

– Где?

– Вон! – я ткнул фонарем в нишу расположенную в правой стене туннеля, почти у самых ворот, на высоте около метра.

Ниша оказалась закрыта ржавой заслонкой. Отодвинуть ее было непросто, но мы справились. Со крипом выдвинув ее из пазов, мы увидели три поворотных колеса, и небольшой рычаг. Все это и представляло собой своеобразный пульт управления запорным механизмом. Большое колесо оказалось заблокированным, а малые вертелись в разные стороны, но никакого эффекта на закрытые гермоворота не оказывали. Рычаг же наоборот, поддавался, но зажатый скобой-задвижкой не мог полностью функционировать.

– Эм-м-м! Это что, система защиты такая? – промычал Дмитрий, взмахнув рукой. – И что дальше?

– Мы неправильно начали. – пробормотал я. – Тут своя система. Сами подумайте, если бы это было так просто, то любой диггер, спустившийся в метрополитен натворил бы таких дел, что самому Кагановичу тошно было бы.

– А это еще кто такой?

– Большая шишка. В середине прошлого века, сподвижник Сталина, именно он руководил строительством первых станций метро. Деловой человек был.

– Таких тогда много было.

– А еще, кажется, первый секретарь Московского областного комитета Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков, – вспомнил я, напрягая память.

– Прозвучало, как будто выругался на другом языке! – заметил Андрей.

– А еще именно он руководил строительством первой очереди московского метро.

– Он, конечно, молодец. Но, как мы открывать ворота будем? – снова вмешалась Катюха.

– Загугли! – пошутил Андрюха. У него рот просто не закрывался.

– Очень смешно!

– Сейчас, погодите. Принцип действия туннельного затвора должен быть прост. У него есть три состояния: Открыт, закрыт и загерметизирован. – вспомнил я, когда-то читая об этом в журнале.

– Ну, понеслось! – махнул рукой Андрюха! – Лекцию заказывали? Пожалуйста!

– Молчи! Лучше глянь, на стыке закрытия между дверью и коробом случайно уплотнительная резина не торчит?

– Вроде нет. Стоп, вот здесь есть. И тут. И вон там.

– Ага, резина старая, поврежденная. Значит, скорее всего, положение закрыто. Это хорошо.

– Ну, раз начал, то продолжай! – хмыкнул Андрей, едва скрывая, что его все-таки заинтересовал этот процесс.

– Раз так, одно из малых колес должно переключать блокировку рычага перехода с ручного режима, на автоматический. И наоборот.

– Автоматический?

– Да! С той стороны электропривод с червячной передачей.

– Как интересно… – промычал Андрюха, едва сдерживая ухмылку.

– Ты неисправим! – шикнула Катя.

– Макс! – вдруг резко посерьезнел Андрей.

– Что? – я обернулся.

– Можно я буду называть тебя сэр-инженер?! – неожиданно расхохотался парень.

– Вот дурак! – рассмеялся я, но почти сразу же забыл об этом. – Так, смотрите! Вот тут отметка на обоих колесах. Судя по всему, это насечка еще с завода-изготовителя. Попробуем повернуть правое колесо до упора вперед, а левое в обратном направлении.

– А если неправильно?

– Ничего страшного.

Андрюха фыркнув, послушно выкрутил оба колеса. Вдруг, скоба с лязгом отскочила от рычага. Нажав на него, Андрюха схватился за большое колесо.

Что-то щелкнуло. Затем еще раз. Колесо в руках у парня ощутимо вздрогнуло.

– Есть! Получилось. Теперь просто крутим большое колесо против часовой стрелки.

– Я один не могу, тяжело. Дима, помоги, а?

Андрей и Дмитрий вместе налегли на большое колесо, с трудом вращая его в нужном направлении. Гермозатвор натужно скрипнул. Ворота медленно, сантиметр за сантиметром начали открываться.

Глава 14. "Бункер № 17"

Библиотека университета меня не особенно впечатляла. Отчасти потому, что интересующей меня литературы там было не много. Да, есть у меня такой грешок – очень люблю читать. История, наука, изобретения…

Друзья часто шутили надо мной, называя ботаником, хотя каждый знал, что это совершенно не так. Была у меня и мечта – найти какого-нибудь отставного офицера военного спецназа, а лучше сразу нескольких…. Организовать школу выживания для подрастающей молодежи. Кто еще мог бы обучить подростков тому, чему не научат ни в одной школе? Как выживать в лесу, под водой, в пещерах? Как прыгать, падать…. Как защищаться в условиях дикой природы, при стихийных бедствиях? Как не умереть с голоду? Что делать при встрече с опасным хищником?

Эта навязчивая идея, уже который год вертелась в моей голове. Но на ее реализацию требовалась масса денег, которой у меня само собой не было…

Годы шли, а мечта так и оставалась мечтой. Вместо этого, я читал. Очень много читал.

– О, как! – присвистнул Дмитрий, осматривая приоткрывшийся проход.

Дверь до конца не открылась, сработала какая-то хитрая блокировка, видимо блокирующая въезд железнодорожного

транспорта.

Прямо перед нами был короткий туннель, сложенный из чугунных тюбингов, с проложенными по стенам кабелями и трубами. Слева, прямо на стене, на чугунной платформе был закреплен электродвигатель какой-то старой конструкции. Судя по его виду, он был испорчен намеренно – крышка двигателя была снята самым варварским способом и оттуда торчали мотки медных проводов.

Метров через двадцать, у входа стояла пустая дрезина.

Сам туннель быстро уходил на право, где значительно расширялся. Там, насколько позволяли фонари, можно было различить слева и справа широкие платформы.

– Кажется, какая-то станция впереди. – Заметил я, освещая фонарем стены.

– А может вовсе и не станция.

– Почему?

– А зачем, по-твоему, блокировать гермоворотами станцию?

– Может на ней что-то произошло.

– Ага! Вот тут мы и подошли к сути всех наших приключений… – снова съязвил Андрей. – Тут что-то произошло! Да ладно, правда что ли?

Дима вздохнул.

– На карте есть что?

– Даже не хочу смотреть. Я уже запутался в этих страницах. – Отрицательно покачал головой парень. – Толку?

– Идем, что ли? – спросила девушка, первой двинувшись в туннель. И именно на этом моменте, ее фонарь начал тускнеть.

– Кать, все фонарь приказал долго жить!

– Вижу. – Пробормотала она. – Осталось всего два?

– Да. Нужно торопиться.

Мы прошли вперед, миновали одиноко стоящую дрезину, на которую Андрюха тихо выругался. Похоже, парень, после своего железнодорожного рандеву по туннелю на сломанной дрезине, вообще перестал испытывать положительные чувства к данному виду транспорта.

Справа и слева действительно оказались разгрузочные платформы.

На правой платформе, гораздо более широкой по сравнению с противоположной, вразнобой стояли деревянные ящики разных размеров. Левая же платформа, почти свободная от ящиков, оказалась недостроенной, по крайней мере, с первого взгляда. Бетонный парапет сломан, передняя кромка платформы раскрошилась так, что видны куски арматуры, напоминая обглоданные кости. Создавалось впечатление, что тут с

чудовищной силой прокатился огромный локомотив, сломав по пути все, что ему мешало.

У основания дальней стены, бесформенной кучей лежали ржавые рельсы, сваленные тут много лет назад. Кроме рельсов, здесь больше ничего интересного не было. Туннель, вместе с путевым полотном круто уходил влево и, огибая пострадавшую платформу, резко заворачивал в другой, более узкий проход. Дмитрий с любопытством отправился туда, освещая стены фонарем. Неожиданно, через пару минут после его ухода, из темноты раздался удивленный возглас.

– Эй! Да тут что-то есть!

– Что там?

– Даже не знаю… Ого! Макс, может, ты подскажешь, что это такое?

Я подошел ближе, пытаясь рассмотреть в тёмном туннеле объект, так заинтересовавший друга. И действительно, там в частично обрушившемся туннеле можно было различить странную, многоуровневую, и довольно сложную металлоконструкцию со множеством гусениц, напоминающую странную смесь строительных лесов и бурильной машины. Покрытая грязью, пылью и паутиной, конструкция напоминала кучу металлолома, кое-как собранную для нужд метро безумным изобретателем.

– Ба, да это же проходческий щит! – воскликнул я, удивившись. – Ух, ты! Причем, очень старый!

– Щит?

– Ага! С помощью таких щитов прокладывают туннели метро, начиная еще со второй очереди строительства метрополитена. А в Европе и того раньше. Не думал, что когда-нибудь вживую увижу это чудо метростроения.

– Эта бандура?! – удивился Дима, освещая ее фонарем. – Но она, судя по всему, сломана?

– Да, так и есть. Верхний уровень развалился и еще кабина оператора отсутствует. Вон, остатки под левой гусеницей лежат.

– Ее тоже взорвали?

Я промолчал. Неожиданная находка ощутимо сбила меня с толку. Что она делает здесь?

Нет, ну чисто теоретически, понятно, что с ее помощью строили эти туннели. Но зачем загонять этого древнего колосса в тупиковый, недостроенный туннель и там бросать, предварительно выведя из строя? Изначально мне показалось, что туннель обрушился, но присмотревшись, я понял, что ошибся. Туннель не был достроен изначально. Часть железобетонных тюбингов отсутствовала, отчетливо были видны отвалы породы,

глыбы камней, сломанный ленточный механизм и части покореженного инструмента.

Пока я размышлял, Андрюха времени не терял. Не найдя интересным осмотр проходческого щита, он перебрался на правую платформу, хаотично заставленную черными деревянными ящиками. Луч его фонаря то и дело мелькал среди рядов, иногда проскакивая по потолку и стенам.

Заглянув в несколько, попавшихся по пути ящиков, он увидел, что те наполнены загустевшей смолистой массой.

– Эй, сюда! Здесь, в ящиках опять смола какая-то. Макс, помнишь, мы что-то подобное видели у выхода к паровой машине? – спросила Катя, разглядывая ящик.

– Помню. Может, это какая-то горная порода? – предположил я.

– Вряд ли. Это смола, – произнес Дмитрий, трогая кусок породы.

– Брось его, мало ли, вдруг радиоактивный, – предостерег я друга, вновь ощутив нарастающую головную боль.

– Идите сюда! – вдруг раздался крик снова ушедшего вперед Андрея.

– Куда ты все время убегаешь? – крикнул в ответ Дмитрий.

– Идите! Скорее!

Миновав ряды ящиков, мы остановились. Здесь, между бетонной стеной и стоящими рядами ящиков, находилась широкая площадка. Пустая. А на самой стене обнаружились широкие железные ворота, с устаревшим пультом управления прямо на внушительном электромагнитном замке. Отчетливо различалась цифровая клавиатура и широкая замочная скважина, под разбитым стеклянным колпаком.

– Ого, ворота. Открыты? – с надеждой спросила Катя.

– А как же! – хмыкнул Андрей. – Вы наверх посмотрите!

Там, в паре метров от ворот, висел массивный плакат с надписью: "*Бункер № 17*". В левом верхнем углу был символ, напоминающий солнце.

– Бункер. Ну, точно, правительственный, – подвел итог Дима, махнув на него рукой.

– Здесь? Так глубоко? Наверняка, это не просто правительственный бункер.

– А что еще?

– Ну, один из тех, что так тщательно скрывались под завесой тайны.

– Ага, и судя по тому, что тут кодовый замок… Хм, ну явно не просто бункер.

– Ребят, куда мы забрели, а? – вдруг пробормотала Катя. –

Мне что-то снова не по себе.

– Кать, ты чего? – улыбнулся Андрей. – Испугалась?

– Нет, но… Это же… – ее заметно передернуло. – Не просто же так он находится именно здесь? Зачем, так тщательно его скрывать?

– Наверное, мы этого не узнаем! – произнес Дмитрий. – Такой замок нам не сломать и не обойти. И уж точно, ручного управления тут нет!

– Зато, есть ключ! – тихо пробормотала девушка, достав из рюкзака найденный в ракетном комплексе ключ.

– Ключ? Катюха, ты молодец! Я уж и забыл о нем. Это тот, что нашли у скелета?

– Да. Однако, мне не вовсе туда не хочется, – заметила она, держа ключ в руках. – Но, думаю, другого выхода у нас нет?

– Правильно думаешь! – заметил Дмитрий.

В этот самый момент, меня посетила запоздалая мысль… А правильно ли мы идем? Вдруг, нужно было идти прямо?

– Вставляй ключ! – повторил Андрей.

– Сейчас. Погоди. А, черт!

– Что?

– Скважина закрыта внутренней заслонкой! Ключ через нее не пройдет!

– Проклятье! Почему?

– Да что ж за невезение.

– Тише, не кричите. Кажется… Догадываюсь, в чем дело!

Я подошел ближе к двери.

– Кодовый замок тут не для красоты. Он-то и блокирует скважину. Нужен специальный код!

– Ребят! – снова послышался голос Кати, держащей в руке найденный там же где и ключ потертый документ. – Пропуск! Тут цифры!

– Ты чудо, Катюха! Диктуй!

– Сейчас! *"6796"*.

– Ну, Антон Лаптев, не подведи! – подумал я, вспомнив про владельца пропуска.

Раздалось легкое шипение и из-под герметично закрытой двери хаотично выстрелили белые струйки то ли газа, то ли пара.

– Пахнет гнилыми персиками! – сморщив нос, пробормотала Катя. – Фу! Гадость!

– Я не знаю ничего такого, что пахло бы гнилыми персиками, при этом, не являясь персиками! – заметил Дмитрий. – Вроде не ядовитый, но это определенно какой-то газ!

– Бункер был законсервирован! – подумал я. – Не просто закрыт, а именно законсервирован. Что бы это значило? Ведь,

если подумать, сколько вопросов встретившихся на нашем пути остались без ответа. Все эти события одной цепи или же скрученные между собой факты разных временных линий, наложенных одна на другую?

– Ну, заходить будем, или как? – спросил Андрюха, ни к кому не обращаясь.

Ухватившись руками за тяжелую дверь, мы с Димкой потянули ее на себя. Массивный кусок цельного металла без единого скрипа обнажил то, что было заперто много лет…

– Мы пришли с миром! – едва сдерживая смех, крикнул во тьму Андрей.

– Задрал ты уже! – скривился Дмитрий, но после смягчился. – Старо как мир! Где твой потенциал?

Андрюха едва не подавился от такого замечания и уже был готов выдать что-нибудь эдакое, валящее с ног, но осекся на полуслове. Оба фонаря погасли почти мгновенно…

– Зараза! – натурально прорычала Катя, отбросив в сторону бесполезный кусок пластмассы.

– Химические лампы у кого? – спросил Андрей.

– У меня, сейчас нащупаю!

Примерно с минуту было слышно только возню, тяжелое дыхание и шорох рюкзака.

– Ну?

– Да погоди ты. Сейчас!

– Картина Репина… Эм-м, черный квадрат! – попытался пошутить Андрей, но вышло настолько глупо и скудно, что после произнесенной им фразы кроме нервного сопения, больше ничего не последовало.

– Малевича, темень! – фыркнул Дима.

– Да? Ну и ладно!

– Сдулся, юморист?

– Есть! Нашла! – девушка толкнула в спину Андрея, тем самым не дав начаться новой словесной перепалке.

Вспыхнул тусклый красный свет, с трудом освещая вокруг пару метров пространства.

– Так, ну хоть что-то. Посмотрим, что за бункер такой?

– Кать? – тихо обратился к девушке Андрей.

– Что?

– Ты такая страшная в красном свете! – потусторонним голосом прошептал юморист.

– Иди ты, дурачок!

Что ни говори, а атмосферу напряженности Андрей разряжал, пусть иногда и неумело. Нервы и так были ни к черту, и немного юмора действовало как нельзя кстати успокаивающе.

– Может, мы уже войдем, наконец?

В мертвенно красном свете, вход в бункер выглядел так, словно это вход в преисподнюю. Вздохнув, Дима закинул рюкзак за спину и вошел первым.

Впереди оказался небольшой коридор, около пяти метров длиной, который упирался в металлическую решетку. Судя по всему, замка не было, и ее просто прикрыли. По гладким бетонным стенам, выкрашенных краской непонятного цвета, шли плотные пучки кабелей, шлангов и труб, аккуратно уложенных в открытые каналы. Пол засыпан мелким мусором, целыми кипами пожелтевших документов, листами бумаги. Все покрыто густым слоем пыли, что сразу натолкнуло на мысль о том, что система вентиляции в бункере не работала.

Вдоль левой стены шли узкие стеллажи, на которых лежали старые противогазы, подсумки, перчатки. Судя по всему, имущество РХБ защиты, но все безнадежно испорченное временем.

– О, смотрите! – вдруг крикнул Дмитрий. – Это что, электрощитовая?

Перед ним, справа, прямо в стену был вмонтирован огромный железный шкаф, выкрашенный когда-то желтой краской. Изображенная на двери молния и соответствующая аббревиатура, говорили сами за себя. Дернув на себя дверцу, парень убедился в своей догадке.

– Рубильники! Ого, да их тут не меньше десятка! – удивился он. – А вдруг еще что-нибудь работает?

Последовательно выжав их один за другим, Дмитрий вопросительно уставился на висящую на потолке люминесцентную лампу.

– И?

– Ну что, электрик?! Электричество кончилось? – хихикнула девушка.

В шкафу что-то щелкнуло, затем еще раз, а после раздалось тихое жужжание. Следом за этим висящие на потолке лампы начали вспыхивать одна за другой.

– Не кончилось! – Андрей наглядно показал, куда ей идти.

– Ах, так!

– Во, вот это дело! – довольно похвалил шкаф Дмитрий, игнорируя общение этой парочки шутников.

Освещение работало исправно, мягко и ярко освещая все окружающее пространство. Электричество было, но его источник нам был неизвестен. Возможно, впереди, в недрах бункера есть какой-то генератор?

Толкнув решетку, мы попали в широкое помещение, формой

отдаленно напоминающее огромную грушу. Стены в этой части бункера, в отличие от самих туннелей метро, не были собраны из железобетонных и чугунных тюбингов. Везде только цельный, советский бетон.

Зал был очень хорошо освещен, причем не примитивными лампами накаливания, а исключительно люминисцентными. Многочисленные провода, линии связи, трубы и вентиляционные магистрали очень компактно и аккуратно уложены в специальные каналы. Если их не искать намеренно, то глаза они практически не мозолили глаза.

Расставленные по периметру массивные шкафы, почти все забитые документами, папками и книгами, создавали впечатление, что мы вовсе не где-то в недрах советского подземного бункера, а в обычной городской библиотеке.

Справа и слева хорошо были видны два широких коридора, уходящие в разные стороны. Над каждым из них, сверху, висели деревянные указатели с надписями.

Прямо перед нами стоял массивный железный стол, на котором лежали толстые папки с бумагами, в добротных кожаных перелетах.

– Это еще что?

– Похоже на личные дела военнослужащих! И много! – заметил Дмитрий, взяв одну из них в руки и сдув пыль. – Что тут у нас? Ого!

– Что?

– Это правда, личные дела. Я не ошибся.

– Что там написано?

– Так! Ну-ка. Посмотрим! Сергей Дранков, старший сержант. Скончался двадцать первого июля 1986!

– Скончался? Интересно, от чего?

– Тут не сказано. Так, а тут что?

Дмитрий взял другую папку, предварительно сдув пыль и с нее.

– Виктор Белкин, лейтенант. Скончался двадцать первого июля 1986!

– Как? И этот тоже?

Дмитрий открывал папку за папкой и всегда звучало одно и тоже: Скончался! Скончался! Скончался!

– Все в один день? Двадцать первое июля, восемьдесят шестого.

– Эксперимент? Или несчастный случай? – тихо пробормотал я, но услышали все.

– Вспомнив и сложив воедино все ниточки, боюсь, несчастный случай тут ни при чем!

– Что же здесь произошло?!

– Эй, народ! Смотрите, там, на стене карта! – неожиданно отвлек нас Андрей.

Висящий на стене большой деревянный щит с обнаруженной картой, был намертво прикручен прямо к бетонной стене. Самая крупная надпись на карте, гласила: " *Объект МО СССР Астра – 1*".

– *"Астра – 1"?* – как бы уточнил у плаката Дмитрий. – Хм! Разумеется, никто про это ничего не слышал?

– Нет. Название явно секретное.

– Смотрите, здесь подробно показано все. Тут больше десятка объектов. Все они взаимосвязаны одним названием. Но, судя по его размерам, это вовсе не *"Метро-2"*.

– Скорее, это самостоятельный изолированный, полностью автономный объект!

– Возможно, он все-таки является частью метрополитена, – пробормотала Катя. – Вон, на востоке линия уходит за пределы карты, видите? Что там написано? Москва?

– Точно! Быть может, это и есть выход?

– Да и эта линия проходит через ядерный реактор, депо и склады. Жаль, карты самого бункера нет… Хотя, вряд ли он большой.

– Пора выбираться отсюда! – произнес я, запоминая расположение туннелей на карте.

– Эй, народ! Посмотрите! Тут два прохода, левый – лаборатория и полигон. А правый – инженерные мастерские, – крикнул Андрей, уставший рассматривать карту. – Нам куда?

– В лабораторию! Там мы должны, наконец, найти ответы на вопросы о том, что же здесь случилось!

– Было бы глупо, просто уйти отсюда, так ничего и не узнав. Идем в лабораторию.

Еще немного посовещавшись, мы двинулись в левый проход, который почти сразу разделился еще на два широких прохода. Правый вёл к полигону, а левый к лаборатории.

– На полигон?

– Нет! К лаборатории!

Туннель плавно уходил вправо. На стенах висели плакаты, стенды, пожарные указатели. И хотя здесь было относительно чисто, слой пыли говорил о том, что тут очень давно никого не было. Бункер бросили и забыли!

Метров через пятьдесят, туннель уперся в массивную дверь. Замок оказался сломанным, а в правом нижнем углу отчетливо были видны солидные вмятины и раскрошившийся бетон.

– Вот и лаборатория, – обрадовался Андрей, указав пальцем на висящую над дверью вывеску.

– Что это с дверью? Ее что, ломали изнутри? – настороженно спросила Катюха, разглядывая дверь.

– Вполне возможно.

– И мы будем ее открывать?

– Она и так открыта. Взгляни, замок сломан.

– А что если там какая-нибудь тварь?

– Мутант?

– Ну, это же лаборатория. А вдруг?

Андрюха только усмехнулся.

Весь долгий путь что мы проделали, начинания от Москвы и заканчивая бункером, девушка странным образом, постепенно теряла уверенность в себе. Раньше ее не пугали практически никакие трудности, зато сейчас, каждая закрытая дверь, каждый перекрытый туннель, вызывали у нее пугающий страх, причем настолько сильный, что она и сама не понимала почему. У меня было лишь одно объяснение, суть которого в том, что именно сам объект *"Астра – 1"* так влияет на психику человека. Вдруг, здешние безумные ученые испытывали на людях какой-нибудь психотропный излучатель? Или газ? Или жуткие медицинские опыты?

Приложив солидное усилие и потянув дверь на себя, удалось лишь немного ее приоткрыть. Мощные петли давно заржавели, покрылись коррозией, тем самым обеспечив естественной защитой лабораторию от проникновения. Андрею, вызвавшемуся добровольцем, с трудом, но все-таки удалось протиснуться в щель. Почти сразу же, оттуда раздался его удивленный возглас.

– Что там?

– Трупы! И много, очень много!

– Скелеты?

Следом за ним, предварительно захватив рюкзаки, пролезли и остальные. Зрелище, представшее перед нами, оказалось далеко не из приятных. Тусклый, белый свет мерно освещал огромное помещение, при этом добавляя мрачности и без того неприятной обстановке.

Десятки операционных столов с лежащими на них скелетами. Некоторые были одеты в белые пижамы, пожелтевшие от времени, некоторые сохранили на себе остатки рассохшейся военной формы. Другие же вообще не имели никакого обмундирования.

– Бог ты мой! – опешил Дима. – Да их тут сотня, не меньше! Только посмотрите!

И действительно! Останки тел лежали не только на столах, но и на полу, на лавках и стульях. В самых разнообразных позах. У некоторых отсутствовали конечности. А прямо у входа, лежал

крупный скелет в противогазе, каске и плаще ОЗК, с заклинившим автоматом в руках. Вокруг были разбросаны сотни гильз. И таких автоматчиков, в разных углах лаборатории, я насчитал еще с десяток.

– Их что, расстреляли? – ужаснулась Катя, осматривая весь этот кошмар. – Но за что?

– Эй, а дверь-то погнута не случайно! – заметил Андрюха, склонившись у входа. – Ее отсюда пытались взорвать. Выходит, всех этих людей просто заперли в лаборатории?

– Их заперли здесь, потому что расстрелять всех было просто невозможно!

– За что расстреливали-то? – снова спросила Катя, но уже шепотом. – Что они сделали?

Но никто не осмелился выдвигать гипотезы…

– А солдат в ОЗК за что?

– Ну, были причины, наверное!

– Это что еще за аппараты такие? – спросил Дмитрий, аккуратно обходя столы остатками тел. – Системы жизнеобеспечения?

– Похоже, но нет! Это какие-то экспериментальные аппараты, их назначение остается загадкой.

Сложные устройства с целой системой проводов и трубок, электронные блоки и стеклянные емкости с разноцветными жидкостями, корпуса с кнопками и регуляторами… Все покрыто густой пылью и даже паутиной. Таких аппаратов не видел никто из нас. Многие аппараты были подключены к лежащим на столах скелетам, другие были сломаны и лежали под столами.

– О! Смотрите, табло! Что там написано? Введен режим строгого карантина, – воскликнула девушка, увидев под потолком доску с надписью. – Тут что, еще и медсанчасть?

В дальней части помещения, за изолированной ширмой, в своего рода пластиковых боксах размещался лазарет. Там ситуация оказалась еще более страшной: тел там было немного, но их состояние оказалось куда ужаснее. Простреленные черепа, сломанные челюсти, кисти рук, ноги, ребра. Скелеты так и остались в пластиковых мешках, расползшихся на куски от времени. Многие были пристегнуты к столам наручниками. Их похоронить даже не успели. А может быть, даже и не собирались.

Тяжело было воспринимать увиденное, но еще тяжелее было осознавать то, что прямо здесь, много лет назад случилось нечто настолько ужасное, что даже сейчас, все увиденное, особенно остатки тел внушали необъятный ужас. Ужас перед неизвестным!

С чем столкнулся человек? Что натворили здешние ученые? И виноваты ли?

Угнетающая, пугающая атмосфера даже неунывающего Андрея заставила заткнуться. Словно все погибшие люди еще находились тут, хмуро наблюдая за нами, давили на мозг своим присутствием, но предательски молчали. И тишина, мертвая тишина… Ее, буквально, можно было почувствовать всем телом, далеко ходить не надо…

– Ребята! – едва сглотнув, тихо пробормотала Катя. – Пойдёмте отсюда, а? Голова кругом идет!

– Да, к черту эту лабораторию! Идемте!

По одному протиснувшись обратно в щель, мы покинули страшную лабораторию, превратившуюся в огромную братскую могилу.

Следующим на очереди был полигон.

Обратно двигались молча. Настроение у всех было откровенно подавленное. Да и было с чего. Увиденное нами было настолько ужасным, что разум тщетно пытался переварить то, что вообще не было предназначено для глаз неподготовленного психологически человека.

Минут десять шли медленно, молча, даже не переглядываясь между собой. Чуть позже стало немного легче.

– Ребят, вы понимаете, что именно мы увидели? – первым пробормотал Дмитрий, потирая лоб ладонью. – Это же… просто… ужасно!

– Словами такое не описать. Даже спустя много лет…

– Знаете, а ведь теперь мы увидели то, о чем с таким страхом и ужасом вспоминал профессор. Помните его лицо?

– Я не помню. – Тихо произнесла Катя, смотря в одну точку.

– И я не помню. Тогда, когда он нам рассказывал, я вообще не мог и представить что все настолько печально.

– Хватит об этом уже. Давайте посетим полигон и свалим наконец-то отсюда.

– Макс? Ты еще хочешь идти на полигон?

– Да, а вы нет?

– А какого черта нам там делать? После того что мы увиделитут … Лично у меня нет никакого желания туда идти. Если уж в лаборатории такая дичь, что же будет там?

– Полигон это вообще что? – спросила Катя. – Место испытания оружия?

– В некотором роде да.

– И ты хочешь идти туда, Макс?

– Я хочу понять, что тут произошло!

– Да к черту! – крикнул Дима. – Мне не интересно. Я хочу поскорее отсюда смыться!

– Что, одному мне интересно докопаться до сути? – удивился

я, осматривая недовольные лица своих друзей.

– Я тоже хочу посмотреть. – Андрюха сплюнул на пол. – Уж если пришли, то нужно уходить, зная, что тут произошло.

– Андрей, неужели и ты туда же? – спросила Катя.

– Куда? Я просто хочу понять. И Макс прав, покоя не будет, если не доведем дело до конца.

– Дело? Какое еще дело? Мы выход ищем!

– Да, верно. Но все что попадалось нам на пути, это как детали одной большой головоломки. И вообще, мы искали этот объект, а затем спускались сюда вовсе не для того, чтобы искать выход!

– Я не пойду, – разозлилась Катя. – Хотите, идите! А я останусь тут. С меня достаточно…

– Острых впечатлений? – перебил ее Андрей.

– Костей! – закончила девушка, сверкнув глазами.

– И ты останешься одна?

– Я побуду с ней! – заявил Дмитрий. – А вы, если вам так интересно, идите. Мы пока, поищем выход.

– А если выхода тут нет, если он где-то за полигоном?

– Посмотрим! Не найдем сами, пойдем к полигону. Идите уже!

– Хорошо. Ждите тут. Мы вернемся"

Закончив дискуссию, мы, наконец, решили, что делать дальше. Так как бункер оказался абсолютно пустым и никакой угрозы мы не обнаружили, из-за вредности Кати, нам все-таки пришлось разделиться, пусть и временно.

Дмитрий и Катя остались ждать на развилке, у главного коридора. К тому же, рядом с ней обнаружилась небольшая комната, доверху забитая различным хламом, в том числе и уборочным. Я затылком чувствовал, что оставшиеся друзья проводили нас взглядом до самого поворота, насколько это вообще было возможно.

Коридор, ведущий к испытательному полигону, ничем не отличался от всех других, находящихся в *"Бункере № 17"*. Те же гладкие бетонные стены, выкрашенные краской непонятного цвета, тот же белый потолок, люминисцентные лампы и провода, трубы отопления, вентиляция…

Метров через тридцать коридор плавно свернул направо и почти сразу уперся в широкое фойе. Здесь, с северной стороны был длинный широкий коридор, в конце которого виднелась массивная стальная дверь. Возможно, это был другой выход из бункера. Весь коридор оказался очень хорошо освещенным. С другой стороны фойе, на небольшом пятачке располагалась широкая стальная лестница. Прямо над ней, висел очередной

указатель с надписью: *"Полигон"*.

– Так, а на кой тут лестница? – удивился Андрей. – Тут что, есть и другие этажи?

– Я об этом даже не думал… Но может быть и так. О, а это что?

– Где?

– На полу… Видишь? Бурые пятна. Это что, кровь?

– Очень на то похоже. Эта кровь давно высохла.

– Чувствую, внизу что-то нехорошее… – пробормотал Андрей, потрогав ботинком бурое пятно.

– Смотри! Это что такое?

– Похоже на…

– Кажется, карта? Да, точно! Такая же, как и у входа…

Мы подошли поближе к лестничной клетке, на задней стенке которой висел деревянный щит с приклеенной на нем схемой помещений. С другой стороны, лестница уходила вниз до пролета, затем сворачивала и шла ниже. Судя по всему, таких уровней было два или три. И сама лестница и перила были выкрашены темно-зеленой краской, причем, что интересно, без всяких следов коррозии или ржавчины.

– Действительно, схема помещений. *"Бункер № 17"*.

– Вы здесь! – прочитал Андрей, найдя на схеме жирную красную точку.

– Угу! Этот коридор ведет к полигону, как мы и думали. А тот, длинный с дверью и есть выход! Смотри!

– Вижу, вижу. Значит, вот что. Предлагаю максимально быстро осмотреть полигон, а затем ноги в руки и обратно. Там забираем Димку и Катю и сваливаем отсюда поскорее! Так?

– Поддерживаю на все сто пятьдесят процентов серого!

– Чего? – я остановился, не поняв смысла сказанного.

– Забей! – отмахнулся Андрей, подходя к спуску.

Спустившись вниз по первому пролету, мы снова наткнулись на россыпь гильз. Да что там россыпь – они были повсюду! Тут тоже когда-то была перестрелка. Причем весьма серьезная.

Чем ниже мы спускались, тем гильз было больше. Одна из ламп не работала, другая моргала. Лестница была установлена в небольшой шахте, как будто ее прорезали или прорубили в толще породы. Еще пара пролетов и мы осторожно, постоянно осматриваясь, спустились вниз.

Небольшое помещение внизу служило своего рода предбанником. Здесь тоже присутствовали раздвижные двери, даже без намека на какие либо замки. Сразу после предбанника, коридор превращался в пробуренный в каменной породе проход. Освещение тут было значительно хуже. Отсюда мы видели лишь

стену прохода, которая уходила куда-то влево. Пол был усыпан старыми, уже тусклыми гильзами. Последняя лампа висела прямо под переходом, и освещали лишь стену прохода, но не более. Следующий источник света был где-то за поворотом, о чем свидетельствовало небольшое освещенное пятно, метрах в пятнадцати слева. Из прохода раздавался странный монотонный звук.

Мы переглянулись.

– Идем? – спросил я друга.

– Мы сюда за этим и пришли. Идем! – Андрей, достав флягу, сделал пару глотков воды. – Слушай, что-то у меня голова кружится… Не понятное самочувствие.

Я почувствовал, что и у меня присутствовало легкое головокружение. А еще появился странный, ни на что не похожий шум в ушах.

– У меня тоже, – кивнул я товарищу. – Идем! Быстро посмотрим и обратно. У Катюхи в рюкзаке аптечка, там что-нибудь подберем.

Свернув за угол, мы попали в небольшой проход, так же выдолбленный в цельной породе. На правой стене, на скобах был укреплен толстый электрический кабель. Следующая лампа уже не была люминисцентной – дело ограничилось обыкновенной лампой накаливания. Далее эти лампы попадались все реже.

Метров через пять проход снова сворачивал, но уже в другую сторону. Шум немного усилился.

Неторопливо, метр за метром, мы добрались до последнего поворота. Здесь проход значительно расширился в обе стороны, превратившись огромную естественную пещеру. Насколько хватало глаз, в разных местах лежали глыбы камней, кучи отвалов, стройматериалы, деревянные склады и сараи, ящики с породой. То тут, то там, на треногах стояли прожектора, освещая небольшие участки пещеры. Высокий свод оказался неровным, постепенно уменьшаясь к середине. Прямо у входа стоял мощный генератор, судя по всему работающий на керосине или дизельном топливе. Вопреки ожиданиям, он практически не шумел. По крайней мере, далеко не так сильно, как его более современные аналоги. Похоже, едва мы вошли в бункер и полезли в электрощитовую, мы каким-то образом запустили его. Иначе на этого троглодита никакой горючки не хватит. Не мог же он самостоятельно работать все эти годы, бесполезно сжигая тонны топлива?

Рядом с ним, через систему шлангов и проводов, была подключена огромная цистерна с горючим, с укрепленной на ней панелью управления. Воздух тут был еще более тяжелый и

затхлый.

– Ого! – крякнул от восторга Андрей. – Ну и размерчик у пещеры! Да тут, при желании, торговый центр открыть можно!

– Это точно! Идем, посмотрим поближе, что тут интересного есть, – неожиданно меня прострелила сильная головная боль. – Блин, да что такое? Голова сильнее кружится. И звон еще какой-то появился. Аж мутит.

– Меня тоже. – Андрей аналогично схватился за голову – Затылок разрывается. Чем дальше, тем сильнее. Что это может быть?

И действительно, чем дальше мы продвигались вперед, тем сильнее кружилась голова. В глазах темнело, шум в ушах постепенно усиливался. Но я отгонял мысль о том, что это место так оказывает на нас влияние. Как это возможно? И хотя трусливая мысль в голове как бы вдогонку кричала, мол, не ходи туда, не надо, я ее упорно игнорировал. Судя по всему, у Андрея в голове происходило то же самое, так как он то и дело потирал виски пальцами.

Пройдя вперед, мы обошли стороной работающий генератор и увидели впереди невысокую ограду, из сетки-рабицы. Единственная дверь была открыта настежь. Рядом с ней лежали два разбитых прожектора. А сразу за оградой возвышалось нечто, неподдающееся описанию…

– Это еще что за ерунда? – ошеломленно спросил Андрюха, морщась. Головная боль снова усилилась.

– Не знаю, но тут что-то не так! – с трудом произнес я, кривясь от боли.

Там, за хлипкой оградой, стояла странная, явно нестандартная, буровая установка. Мощный, покрытый зазубринами бур был сломан. Другой, аналогичный, лежал в стороне. А прямо перед установкой зияла черная дыра, диаметром около двух метров, с разрытыми краями. Вокруг стояли ящики все с той же застывшей смолянистой породой. Все вокруг было покрыто засохшей то ли слизью, то ли смолой. Тут и там лежали человеческие скелеты. Края дыры странным образом оказались неровными, хаотично перерытыми. Местами стояли хлипкие деревянные щиты, ограничивающие доступ к дыре. Висели предупреждающие знаки. Описать мрачность картины, а вместе с тем и ее величественность, было невозможно. Глаза прекрасно все видели, но мозг просто не мог подобрать нужных слов. Да и не до этого ему было… Головная боль буквально выворачивала его наизнанку…

Сделав еще несколько шагов, которые дались нелегко, я понял, что чем ближе мы к дыре, тем сильнее нарастает головная

боль, а общее самочувствие ухудшается, словно по экспоненте. Появилась тошнота, ну а шум в ушах уже напоминал дикую какофонию расстроенного симфонического оркестра неумелых музыкантов.

Андрюху неожиданно вырвало. Да и меня, признаться, сильно тошнило.

Но желание узнать, увидеть, что было там, в зияющей дыре, все равно было сильнее. Я упорно шел к дыре. Да чего уж таить, ноги сами несли меня к краю пропасти. А останавливаться я не хотел… Или уже не мог?

– Макс! Не надо! – крикнул Андрей, не решившись идти за мной.

– Все… Нормально! Я… Сейчас… Я…

– Стой. Тут что-то не так! Макс! Стой!

Тут уже и меня вырвало. Прямо на ходу. Ноги упорно несли меня вперед. Еще три метра. Два. Полтора метра.

– Ма-а-акс! Ах…

Я уже почти не контролировал себя. Из-за невообразимого шума и воя в ушах, я почти перестал слышать Андрея. Темнота в глазах затмила все. Одна сплошная пелена. В голову словно вставили раскаленный прут, и медленно вращали его так, чтобы мозг обязательно наматывался на него, причинив при этом адскую боль.

Темнота. Даже, несмотря на то, что прямо надо мной стоял прожектор и направлен он был прямо в дыру – я уже почти ничего перед собой не видел.

Где-то позади, мычал что-то нечленораздельное Андрей, словно слепой крот, ползая на коленях по земле.

Еще метр, еще немного и я увижу то, что скрыто там, в темноте… В глубине. Я должен. Я хочу. Ну, еще немного…

Острый, дикий, приступ боли почти лишил меня чувств. Еще пара мгновений и я доберусь… Вот, уже видно край. Вдруг, неожиданно я почувствовал, что сзади меня схватило что-то сильное и потащило назад, да так, что я потерял сознание, ударившись затылком о камень.

Глава 15. Первый контакт

Они сидели на обломках кресел, которые неожиданным образом обнаружились в комнате с инвентарем.

– Дима, а Дим? – изменившимся голосом спросила Катюха, грызя очередную галету со скуки.

– Что?

– А помнишь ту ночь… – она как-то таинственно улыбнулась.

– А? Не начинай! – отмахнулся парень, едва не подавившись тушенкой. Любил Дмитрий вкусно покушать.

– Почему? Было же круто!

– Угу, да! Было. Мне понравилось. – Ошарашенный парень кое-как нашелся, что ответить.

– Так что?

– Что?

– Ну… Можем, как-нибудь повторить.

– Что? Здесь? – закашлялся Дима. – Кать, давай потом, а? Не время и не место!

– А почему не сейчас?

– Да ты шутишь! Ты с ума сошла? Что с тобой?

Парень удивился резкой смене настроения подруги. Сейчас, перед ним была та самая Катюха, с которой он дня два назад занимался любовью. По крайней мере – очень похожая на нее. Все то, что происходило позже той ночи, словно туман, скрывало истинную личность девушки. Меняло ее до неузнаваемости. Робкая, неуверенная, жалкая… Что происходило? Это что, фокусы психологии или какое-то чужое влияние извне?

– Со мной все хорошо. А что тебя смущает?

– Не время для этого. Не здесь же. Выберемся – подумаем, – произнес Дмитрий, снова принявшись за тушенку. Для него этот разговор был из разряда – что вообще происходит?

А тушенка была как раз той, что друзья нашли в ящиках, у паровой машины. Дмитрий подумал было, что, наверное, дело в ней, может, пропала, но нет… Тушенка как тушенка – вкусная, без современной сложноформульной химии. Просто, как уже не раз это было, неизвестное влияние извне совсем незаметно и кратковременно меняло осознание, поведение человека. Да и характер тоже. Причем именно здесь, под землей. Но к этой мысли парень только едва успел подойти, как где-то в коридоре, ведущем к полигону, кто-то громко простонал…

– Макс? Андрей? – вскочил он, окликнув друзей по именам. Затем он снова присел.

В ответ раздался, шум, похожий на звук, при котором что-то тяжелое, но мягкое падает на пол.

– Эй! Парни, не время для шуток! – крикнул Дима, повторно приподнимаясь со сломанного кресла.

– Ой! – вдруг вскрикнула Катя. – Какого черта?

Она сидела левее Димы и успела увидеть, как из-за угла показался человек, с ног до головы облаченный в кустарного производства темный комбинезон. На голове черный противогаз – явно не серийный, сверху плотный капюшон, а за спиной компактный рюкзак. А в руках какое-то нестандартное оружие. Человек увидел ее, а затем и Дмитрия. Несколько мгновений он просто наблюдал за ребятами, затем обернулся и махнул куда-то

рукой.

– Эй, ты кто такой? – крикнул Дима и сделал пару шагов ему навстречу.

Незнакомец шустро отпрыгнул назад и скрылся за поворотом. Секунда и даже звук его шагов затих.

– Кто это такой? – испуганно спросила Катя, поднявшись на ноги. – Ты видел?

Дмитрий и не заметил, как прежняя Катюха вернулась на свое место, снова вытеснив ту дерзкую стерву, которую он знал. Но думать об этом – не было времени…

– Видел! Оказывается, здесь есть люди и они вооружены! Вот, черт!

– И что теперь?

– Он нас видел. Я думаю, это был какой-нибудь обходчик. Возможно, это одиночка. Или диггер какой-нибудь. Он скрылся, чтобы…

– Чтобы что?

Дмитрий неожиданно осекся.

– Бункер обитаем! – выдал он, округлив глаза. – Понимаешь?

– Что?

– Тут есть люди! О, черт! Идем, нужно найти Андрюху и Максима.

– Куда? На полигон?

– Да!

Быстро схватив рюкзаки, ребята рванули по коридору, к полигону. Добежав до разворота, они выскочили в фойе, где прямо перед ними оказался длинный коридор. В самом его конце была открыта массивная дверь, и рядом с ней стоял тот самый человек в маске… Его удалось рассмотреть лишь частично. Неожиданно, рядом с ним показался еще один, абсолютно такой же. У него на плечах лежало что-то крупное, накрытое черной тканью.

– Эй! Стойте!

– Погодите, нужно поговорить! – крикнула Катя.

Они рванули вперед по коридору, стремясь добраться до незнакомых людей в противогазах.

– Дима! – вдруг послышался сильный, но полный страдания голос сзади.

Остановившись и обернувшись, они увидели Андрея. Тот стоял посреди фойе, шатаясь, словно под сильными порывами ветра. Он с трудом поднял руку и вдруг, охнув, мешком рухнул на пол.

– Черт! – выругался Дмитрий. – Андрюха!

Бросившись обратно, он подскочил к лежащему без чувств

парню и перевернул его на спину. Из носа и ушей тонкими струйками текла кровь. Волосы вымазаны липкой грязью, лоб горячий, одежда влажная.

– Андрюха, очнись! Эй!

Шлепнув его ладонью по щеке, удалось привести его в чувство, но лишь на пару секунд. Парень простонал и снова отрубился.

– В рюкзаке аптечка! – крикнул он Кате.

Та без лишних колебаний сбросила рюкзак с кресла и, порывшись в нем, извлекла красную сумку.

– Держи, нашатырь! – протянула она.

– Андрюха, приходи в себя! Давай же! – он сунул под нос другу открытый пузырек.

Андрей вздрогнул и открыл глаза, затем закашлялся и сделав усилие, вырвался из их рук. Упав на колени, он, прикрываясь, издавал булькающие звуки. Парня обильно вырвало.

– Ну, слава богу! – облегченно вздохнула Катя.

Еще пара минут и пострадавший смог сидеть самостоятельно, стирая с лица кровь.

– Дружище! Ты как?

– Плохо, но жить буду! – пробормотал он, кое-как справившись с рвотой.

– Что произошло?

– А! Сейчас… – отмахнулся он, вертя головой по сторонам.

– Что?

– Там, на полигоне какая-то мистика творится. Страшная. Она мутит сознание. Не знаю, как и сказать правильно. В общем, мы там чуть не погибли.

– Мы? А Макс где?

– Макс? – переспросил он, напрягая память. – А! Он же полез к дыре.

– Дыре? Какой еще дыре? Что за чушь?

– Ну, говорю же. Там в земле дыра. Пробуренная. Она мутит сознание, как-то. Ну, не она, а то, что в ней. Голова трещит от боли. В глазах темнеет. Макс зачем-то полез к ней.

– А ты?

– Меня еще на подходе вырубило. А он все лез и лез дальше, словно она манила его.

Дмитрий промолчал.

Что это? Бред, галлюцинация, вызванная слабым состоянием друга? Или правда, какая бы странная она ни была? Может, ему почудилось? Показалось?

– Так! Говори! Где Макс?

– Я не знаю. Я очнулся, его уже не было. Но!

– Что?

– Я кое-как поднялся и пошел назад. Добравшись до лестницы, я услышал шум. По лестнице, кто-то поднимался. Я видел кого-то.

– Кого?

– Не знаю. Там темно было. Да, блин, что ж так башка трещит…

– А, наверное, это те двое, что мы видели! – воскликнула Катя, сопоставив факты.

– Чего? Какие двое? – не понял Андрей.

– До того как ты появился, мы наткнулись на двух неизвестных в странных комбинезонах и масках. Она скрылись в том коридоре, за дверью.

– Здесь что, есть люди? – удивился Андрей, держась за виски. – А ну, дай мне еще нашатыря!

– Хватит! Очнулся, уже хорошо. Оказывается есть. Может не в самом бункере, но на объекте уж точно! Хватит, говорю!

– И они вооружены!

– Да? И они и унесли Макса? А зачем он им?

– Ну, не знаю. Но тебя то, они не тронули. Значит, есть какая-то неизвестная нам причина.

– С нами на контакт они не пошли.

– Как думаете, они агрессивно настроены?

– Не знаю, но само их присутствие здесь уже ненормально. Если этот объект законсервирован, то, что тут делают люди? А если и не заброшен, то они же сюда как-то спускаются… Может, это какие-нибудь секретные правительственные войска?!

– Нет, вряд ли. Меня больше интересует, где Максим?

– Не знаю, но внизу его точно не было. А еще раз спускаться туда, я, хоть убейте, не хочу!

– Предположим, что они взяли Макса с собой. Для чего?

– Понятия не имею. – Покачал головой Андрей. – Но причина для этого определенно имеется.

– И что мы будем делать?

– Как что? Идем за ними!

– Они же вооружены…

– И что?

– А еще, теперь они знают о нашем присутствии!

– Они не стали стрелять при первом контакте, значит, агрессии с их стороны, как таковой, нет, по крайней мере, на тот момент. Нужно следовать за ними, найти и поговорить.

– Тогда не будем терять времени. Хватаем рюкзаки и вперед! – Дмитрий закинул свой рюкзак на одно плечо.

– Андрей, ты как? Идти сможешь?

– Плохо, но справлюсь. – Кать, я там, у Макса в рюкзаке энергетик видел. Посмотри, остался?

– Да, но в твоем состоянии эту дрянь лучше не пить!

– Давай сюда! Разберемся! – прокряхтел парень.

Катя недовольно хмыкнула, скривилась, но все-таки протянула ему банку.

Через несколько минут кусок алюминия, уже, будучи в смятом бесформенном состоянии, лежал на бетонном полу, а все трое не торопясь удалились в коридор, где ранее скрылись неизвестные в масках.

Массивная дверь оказалась запертой, причем снаружи. Попытки открыть ее ни к чему не привели, механизм не поддавался. И хотя сама система запоров не работала, что-то упорно мешало открытию двери, и вполне очевидно, что ее заблокировали намеренно и совсем недавно.

– Ну? Еще идеи будут? Мы уже двадцать минут тут возимся!

– Автоматика тут ни при чем! – определил Дима, осматривая то, что когда-то было замком.

– А кто причем?

– Перестань! – разозлилась Катя. – У меня идея! А давайте, ее взорвем?

– Ага, давайте! А чем?

– Помните метромост? Где Андрей едва не спустился в пропасть на дрезине?

– Еще бы! – фыркнул Андрей, вспоминая свое путешествие на сломанном транспорте.

– Когда мы подошли туда, Макс нашел пару шашек динамита, – девушка достала из рюкзака подсумок со

взрывчаткой. – Его или выбросили, или потеряли те, кто взорвал метромост. Одной шашки должно хватить!

– Не, не хватит! – хмуро покачал головой Дима. – Динамит эту дверь не возьмет!

– Откуда ты знаешь?

– Сопромат на отлично сдал! – едва заметно улыбнулся Дима. – Динамит слабоват будет.

– Чего? Сопромат-то тут причем?

– Сопротивление материалов… А, забей! Дверь динамит не возьмет, а вот петли… Если закрепить шашки на них, то может получиться. Если хорошо зацепим, то под собственным весом, она сама и рухнет. Я надеюсь, по крайней мере.

– Попробуем?

– Разумеется. У нас других вариантов как-то не особо… Только вот…

– Что?

– А потолок не рухнет?

– Нет, мы же между двух цельно-бетонных стен! Тут метры советского бетона!

– Ладно, верю. Ну, давай сюда шашку… А шнур есть?

– Есть.

– Тогда, вот эту шашку положим сюда, а вот эту сюда. Взрыв должен быть почти синхронизированным. Сначала верх, потом низ. Верхний край бетона слабее, вон те трещины, видите?

– А потолок точно не рухнет? – девушка с опаской потрогала стену кулаком.

– Нет, не должен! – как-то не очень уверенно, но воодушевленно заявил Дмитрий.

– Так оно и бывает… – пробормотал Андрей. – Лажа, но вдруг…

– Все получится, нужно только отойти подальше! Бикфордов шнур, Кать, держи… Пополам его. Хотя нет, один кусок должен быть на пару сантиметров длиннее.

– Так?

– Сойдет!

– Готово?

– Да, спички у кого?

– Держи.

Дмитрий, чиркнув спичкой, с третьей попытки воспламенил оба шнура, а затем рванул прочь. Двадцать напряженных секунд и почти одновременно, в коридоре, раздались два гулких взрыва. Часть потолка все-таки обрушилась, осыпалась штукатурка, а коридор заволокло густой пылью.

– Получилось?

– Узнаем, сейчас узнаем, – пробормотал Дима, выглядывая из-за угла и щурясь от пыли.

Дверь поддалась, но не совсем так, как требовалось. Верхняя петля отвалилась вместе с солидным куском бетона, а нижняя устояла. Немалый вес двери сыграл свою роль – дверь покосилась так, что в левом верхнем углу появилась дыра, через которую мог протиснуться человек.

– Сойдет! Даже очень… Я пойду первым. Передадите мне рюкзаки. – Дмитрий едва не упал, споткнувшись о кусок штукатурки. – И аккуратнее!

Едва пыль немного рассеялась, мы смогли рассмотреть то, что находилось за дверью. Еще один туннель, собранный из уже знакомых нам чугунных тюбингов, практически идентичный тому, через который мы пробрались к бункеру. В углу стояли такие же ящики со смолянистой породой, каких они видели уже достаточно. У Андрюхи, при приближении к одному из ящиков, дико заболела голова. Парень поспешил отойти от них подальше.

– Эти ящики… Они наполнены этой смолой… Эту же смолу я видел в дыре, на полигоне. Там ее много, и судя по всему, ее достали из скважины… Когда она рядом – голова начинает болеть.

– Странно, я ничего не чувствую.

– Ты уверен? – удивился Дмитрий.

– Да, мне рядом с этой ерундой становится плохо. Смола это или нет, мне все равно…

– Думаешь, это она так действует?

– Не знаю, но мне определенно, рядом с ней не по себе. Возможно… Да черт его знает. Идемте дальше уже, а?

Группа двинулась дальше, и почти сразу добрались до конца туннеля. Гермоворота здесь тоже присутствовали, но, к всеобщему удивлению, были открыты. Механизм закрытия работал исправно.

– А электродвигатель… Его явно ремонтировали. И кто-то за ним приглядывает.

– Точно! – Андрей осмотрел механизм. – Кто-то довел его до ума.

– Эй, народ! Вам ничего не кажется странным, а?

– Странным? Да тут все странное!

– Я не об этом…

– А о чем?

– Куда смотреть?

– Здесь светло, посмотрите! Мы покинули бункер, а тут собственная электрическая проводка и лампы висят.

– Точно! Вон, кабеля идут. И лампы уже не люминесцентные!

– Тут есть люди, это точно!

– Откуда? И как?

И хотя вопросы были заданы, каждый из нас, наверное, понимал, что здесь кто-то живет. Нет, не спускается с поверхности, а именно живет. Люди, но какие?

Они молча брели вперед по туннелю, стараясь двигаться быстрее. Одна развилка, другая. Никаких указателей тут не было. Напрягая память, Дмитрий вспомнил, что на карте, на северо-востоке находились какие-то склады. Если компас не врал, то это и был тот туннель, который вел к складам. Никаких признаков чужого присутствия тут не было, если, конечно, не считать линий электропередач и ламп освещения, висящих как попало.

– И тут стреляли! – заметил Андрей, увидев на бетонной стене выбоины от пуль.

– Но гильз нет, как и скелетов.

– Убрали?

– Может быть, но зачем? Что тут от кого скрывать?

– Боюсь, мы еще не все тайны этой *"Астры"* видели… Эй, смотрите! Впереди еще что-то есть…

И действительно, впереди лежала покореженная конструкция напоминающая дрезину. Ее, судя по всему, что-то перевернуло…

– О нет, опять дрезина! – охнул Андрюха.

– Не вспоминай! – Катюха положила руку ему на плечо. – Подумаешь, вспомнил и забыл!

– Что? – возмутился парень.

– Я шучу!

– Интересно, что с ней? – пробормотал Дима. – Ее словно сбросили с рельс.

– Может, взорвали?

Вокруг сошедшей с рельс, значительно поврежденной дрезины ничего примечательного не нашлось. Лишь в самой дрезине, на ржавом грязном полу обнаружились автоматные гильзы, да оброненный пустой подсумок. Даже в таком виде, дрезина внушала опасение, особенно после того, как на раме было обнаружено крепление для советского пулемета "Утес".

Не составит особого труда представить, что данный объект, до страшных событий, был мощным научно-исследовательским, а возможно и промышленным военным центром. Центром с налаженной структурой, транспортными и электрическими линиями, линиями связи. Если тут есть ядерный реактор, о котором упоминалось в карте, то это говорит о том, что эта *"Астра – 1",* имея собственный атомный источник питания, был чем-то куда более важным объектом, чем просто правительственный бункер, как предполагалось вначале. И

представить, что было бы, если бы он работал и в наши дни уже просто невозможно… Но почему-то, сама собой напрашивалась мысль, что все, что тут происходило, находилось под строжайшим секретом. И знало об этом очень мало людей.

А если продолжать мысль, то вполне очевидно, что тут проводились и запрещенные опасные исследования. И главный вопрос, а почему под землей, да еще и так глубоко? Чтобы в случае чего, все похоронить так, как будто бы тут ничего и не было? Вывод вполне очевиден.

Пройдя вперед по туннелю еще метров четыреста, мы наткнулись на брошенный аванпост. Справа и слева лежали мешки с песком, аккуратно уложенные друг на друга. Позади мешков – странные конструкции, напоминающие противотанковые ежи, с намотанной на них колючей проволокой. А пара деревянных бревен, невесть как прикрученных к стенам, еще сохранили на себе остатки мощных прожекторов. Даже обрывки проводов имелись…

– Знаете, а ведь это самая настоящая огневая точка. Аванпост, – уверенно заявил Андрей.

– Это и так понятно. Но для чего она тут?

– Ну… Если бы тут был Макс, он бы сказал нечто вроде этого: Аванпост организовали те, кто пытался ликвидировать последствия того, что произошло в *"Бункере № 17"*. И судя по всему, им удалось. Правда, какой ценой?

– Вполне очевидно, что бункер – это место, с чего все началось.

– Там была бурильная установка… Они бурили породу и на что-то наткнулись. – Андрей почему-то забыл рассказать друзьям о том, на что они наткнулись внизу…

– Бурили?

– Да.

– И что они там нашли?

– Я не знаю. Мы видели яму. Или скважину.

– Мне страшно предполагать, что такое они там раскопали… – поежившись, произнесла Катя, но уже без того животного страха в голосе.

– Да и вообще, это мы так думаем. А что было на самом деле?

– Найдем людей, что увели Максима, у них все и узнаем!

– Если нас не пристрелят раньше! – хмыкнул Андрюха.

– А зачем им это делать?

Обойдя стороной аванпост, они двинулись дальше. Уже через каких-то двести метров они заметили, что свод туннеля резко пошел на расширение. Туннель плавно перешел в обширную пещеру, но явно не природного характера. Дмитрий сразу

предположил, что тут активно велись взрывные работы. Железнодорожное полотно разошлось сразу на четыре пути. Два продолжали идти прямо, а остальные сворачивали налево. Освещение здесь тоже присутствовало, но ламп тут оказалось немного. В основном они висели на стене противоположной путям уходившим налево. Но даже при слабом освещении, хорошо различалась добротная стена, собранная из стальных листов, закрепленных на крепком каркасе. В ее центре находились широкие ворота и именно туда вели оба железнодорожных пути.

– Ого! Это еще что?

– Склад!

– Ты откуда знаешь?

– Вон, указатель!

И действительно, прямо над воротами висел большой деревянный стенд, на котором белой облупившейся краской было написано "*Склад № 4*".

В длину, стена была около сорока метров, и высоту порядком пяти-шести метров. Что находилось за воротами, мы могли только догадываться.

– Ух, ты! Посмотрим?

– Можно взглянуть, хотя я сомневаюсь, что он открыт! Не для нас же тут его поставили.

– Согласен, но вдруг?

Они не торопясь подошли к воротам, а после быстрого осмотра, раздался победоносный возглас Андрея:

– Ха! Открыто! Дверь-то на роликах.

– Странно!

– Что странно? От кого тут что закрывать? Здесь, как бы, не проходной двор!

– Да, но…

– А ну-ка, что тут у нас? – Андрей с силой толкнул ногой правую дверь.

Раздался противный скрип и лязг, но дверь никуда не двинулась.

– Эй! Что за дела? Мне что, сказать сезам откройся? – Андрюха и тут не удержался без шуток.

– Это раздвижная дверь, умник! – улыбнулась Катя. – Ты ж сам сказал – на роликах. Вправо нужно толкать!

– Ах, так! – фыркнул упомянутый умник.

Действие возымело эффект и дверь с еще большим скрипом, медленно поползла за стену. За ней обнаружилась кромешная темнота. Сдвинув дверь на метр вперед, Андрей с любопытством заглянул внутрь.

– У-у-ух! – прогудел он и тут же отпрыгнул обратно.

– Ты чего?

– Страшно! – прошептал парень, ледяным голосом. Похоже, что недавние события уже выветрились из его бесшабашной, но многострадальной головы.

– Хватит дурачиться!

– О, смотрите, рубильник! – заметил Дима.

Прямо за дверью, на обратной стороне был прикручен электрический щит, с большим черным рубильником. Дмитрий дернул его вниз. Вспыхнули десятки мощных ламп.

– Свет, появись! Я приказываю! – Андрей не унимался.

– О боже! – прошептала Катюха.

– Ну, дела себе! – удивленно пробормотал Дмитрий.

– Это… зачем?

Там, за воротами, длинными рядами стояли танки. Мощные боевые машины, с поднятыми под сорок пять градусов стволами пушек, широкими гусеницами и изящными обтекаемыми башнями. Машины, хоть и были покрыты толстенным слоем пыли, все равно выглядели грозно, внушительно и агрессивно.

– Это же танки! Да? – спросила Катя.

– Да, причем, не просто танки!

– В смысле?

– Это советские "Т-72А"! Модифицированные! Инновационные разработки конца шестидесятых годов прошлого века. Я про них читал и на "Кубинке" видел. Это была революция в советском танкостроении!

– А сейчас?

– Ну… Сейчас они тоже вполне боеспособны, но современным танкам не противники, ни в каком сравнении.

– Да их тут около сотни, – присвистнул Андрей.

– Смотрите, а там стоят какие-то бронетранспортеры, – заметила Катя.

– О! Точно. Это же "БТР 60-П". Тоже новейшая разработка времен начала холодной войны! Их не меньше сотни здесь.

– А там что? Ящики какие-то. Контейнеры. Бочки.

– Ни черта себе! В ящиках, предполагаю, оружие? У меня еще вопрос, а зачем все это тут стоит?

– Не знаю, но… Какой толк от танков в туннелях метро?

– В туннелях метро? Никакого! А вот в качестве места для длительного хранения, вполне возможно.

– Все это, безусловно, красиво, но очень странно… Их как будто для чего-то подготовили, но так и не использовали!

Дмитрий подошел к ближайшему танку, отыскал крышку, за которой находился двигатель.

– Я так и думал. Все покрыто солидным слоем масла. Не удивлюсь, если и боевая часть танка в полном порядке. Техника реально была к чему-то подготовлена. Причем на годы вперед.

– Смотрите, а вон грузовая платформа. На ней, скорее всего, вся эта техника попадала сюда. Ну и на ней же технику планировалось вывозить.

– Вопрос, куда?

Вдруг, где-то позади, раздался тихий шум. Обернувшись назад, туда, где были ворота, ребята увидели группу людей в уже знакомых им комбинезонах и противогазах на лицах. Их было десять, все вооружены.

– Не двигаться, или откроем огонь! – вперед вышел высокий человек, с советским автоматом "ТКБ" в руках.

– Ой! – пробормотала Катя. – Вот ведь незадача!

Внезапно вспыхнул мощный фонарь. Позади людей стояла дрезина, а на ней рослый человек управлял прожектором.

– Не двигаться! – раздался суровый голос, усиленный громкоговорителем. – Иначе откроем огонь!

– Приехали! – прошептал Андрей. – Все, вот сейчас нас повяжут!

– За что, интересно? – удивился Андрей, поднимая руки вверх.

– За то, что мы здесь! – прошептала Катя.

– Это вам не полиция! – хмуро произнес парень, наблюдая, как к ним шагали четыре человека, с автоматами устаревшей конструкции в руках.

– Не двигаться! – в очередной раз крикнул человек, одетый в странный комбинезон.

Не опуская оружия, люди быстро окружили нас со всех сторон.

Подняв руки вверх, мы, молча, ожидали дальнейшего развития событий. Тот, кто, возможно, был старшим, медленно подошел к нам, закинув при этом автомат на плечо.

Через тусклые стекла противогаза ПБФ, увидеть его глаза не представлялось возможным, но и так было понятно, что человек смотрел прямо на нас. Его тоже удалось рассмотреть более тщательно. Комбинезон действительно был кустарного производства, с нашитыми сверху бронепластинами и защитными накладками. Поверх комбинезона надет импровизированный жилет – разгрузка. На спине небольшой рюкзак, к поясу пристегнута кобура с торчащей рукояткой пистолета. К бедру пристегнут широкий нож в чехле, а на ногах массивные, высокие берцы, с плотной шнуровкой. А в руках, модель автомата *"Коробова ТКБ-517"* – достаточно редкий вариант стрелкового

оружия. Уже устаревший.

Старший отряда несколько секунд просто осматривал нас, а затем, тяжело вздохнув, медленно обошел нашу группу по кругу. Остальные тихо ожидали, не двигаясь, словно статуи безликих воителей. Сзади послышался характерный шум – командир отряда снимал противогаз.

Дмитрий обернулся, но почти сразу, один из ближайших солдат, вскинул автомат, при этом прошипев:

– Не двигаться! И без глупостей!

– Эй, эй… – Дмитрий интуитивно поднял руки вверх. – Спокойно! Вы чего?

– Молчать!

– Кто дал вам право так с нами…

– Заткнись! – грубо оборвал его командир.– Я майор Доронин! Согласно приказа номер тридцать четыре, я обязан расстрелять вас.

– Что? Что за глупости?

– И без выяснения обстоятельств вашего пребывания на режимной территории! – четко продолжил командир, сильным, чуть хриплым голосом.

– Что? Расстрелять? – переспросил Андрей, едва не подавившись, от такого заявления.

– Именно так! – сухо кивнул тот. – Но, я этого не сделаю.

– Интересно, и почему же? – хмыкнула Катя.

– Молчать! – снова рявкнул командир отряда. – Я не с тобой говорю!

– Грубость второе счастье?! – язвительно парировала девушка.

Командир резко повернулся, подошел к ней, впился взглядом в ее глаза и шумно выдохнул!

– Дерзкая? – от него ощутимо несло сигаретами и чем-то еще…

– Не без этого! – ответила та, даже не подумав отвести взгляд.

– Весьма опрометчиво! – затем он обернулся к подчиненным, собираясь отдать команду.

– Мы хотели поговорить с вашим командиром! – мне пришлось окликнуть его, иначе нас попросту расстреляли бы.

Человек на мгновение замер, затем резко обернулся, после чего удивленно вскинул брови и надменно ухмыльнулся.

– Поговорить?! Ну, хорошо, как пожелаете. В дрезину их, живо!

А дальше его люди быстро изъяли все личные вещи, нацепили наручники и, не раздумывая, бесцеремонно вывели их

со склада, загрузив их в стоящую у входа большую дрезину.

В течение часа их доставили к входу в другой бункер, без каких-либо номеров или названий. Дмитрий предположил, что их везли на восток. Всю дорогу с них не сводили глаз, а стволы автоматов постоянно смотрели в их сторону. Никто из солдат противогаза так и не снял. Впрочем, вполне возможно, что предназначение черных противогазов, помимо основного, было нацелено еще и на устрашение.

Пока дрезина находилась в движении, командир отряда дважды связывался по старой армейской рации с неизвестным лицом, докладывая о нашем задержании.

Несколько развилок и впереди показались первые аванпосты, вполне обитаемые. Перед дрезиной без всяких вопросов поднимали шлагбаумы и пропускали дальше. Между укреплениями сновали люди в старой, но до боли знакомой военной форме, однако их вид и близко не напоминал снаряжение и обмундирование тех солдат, что везли ребят на транспорте. Судя по всему, это были не просто военные, а что-то вроде штурмовой группы или отряда особого назначения.

Миновал последний аванпост и дрезина, сбавив ход, почти остановилась на большой станции. Платформа была превращена в самый настоящий форт – иначе не скажешь. Андрей насчитал аж четыре пулемета, кажется, это были советские “ДШК” или “Утес”. Повсюду стояли импровизированные ежи с целыми клубами колючей проволоки. Справа и слева были возведены бетонные Дзоты, из бойниц которых торчали крупнокалиберные стволы.

За всем этим был отчетливо виден вход в бункер.

– Это еще что такое? – тихо спросил Андрей у Дмитрия, но вместо ответа получил удар под левое ребро от ближайшего солдата.

– Молчать!

– Да кто позволил тебе так со… – договорить он не успел, так как получил сильный удар в подбородок.

Пара минут бессмысленно мыча, парень лежал на полу дрезины, думая только об острой боли.

– Эй? Какого черта? – Дмитрий встал, но его тут же грубо усадили обратно.

– Рекомендую вам соблюдать тишину! – дал совет командир и непринужденно ухмыльнулся. – И больше так не делать!

Дима последовал его совету и сел обратно на свое место.

Тяжелая дрезина окончательно остановилась у входа и ребят без промедления вытолкали наружу. Их рюкзаки выбросили следом. Командир подошел к шлагбауму и что-то крикнул.

Ограждение тут же подняли, и вся компания, под прицелами автоматов, двинулась дальше, ко входу в бункер.

– Итак, я повторяю заданный ранее вопрос! Кто вы? И какого черта вы делаете на режимной территории?

– Мы… – снова произнес Дмитрий, но его перебил Андрей.

– Почему вы сами не представились?

Возникла напряженная пауза.

– Майор Скрягин! – небрежно ответил человек в советской офицерской форме. – Я жду ответа на свой вопрос!

Судя по его виду и манере речи, ему было противно наше общество.

– Диггеры!

– Кто? – майор привстал из-за стола, выпучив глаза.

– Диггеры! Мы изучаем московский метрополитен.

– В самом деле? – имитировал удивление майор и хищно улыбнулся. – А у меня другая информация.

– Какая?

– Вы специально обученные диверсанты!

– Чего? Бред! – оторопел Дмитрий, замахав руками.

– Что это за чушь!

– Бред? Почему? – майор постарался имитировать удивление, но у него плохо получилось.

– Мы похожи на диверсантов?

– Очень похожи! – кивнул Скрягин. – Ваше необычное обмундирование, личные вещи и да, ваш маршрут перемещения. С 1986 года он остался прежним! И еще…

Майор вытащил из кармана кителя чуть смятую фотографию и показал ее Дмитрию.

– Этого знаете?

– Макс! Он жив?

– Пока, да!

– Что значит пока?

– А то и значит! Но его жизнь, как и ваша, зависит от ответов на наши вопросы! – майор осклабился, а затем подхватил черную трубку, быстро набрал номер телефона. – Так, ну что там с рюкзаками? Готово? Заносите!

Рюкзаки и их содержимое занесли в изолятор так быстро, что ребята и глазом моргнуть не успели.

– Ну, вот и еще доказательства! – удовлетворенно произнес майор Скрягин, взяв в руки найденный нами револьвер и дневник профессора. – И оружие имеется, да?

– Случайно подвернулось по пути!

– А, ну да, конечно! – понимающе закивал майор, усаживаясь обратно за стол. На нем лежала папка с бумагами, дневник

профессора, карандаш и два стационарных телефона, один из которых был красный.

– Товарищ майор? – осторожно обратился один из вошедших солдат.

– Да?

– Тут еще вот что. Какая-то неизвестная аппаратура… – произнес он, держа в руках давно вышедшие из строя планшет, GPS навигатор, MP3 плеер и два смартфона.

– Так! Это еще что такое?

– Личные вещи.

– Какие к черту личные вещи?! А? – взревел офицер.

– Я не понял сути вопроса! – удивился Андрей, включив дурачка.

– Это шпионские устройства! – рявкнул взбешенный не на шутку майор, ударив кулаком по столу.

– Вовсе нет. Это, всего лишь гаджеты… Которые к тому же и не работают.

– Гаджеты? Ну, ясно! – злобно засопел Скрягин, а после обратился подчиненным. – А взрывчатки там случайно нет?

– Никак нет! Мы все проверили.

– Я бы не удивился. Ладно, сержант!

– Я!

– Ваша любимая работа! Разговора у нас, почему-то не получается. В общем, с клиентами нужно поработать. Не церемониться, но и не доводить до безумия. У вас пятнадцать минут.

– Есть! – хищно оскалился сержант.

Скрягин уже собирался выйти из изолятора, как вдруг раздался телефонный звонок.

– Какого лешего… – он осекся, увидев, что звонит красный телефон. – Так, тишина!

Взяв трубку, он молодцевато прокричал:

– Майор Скрягин! – представился он, а затем затарахтел. – Да, так точно! Нет, еще нет! Что? А для чего… Ой, виноват! Есть! Есть! Так точно!

Положив трубку обратно, он устало опустился в кресло и произнес:

– Отставить, сержант! Позже позабавитесь. В наручники их и к полковнику Зимину! Быстро!

– Есть! – уныло произнес бугай, уже успевший положить глаз на девушку.

Скрягин вытащил из портсигара мятую папиросу и нервно закурил.

Глава 16. Незваные гости

Открыть глаза не получилось – мешала толстая марлевая повязка, от которой нестерпимо воняло спиртом. Руки связаны, а сам я, судя по ощущениям, был прикован к чему-то твердому и плоскому. Вокруг почти полная тишина, ее нарушал лишь мерный гул каких-то аппаратов. Журчала какая-то жидкость.

Голова жутко болела, тошнило. В глазах, несмотря на повязку, плясали разноцветные зайчики, а в ушах, периодически, завывала странная какофония, то нарастая, то стихая. И еще… С моим мозгом что-то произошло. Я словно был в машине, управлял ею, но рядом со мной был кто-то еще, иногда дергая руль на себя. Он очень тихо и монотонно нашептывал мне тихие слова, но я не понимал их смысла. Точнее, вообще не понимал что это слова.

– Господи, где я? – в моей, пораженной мигренью голове, со скоростью уставшей черепахи пронеслась тревожная мысль. – Что со мной произошло?

Где-то неподалеку раздался лязг. Раздались тяжелые шаги. Хлопнула дверь. Хриплый, совершенно незнакомый голос раздраженно произнес:

– Германов! Он не пациент, он заключенный, причем подвергшийся воздействию! – услышал я совсем рядом.

– Мне без разницы! – раздался другой голос, более спокойный. – У меня есть разрешение лично от товарища Зимина. Я протестирую на нем свою новую сыворотку. И, пожалуйста, не мешайте мне!

– Как скажете. Но, я оставлю охрану! Если он не загнется от ваших псевдо лекарств, я буду только рад его пристрелить!

– Майор, вы чрезмерно агрессивны. Полагаю, всему виной те события 1986 года?

– Вы все еще предполагаете, Германов?! Триста человек тогда пытались устранить последствия… Из них выжило сколько, напомнить?

– Не надо. – Вздохнул Германов. – Я в курсе.

– А я напомню. Никто не выжил! Эти диверсанты, будь они прокляты…

– Они же получили по заслугам, разве нет? Все погибли!

– Те – да, но… Этого нашли прямо на полигоне!

– Считаете, это очередные диверсанты?

– А кто же еще? Один тогда все-таки унес ноги, через ракетный комплекс. И вот, спустя тридцать лет, они решили проверить, остался ли кто-нибудь на объекте! Решили довести дело до конца.

– Это возможно, но не факт. Если сыворотка поможет, я смогу его расколоть… Эй, кажется, он очнулся! Колосов, Кузьмин?

– Подтверждаю! – раздался скрипучий голос по рации.

Я, морщась, с трудом приходил в себя. Но даже будучи в таком жалком состоянии, я слушал незнакомые мне голоса. И хотя услышал я совсем не много, зато получил ответы на некоторые вопросы.

Здесь есть люди. И были все это время. События тридцатилетней давности оставили какой-то жирный след. Но, о каких диверсантах идет речь?

– Ты, собака! – прошипел кто-то у меня над правым ухом. – Только попробуй что-нибудь натворить! Лично выпотрошу!

– Майор, перестаньте. Это лишнее!

– Пусть будет по-вашему, профессор.

Меня перевели в другое помещение. Повязку с глаз убрали, дышать стало значительно легче. Человек по фамилии Германов задавал мне какие-то вопросы, но я отвечал невпопад.

Приблизительно через шесть часов, когда я уже порядком устал, входная дверь распахнулась. На пороге стояло двое солдат в советской военной форме. Между ними стоял зеленый деревянный ящик, обернутый в несколько слоев толстой фольгой.

– Заносите! – раздался голос из-за их спин.

– Это еще что? – сбивчиво спросил я, сделав несколько шагов назад и прижавшись спиной к холодной стене камеры.

– Тишина! – то ли приказал, то ли попросил один из солдат.

Ящик занесли в камеру, опустили на пол. Как только он оказался в прямой видимости, голова вновь начала кружится. Самочувствие резко ухудшилось.

– Что-нибудь чувствуете? – раздался голос Германова. – Боль, головокружение?

Я промолчал. И то и другое я почувствовал – что есть, то есть!

– Снимите фольгу!

Я, с некоторой опаской подошел поближе и, надорвав, отогнул край.

А дальше, мозг взорвался дикой болью. Казалось, содержимое головы, пытается вырваться из черепной коробки и убежать так далеко, насколько это вообще возможно. Потеряв равновесие, я завалился на бок, едва не сломав при этом кисть.

– Реакция есть! Поставьте ему укол! Быстро!

Сквозь радужные пятна в глазах я кое-как разглядел бегущего ко мне лаборанта в белом халате, стоящий зеленый ящик, в котором с горкой лежала та самая смолянистая масса, которая была в яме… В яме! О, черт!

Шею пронзила острая боль.

– Эй! Ты, проснись!

– А? Что, опять?

– Вставай, живо!

– Сейчас, сейчас!

– Закатать правый рукав!

– Ох, что за дрянь вы мне колите?

– Антибиотики!

– Ага, как же. – Подумал я, кое-как закатывая рукав и понимая, что не в силах сопротивляться.

Я продолжал сидеть в холодной, почти пустой камере, предоставленный сам себе. Меня притащили сюда почти лишенного чувств, в плачевном состоянии. Каждые полчаса мне ставили весьма болезненные уколы, мерили температуру и зачем-то проверяли состояние ногтей. Последнее, что я запомнил до того, как очнулся, так это странное ощущение чужого присутствия в своей голове, шум в ушах. Та яма, на полигоне, внутри нее было что-то страшное… Это ощущение постепенно ослабевало.

– Так! Заносите! – послышалось из-за двери.

Практически сразу, ко мне в камеру снова вошло двое солдат в советской военной форме, и вновь поставили передо мной коробок, накрытый тонкой металлической фольгой.

– Пациент! Подойдите к ящику!

Этого я не хотел! Совершенно не хотел!

– Нет! Не хочу. Зачем вы это со мной делаете? – крикнул я, не тронувшись с места.

– Подойди! – снова потребовал голос.

– Нет! Пока не объясните где я и что за чертовщина тут происходит!

Входная дверь в очередной раз приоткрылась, и ко мне подошел человек в белом медицинском халате, с маской на лице. Склонившись надо мной, он пристально посмотрел мне в глаза, шумно выдохнул и негромко произнес:

– Так… Слушай сюда, парень! Я профессор Германов. Мне все равно кто ты и что ты – я выполняю свою работу. Там, в шахте, ты попал под очень сильное психотропное воздействие, которое должно было тебя убить, но ты жив, и это ненадолго. Какие жуткие последствия тебя ждут – уж я-то знаю. Быть может, ты прямо сейчас склеишь ласты, но, вполне возможно, что тебе может помочь моя сыворотка. Тебе вообще повезло, что не получил пулю в голову, прямо там, на месте. Понял?

– Отчасти!

– Этого достаточно. – Германов отошел от меня и, остановившись у входа, мягко приказал. – Подойди к ящику!

Я повиновался.

– Так-то лучше! Вы, двое, выйдите отсюда!

Солдаты покинули помещение.

– Что в нем?

– Часть породы из той шахты. Подними фольгу.

Едва я сделал это, мою голову вновь прострелила сильнейшая боль. Я охнул и упал на колени, чуть не повалившись на бок. Снова раздался далекий шум в голове, в глазах опять потемнело.

– Ага, реакция есть! Так, внимание! Ну, хватит? А! Ладно, стоп! Заключенного уберите!

Дверь распахнулась и двое солдат, ухватили ящик за ручки и шустро вытащили его наружу, захлопнув дверь камеры.

Несколько минут я просто лежал на полу, желая только, чтобы мне стало легче, как можно скорее. Меня потихоньку отпускало. Из носа текла тонкая струйка крови, голова кружилась, в ушах звенело, зрение то пропадало, то снова появлялось. Тошнило. И еще ощущался какой-то противный холод в затылке…

– Ну! Как себя чувствуешь?

– Плохо. Очень.

– Понимаю, знакомо. Я объясню то, что произошло: Сейчас мы имитировали ту ситуацию в шахте, но с гораздо более слабым воздействием. Чувствовал ли ты холод в затылке?

– Не помню. Возможно, да.

– Вспоминай, это важно.

– Черт, кажется, да!

– Такой ответ меня не устраивает.

– Что вы от меня хотите?

– Помочь хочу. Я двадцать лет разрабатываю это лекарство.

– От чего?

– От той дряни, что мы раскопали в 1986 году! – нервно произнес профессор.

– Дряни?

Германов проигнорировал мой вопрос.

– Холод чувствовал?

– Да, но на фоне дикой головной боли, этот холодок так себе…

– Ага… Ну, прогресс есть, а это радует.

Вдруг, дверь открылась и внутрь вошел человек в офицерской форме.

– Германов! Заключенного требует к себе товарищ Зимин!

– Что? Сейчас?

– Да, немедленно!

– Но я сейчас не могу его отпустить…

– Германов, вы оглохли? Зимин вызывает!

– Ой, да-да, конечно! Хорошо.

– Скорее, профессор, – поторопил офицер, но уходить не стал.

– Какие-нибудь еще новости есть?

– Да, штурмовая группа полковничьих “Волкодавов” еще троих у четвертого склада изловила и доставила сюда. Но те, вроде без признаков воздействия.

– О! Значит, еще диверсанты? Это очень интересно!

– Что… Троих поймали? – подскочил я с места, обращаясь к офицеру.

– Германов, заткните ему рот! Еще со мной всякая падаль не разговаривала… – брезгливо произнес военный, отступив от меня словно от прокаженного.

Такой грубый тон, да и само отношение, меня просто поразило. С чего такая грубость?!

– Эй! Кто дал вам право так со мной говорить?

– Заткнись, собака! – рявкнул офицер.

– Товарищ майор, я разберусь! – Германов шагнул вперед, между мной и офицером.

– Как пожелаете! – презрительно бросил тот.

– Пациент, я советую вам молчать, – обратился он ко мне.

– Какой я, к черту, вам пациент? Вы обалдели! – взорвался я.

Майор едва не схватился за кобуру на поясе, но совладел с собой и убрал руку.

– Германов, скорее! – он вышел из помещения, вытирая пот со лба.

– Почему этот майор такой агрессивный? – я дрожащим голосом поинтересовался у Германова.

– Все вопросы потом! – профессор заметно нервничал, нетерпеливо сдирая с меня присоски с разноцветными проводами. – Вас требует к себе товарищ Зимин, и именно от него зависит ваша дальнейшая судьба.

– Кто он такой?

– Начальник. Так, все! Встать, руки за спину и на выход! – Профессор обратился к охране. – Вы, двое, в наручники его.

Меня быстро, особо не церемонясь, вывели из камеры, надели наручники и повели вперед по длинному темному коридору. У ближайшего поворота нам встретился тот майор, с кем беседовал Германов. Смерив меня презрительным взглядом, он сплюнул на грязный пол и похлопал по своей кобуре, откуда торчала рукоять пистолета.

– Без глупостей, или пристрелю…

– Как собаку? – не дожидаясь эпилога, перебил я. – Я это уже слышал! Майор, я не диверсант!

– Посмотрим! – процедил он, но на этот раз посмотрел на меня несколько иначе. – Шагай! Быстро!

Меня быстро вели по коридорам, то темным, то хорошо освещенным. Они были пусты, лишь изредка встречалась солдаты. На наше появление реагировали по-разному: кто-то встречал разгневанным взглядом, кто-то смотрел с нескрываемым интересом, а кто-то, как сопровождающий меня майор, с нескрываемым презрением. Воздух на удивление был чистым, что натолкнуло меня на мысль о хорошо налаженной работе вентиляционной системы, и, вполне возможно – систем фильтрации воздуха.

Поднявшись на уровень выше, мы остановились напротив раздевалки, которая, судя по ее состоянию, уже давно не работала.

Майор остановился и, обернувшись ко мне, осмотрел с ног до головы, скривился и снова сплюнул на пол.

– Смотреть противно! Не вести же эту… этого… – он странным образом замялся. – К товарищу Зимину. Необходимо переодеться. В раздевалку, живо!

Процесс переодевания в небольшой комнатке, оказавшейся еще одной раздевалкой, не отличался хоть чем-нибудь интересным. Мой грязный, изодранный пейнтбольный комбинезон тут же выбросили в мусорный бак. Взамен я получил своего рода робу, из жесткого материала цвета хаки, старые кирзовые сапоги и черную вязаную шапку.

– Уже лучше! – с ухмылкой констатировал майор, оценив внешний вид.

– Ну, зашибись! – брякнул я, увидев себя в зеркале.

– Что, не нравится? – насмешливо ухмыльнулся собеседник.

– Выгляжу как бомж!

Еще бы. Осунувшееся лицо, опухшие глаза, бледная кожа – чем не эталон красоты? Да и прошло уже немало времени с тех пор, как я полноценно спал, лежа в нормальной кровати. В придачу трехдневная щетина, спутанные грязные волосы, чумазое лицо, местами расцарапанное и покрытое пятнами крови. Одет как бездомный колхозник, времен середины семидесятых годов. А еще запах… Весь мой внешний вид говорил о том, что вместо двадцати двухлетнего парня, в помещении находился сорокалетний заросший алкаш, которого кошки подрали.

– Да-а, сапоги просто жесть… Они же деревянные! – возмутился я.

– Бомж? Это еще кто? – не понял военный, проигнорировав мой комментарий по поводу обуви.

– Неважно. – Отмахнулся я, совершенно не желая ему объяснять – кто такой бомж и почему я на него похож.

– Эй, умник! Шагом марш, на выход. Хватит тут строить из

себя…

Каково же было мое удивление, когда поднявшись по железной лестнице еще на два уровня вверх, мы оказались в хорошо освещенном, чистом фойе. Моему взору предстали гладкие бетонные стены, выкрашенные светло-зеленой краской. На полу уложен дорогой паркет, который блестел так, словно его натерли несколько минут назад.

У дальней стены стояли деревянные кадки с искусственными цветами, два ряда мягких кресел и небольшой стол с пустым стеклянным графином. Поверх паркета была уложена ковровая дорожка, ведущая к двери в конце комнаты. Чистота и порядок. Здесь, под внимательным наблюдением шести вооруженных охранников, сидели мои друзья.

Дмитрий и Андрюха о чем-то тихо беседовали, а Катя осматривала висящие на стенах картины и фотографии в деревянных рамках.

– Ребята, привет! – произнес я, едва мы поднялись по лестнице.

– Макс? Макс! Ты живой, здоровый? – заметивший меня первым Димка, хотел было броситься ко мне, но его грубо остановили. Андрюху просто оттолкнули в другую сторону, а девушку ухватили за руку, не позволяя подойти ко мне.

– Назад! Вас предупреждали! – крикнул один из охранников, подняв автомат.

– Да плевать! Макс! Ты как? – Дмитрий проигнорировал предупреждение.

– Все нормально. – Улыбнулся я, но почти сразу, стоящий позади меня майор, произнес что-то язвительное.

– Нам сказали ты при смерти. Сказали, что ты попал под какое-то воздействие…

– Ерунда! Все чушь, жить буду!

– Не долго! – хмыкнул майор. – Ладно. Хватит болтать. В одну колонну построились, живо!

В дальнем конце этого помещения находилась массивная, хорошо залакированная дубовая дверь, с ярко-красной табличкой. Мы подошли прямо к двери. На табличке, золотистыми буквами отчетливо читалось: *“Полковник К.В. Зимин”*.

– Вот и все! – майор осклабился и приоткрыл дверь – Советую отвечать правдиво на все вопросы.

Он осторожно постучал в дверь, выдержал определенную паузу и потянул дверь на себя.

– Товарищ полковник? Константин Викторович! Заключенные доставлены! Разрешите заводить?

В ответ тишина. Он хотел уже прикрыть дверь обратно,

решив, что зашел не вовремя, но не успел.

– По одному. Сначала того, что был найден на полигоне! – раздался хриплый голос из кабинета.

– Есть! – он быстро обернулся ко мне. – Ты! Заходи!

Я оказался в просторном кабинете, хорошо освещенном, но, разумеется, без окон. В кабинете чувствовался запах сигарет и крепкого кофе. Вдоль всех стен стояли разнообразные шкафы, стеллажи, тумбы, а на них стопками лежали документы, папки, книги. Все в строгой последовательности. Были и отдельные шкафы с висящими на них бирками со странными названиями.

Я успел отметить, что и мебель расставлена плотно, но с определенным вкусом. Справа притаились два кожаных дивана, а слева внушительных размеров кресло. В центре, перед креслом, расположился крепкий и, безусловно, очень дорогой рабочий стол. И именно за ним, за стопками бумаг сидел крепко сложенный человек в военной форме. На вид ему было пятьдесят или чуть больше.

– Этот день настал, да? – спросил он сухим, хриплым голосом, впившись в меня глазами.

– Простите, что? – не понял я.

– День! Этот день настал! – он приподнялся, осмотрел меня с головы до ног и сел обратно, при этом покачав головой. – Ну, Петров!

– Какой день? – я не мог понять, о чем он говорит.

– Тридцать лет прошло! – вдруг произнес Зимин, вместо ответа. – Проходи!

Я подошел ближе и смог, наконец, рассмотреть его ближе. Высокого роста, широкий в плечах, в прекрасной физической форме. Широкое лицо, с выступающими скулами, редкие волосы с сединой. Холодные серые глаза, кривая, коварная улыбка. И крупный рваный шрам на левой щеке. Интересно, кто его так? Облаченный в хорошо отглаженный военный китель, с начищенными до блеска бронзовыми пуговицами, он производил соответствующее впечатление.

– Кто вы? – спросил я.

– Я полковник Константин Зимин. Начальник военного научно-исследовательского центра *"Астра -1"*. Но, вам, ведь об этом и так известно, верно?

– Нет. Неизвестно, – я отрицательно покачал головой.

Полковник ухмыльнулся.

– А я считаю иначе…

– Почему вдруг?

Он ухмыльнулся еще раз, более выразительно, но ничего не ответил. Продолжая с интересом осматривать меня, он закурил.

– Давай так, парень! Не надо тут показывать свои актерские таланты… Я все знаю!

– Что знаете?

Он отбросил в сторону зажигалку. Чувствовалось, что он медленно начинал злиться, хотя и не показывал этого.

– Вы обученная команда специалистов, специально засланная сюда, с целью выяснить, остался ли кто-нибудь в живых. И если да, то закончить дело.

– Чего? – я не поверил своим ушам. Более того, меня даже передернуло от его слов.

– Понятно! – он встал из-за стола и оперся на него руками. – События 1986 года. Вы тогда почти довели дело до конца.

– Я ничего не знаю о событиях 1986 года, – недоуменно произнес я, в первую очередь, подумав об аварии на Чернобыльской АЭС.

– Ложь! – вскрикнул он. – Какого черта? А?

Я снова не понял вопроса. Для меня происходящее было словно в тумане. Складывалось впечатление, что я говорю с ненормальным. И почему снова прозвучало упоминание о 1986 году? Уже не в первый раз.

– Полковник! Я понятия не имею о чем вы! – повысил голос я в ответ.

Он внимательно посмотрел мне в глаза, шумно вздохнул, затем сел обратно в кресло.

– Я смотрю, по-хорошему не хочешь? Будешь продолжать ломать комедию. Ну, ничего, скоро и ты, и все твои сообщники по-другому заговорите.

– Да объясните уже, наконец, что тут происходит? Что было в 1986 году?

Полковник откинулся на стуле, сложил руки на животе и пристально, даже слегка отстраненно уставился на меня.

– Хорошо, я расскажу. Но, после того как я закончу, вы пожалеете о том, что так бездарно заявились сюда!

– Я уверен, что бы вы мне сейчас не рассказали, на счет нас вы ошиблись! Но в свою очередь, я предупреждаю вас в ложном обвинении!

Зимин неожиданно расхохотался.

– Угрозы? Мне? Это же глупо! – он привстал, упершись руками в столешницу.

– К делу! – отрезал я.

Полковник шумно выдохнул, сверкнул холодными глазами и уселся обратно в свое кресло.

– В 1946 году, в Советском Союзе была создана военно-биологическая лаборатория, которая впоследствии превратилась

в мощный военный центр под общим названием "*Микробиологический Институт Генетики Красной Армии*". Во время начала холодной войны, дабы минимизировать утечку информации, институт был целенаправленно разделен на несколько крупных объектов, размещенных в разных частях страны. Там велись разработки по созданию бактериологического оружия, проводились исследования сложных вирусов и бактерий. В 1949 году, секретным приказом № 356, поступившим от товарища Сталина, вблизи Москвы, решено было построить тайный подземный объект – из состава Микробиологического института, основной задачей которого, являлось бы наращивание военных и научных ресурсов. Задача была значительно упрощена тем, что в то же время строилась вторая очередь московского метрополитена. Объект возводился преимущественно пленными немцами, под видом обычной ветки метро.

По окончании строительства, все рабочие были расстреляны или отправлены в концлагеря, как военные преступники. Все они, разумеется, погибли. В 1952 году объект был завершен, и начал свою работу. Постепенно были введены новые направления, Основными направлениями являлись не только генетика и биология, но также медицина, физика и химия. Наука продвигалась сразу по всем направлениям. Затем спектр наук стал еще шире. Преимущественно молодых ученых различных специальностей, у которых еще не было семей, отобрали для работы на этом объекте.

– Каких ученых?

– Всех специальностей. Физиков, химиков, математиков, биологов, генетиков, технологов. Задействованы были все направления. Это был личный приказ товарища Сталина. Помимо этого, были и другие приказы. Но товарищ Сталин неожиданно умер, а наша работа, после определенных изменений, в строгой секретности продолжилась. На поверхности, в Министерстве обороны, лишь узкий круг лиц знал о том, что происходило внизу. Это тщательно хранилось в секрете. Более тридцати лет объект успешно справлялся со всеми задачами. Десятки открытий, сотни изобретений… Новейшая военная техника, оружие, медикаменты, яды, топливо… Некоторые из этих разработок были отправлены на поверхность и внедрены в массовое производство. Объект быстро строился, увеличивая собственные внутренние территории и резервы.

В 1985 году, мы начали работу над строительством нов… – полковник осекся на полуслове. Неожиданно, справа и слева, под самым потолком, одновременно вспыхнули красные лампы, а где-то позади меня завыла противная сирена.

– Какого черта? – Зимин вскочил с места, схватил телефонную трубку и без церемоний рявкнул туда: – Дежурный! Что? А ну, повтори!

Отбросив ее в сторону, он засучил рукава, подскочил ко мне и схватив меня за шею, заорал:

– Ну?! Сволочь! Ваша работа?

– Я не… Я… Не понимаю… – захрипел я, пытаясь вырваться. Хватка у него была железная.

– А я ведь хотел по-хорошему! – он вдруг отпустил меня и швырнул на пол. – Петров!

– Я! – дверь распахнулась и в кабинет, под дружный вой сирен, ввалился вспотевший, порядком потрепанный майор. – Там, эта… Авария!

– Знаю! – отмахнулся полковник. – Этого обратно к Германову! Пусть по горло накачает его химией, до тех пор, пока он не сдохнет, подобно собаке. Остальных в карцер! Гнить!

Майор осклабился.

– Есть! Охрана, сюда! – он только и ждал чего-то подобного. – Этого ведите обратно к Германову! А тех, троих, в изолятор!

– Подготовьте мне дрезину, живо! – приказал Зимин, затем подошел к массивному железному шкафу в углу комнаты и распахнул двери. – Главного инженера и всю обслугу реактора к объекту! Аварию устранить в самые короткие сроки!

– Есть!

Последнее, что я успел увидеть до того, как меня вывели из кабинета, это какой-то странный, громоздкий комбинезон, который Зимин извлекал из шкафа.

– Вы? Это вы сделали? – спросил побледневший Германов, закрывая за мной дверь камеры.

– Что сделал? – взорвался я. – Что, чёрт возьми, происходит?

– Реактор! Ядерный реактор, обеспечивающий энергией весь комплекс, в аварийном состоянии. Там произошел взрыв.

– Ни я, ни мои друзья здесь, ни при чем. Поверьте!

– Вы считаете, я должен вам верить? Почему?

– А есть причины не верить? – спросил я, но поздно сообразил, что произнес глупость – у Германова, как и остальных, был основательно промыт мозг. Что тут за ерунда творилась все эти годы? Что за идеология? Откуда эти предрассудки о диверсантах?

– Полковник только и ждал вашего появления… Он говорил… – осекся Германов.

– Да сволочь ваш полковник! – перебил я. – У него паранойя!

– Почему?

– Да потому! – вскрикнул я. – Потому, что любой, кто по

любым причинам, случайно окажется в этом месте, сразу же будет приписан к диверсантам! Это же бред! Вы со стороны это послушайте!

– Окажется случайно? Это секретный объект! Здесь не проходной двор.

– Ну, мы же здесь! Мы понятия не имели, что тут… все это. Мы секретное метро искали.

– Этот объект – тоже часть секретного метро! Хоть и отрезанный от основного метрополитена.

Я замер, мгновенно успокоившись. То есть, получается, что наша первоначальная версия о метрополитене все-таки реальна?

– Отсюда есть выход?

– Разумеется! Но вам к нему не пройти! Личный приказ Зимина!

Глава 17. Побег

Разговор оказался весьма продуктивным. Профессор Германов, хоть и относится к моим словам с недоверием, но был вовсе не из числа параноиков, в отличие от этого чокнутого Зимина. И хотя я все еще находился в камере, приказ полковника накачать меня химией Германов выполнять не почему-то не спешил, а это не могло не радовать. И хотя, кроме Зимина, профессора и того, майора – дознавателя я больше ни с кем не контактировал, общая картина известна – нас заведомо заклеймили как врагов. Без разбирательств, без выяснения обстоятельств. Действительно, зачем все усложнять?

Выход отсюда есть, но со слов профессора к нему не пробраться. Полковник об этом позаботился. Но зачем? Чтобы отсюда никто не выбрался или сюда никто не проник? С чего такие жесткие меры предосторожности? Опять предрассудки о диверсантах и врагах? Нет, то, что это секретный объект понятно… Зимин сказал, что от Сталина были получены и другие приказы. Какие же? О деятельности этого объекта знал лишь узкий круг лиц… Кто? Если меня не обманывает память, то в последние годы управления Советским Союзом, были какие-то интриги! Вдруг, то, что происходило тут… Нет! Рано делать какие-либо предположения. Есть еще много чего, о чем мы и понятия не имеем… Пока не имеем.

В течении двух следующих часов, трижды отключался свет, а красная лампа, в конце коридора, которую я видел из-за решетки своей камеры, странным образом мерцала. Похоже, авария на реакторе оказалась серьезной. Сирена выла не смолкая ни на минуту, и хотя монотонный источник воя был далеко, очень скоро боль в голове дала о себе знать. Сидеть и ждать, в тесной

темной камере – то еще удовольствие.

В углу моей комнаты, прямо к стене была прикручена складная железная кровать… Точнее ее жалкое подобие. Без матраса, но зато с тощей, прохудившейся подушкой. Недолго думая, я подошел, и тяжело опустившись на тонкую сетку, практически мгновенно заснул. Дикая усталость взяла свое.

– Похоже, у них случилось что-то серьезное! – Андрюха пытался рассмотреть хоть что-то, но за углом ничего не было видно.

Пару раз через коридор пробегали взбудораженные группы вооруженных людей в темно-серых комплектах РХБЗ. Мигали красные лампы, выла сирена. После того, как Максима завели в кабинет полковника Зимина, на объекте что-то произошло. Едва раздались первые сигналы, всех троих отвели обратно в камеру. Вот только майора Скрягина там уже не было.

– Может что-то взорвалось? – Катя, устало зевая, искренне желала всему этому комплексу поскорее развалиться на части. Разумеется, после того, как они его покинут.

– Или утечка топлива, например. А может пожар?

– Хватит гадать. Лучше давайте подумаем, как отсюда выбраться. И как Макса найти, есть идеи?

– Да. Сломать замок и выйти. Найти оружие… И бежать.

– Куда?

– На карте был выход, помните? Он где-то в этой части комплекса. Или нет?

– Этот замок не сломать. – Покачал головой Андрей, осмотрев дверь. – Он добротный.

– И что нам делать? Сидеть и ждать?

– Может, попробуем пошуметь? Вырубим охрану, а? Дима?

– Стоит попробовать. Но как?

– Доверьте это мне! От вас требуется только имитировать эпилепсию! – Катя встала с деревянной лавки, подошла к решетке и закричала:

– Эй! Помогите! Сюда, скорее!

– Ты думаешь, это прокатит? – усмехнулся Дмитрий. – Такое только в фильмах возможно!

– Не забывай, эти фильмов не смотрят. А уж американских – тем более!

– Ха. Точно!

– На пол, оба! Быстро! – Катя замахала руками. – Сюда идут!

Парни послушно плюхнулись на пол, кое-как изображая приступы эпилепсии. Ладно бы один, а то сразу оба – выглядело просто дико. И довольно глупо.

– Ну, что тут у вас? – у решетки появился молодой, сонный

лейтенант, с кожаной кобурой на поясе.

– Вот! Им плохо. Упали в обморок. Мне страшно! – заголосила девушка, пустив слезу для убедительности.

– Черт! Сейчас доктора вызову! – пробормотал офицер, растерянно осматривая камеру.

– Какой доктор? Это же эпилепсия! Скорее!

– Что это такое? – растерялся лейтенант.

– Это… Это… Да помогите же! – зарыдала Катя, увидев, что Андрюха старался изображать больного все более убедительно.

– Ладно! Ну-ка, отойди в угол. И руки держи на виду! – парень нерешительно снял с пояса ключи и принялся открывать камеру.

Замок щелкнул дважды. Вдруг где-то вдалеке раздался гулкий взрыв. И пол и стены чуть вздрогнули.

– Эй! Что там еще за? – офицер оглянулся назад, но ничего не увидел. Неожиданно погас свет.

Катюха оторопела. Да и Андрюха с Димкой явно этого не ожидали. Лишь тусклая красная лампа под потолком, кое-как освещала коридор. Дверь в камеру была открыта, а бестолковый офицер-охранник, с открытым ртом стоял на входе, смотря при этом совсем в другую сторону. Вот он шанс! Все сложилось как нельзя кстати!

Парни вскочили с грязного пола почти одновременно. Один ухватил военного за шиворот и притянул к себе, ударив коленом в живот, другой, сбоку ударил в прямо вухо. Лейтенант от неожиданности хрюкнул, мешком плюхнулся на пол, после чего неуклюже потянулся было за пистолетом, но, разумеется, у него ничего не получилось. Получив хороший удар по ребрам, тот принялся орать так, словно его резали. Но из-за перехватившего дыхания, изо рта вылетало лишь невнятное бульканье. Удар в челюсть заставил его заткнуться. Андрей вытащил из кобуры его пистолет.

– Тихо! – произнес Дима, прошептав охраннику на ухо. – Молчи и останешься жив! Кивни, если понял.

Лейтенант, всхлипывая, послушно кивнул.

– Хорошо! Где находится наш друг, знаешь?

Офицер снова кивнул.

– Отведешь нас туда!

Лейтенант испуганно замотал головой.

– В смысле нет? Это была не просьба! – Андрей прислонил пистолет к его виску.

– Я не… Я не могу!

– Жить хочешь? Веди!

– Макс! Макс! Вставай! Какого черта ты разлегся?

– Что? – от неожиданности, я буквально подскочил на кровати, пытаясь собрать глаза в кучу. Спустя несколько секунд, разглядев растрепанного Андрюху, с Калашниковым в руках, тупо продолжал смотреть на друга, не веря своим глазам. Входная дверь была приоткрыта, а рядом с ней, лежа на полу, мычал охранник, с тряпкой во рту.

– Как? – только и смог пробормотать я, тем не менее, торопливо надевая левый сапог.

– Чего ты копаешься? – возмутился парень. – Шевелись! Тут долго находиться нельзя.

Несколько секунд и я выбрался из камеры, а мое место занял охранник, оказавшийся младшим сержантом. Попытавшись высвободиться, охранник получил прикладом по затылку. Уже через секунду, тот лежал в камере, без сознания, с внушительным кровоподтеком под глазом.

– Андрюха, где остальные?

– Там! В лазарете! – неопределенно махнул головой Андрей, закрывая камеру. – Вот, держи!

Он сунул мне в руки пистолет Макарова.

– Шесть патронов в магазине и в стволе один.

– Зачем он мне?

– А ты думаешь, тебя отсюда просто так отпустят? Да нас тут за собак держат! – нервно хохотнул Андрей, затем внимательно посмотрел мне в глаза. – Что они с тобой тут делали?

– Не знаю, я почти не помню. Кололи какую-то сыворотку… Что у них там случилось? – я указал на красные лампы.

– Да чёрт его знает… Вроде авария реактора у них. Я не ядерщик, но ему, похоже жить недолго осталось. На объекте введена красная тревога. Почти вся охрана там.

– Как вы выбрались из изолятора?

– Да один охранник там молодой. Осел, в общем. Катюха его обманула, ну а мы завладели оружием. Пока тебя нашли, еще двоих охранников пришлось обезвредить.

– Что делать дальше, решили?

– Сначала нужно как-то покинуть этот бункер, а там сообразим куда дальше.

Мы свернули за угол, и перед нами оказалась узкая бетонная лестница, ведущая на уровень вверх. Быстро поднявшись по ней, мы оказались в лазарете, где уже нас ожидали Дмитрий и Катя. Рядом с ними, на кресле сидел помятый профессор Германов, с фингалом под глазом. Чуть поодаль, прямо на полу сидели еще два то ли лаборанта, то ли санитара. Оба с ненавистью и опасением косились на Дмитрия, вооруженного вторым Калашниковым.

– Макс! Ты цел?

– Ага, нормально.

– Ты! – Андрюха ударил в колено профессора. – Как отсюда выбраться? Говори!

Германов мычал, вертел головой, но говорить отказывался.

– Что это с ним? – поинтересовался я, осматриваясь по сторонам.

– Да он нас как увидел, попытался себе что-то вколоть. Почти получилось. Сломали иглу. Не успел все загнать в себя.

– Германов? Эй! – наклонившись к нему, я попытался привлечь его внимание, хлопнув по плечу, но тот продолжал мычать что-то нечленораздельное, не обращая на меня внимания. Его глаза закатились куда-то под лоб.

– Без толку. – Махнул рукой Дмитрий.

– А эти двое, что тут делают?

Лаборанты на полу нервно зашевелились.

Вдруг, красные лампы разом потухли, а уже порядком надоевший вой сирены практически стих.

– Так! – медленно произнес Дима, осмотревшись по сторонам. – И что это значит?

– Либо аварию устранили, либо…

– Устранили, не переживайте! – вдруг откуда-то из-под потолка, раздался голос полковника Зимина, усиленный электроникой.

Я обратил внимание, что здесь в лазарете, что в коридорах, под потолком висели аудиоколонки. Теперь понятно для чего они…

– Зимин? – тихо спросил меня Андрей. – Начальник объекта, что ли?

– Он самый! Главный маньяк. Считает нас диверсантами.

Андрей устало расхохотался.

– Вижу вам весело? – сухо поинтересовался полковник. – Так я вас огорчу! Вы окружены!

– Германов! – я подошел к профессору. – Как отсюда выбраться?

В ответ все тоже мычание. Да что за дрянь он себе вколол?

– Предлагаю вам сдаться! – уверенно продолжил Зимин. – Выхода нет!

– Все, хана вам! – победно выкрикнул один из лаборантов. Он хотел еще что-то сказать, но не успел – Андрей дал ему смачную затрещину.

– Эй! Полковник? – крикнул я, надеясь, что где-то рядом был микрофон.

– Да?

– Кто мы? – я внимательно осматривал помещение.

– Что за вопрос? Враги. Коварные диверсанты!

– А почему?

– Не играй со мной, подлый пес! – злобно процедил в микрофон Зимин, но после короткой паузы все-таки ответил. – Потому, что из-за вас, объект был выведен из строя.

– В 1986 году?

– Именно так! Но к чему эти разговоры? Вам никуда не уйти! Сейчас, пока мы разговариваем, мои люди окружают лазарет.

Едва он произнес это, как из северного прохода выскочили два охранника с автоматами, но увидев, как Дмитрий уже берет проход на прицел, быстро рванули обратно, едва не растоптав друг друга. Дима дал короткую очередь вдогонку, раскрошив в клочья висевший на стене термостат и пару деревянных панелей.

– Не лезьте сюда! – крикнул Дмитрий. – Не то замочу!

– Макс! Зачем ты с ним разговариваешь? – Андрюха недоумевал, но глаз не сводил с южного прохода.

– Тяну время! Посмотри туда! – я ткнул пальцем в висящий на стене стенд противопожарной безопасности.

– Ну и?

– Там электронный блок управления. Пожар был бы весьма кстати. Если сработает, помещение затянет углекислым газом. Зажигалка есть?

– Есть. У лейтенанта отобрал. Но дальше что? Мы же тут задохнемся!

– Не задохнемся! Вон решетка вентиляции. Внизу, видишь? Ломаем ее и валим отсюда.

– Ну да. А дальше?

– А дальше придумаем!

– Там точно углекислый газ? Не вода?

– Точно. Поджигай ту корзину с мусором.

Андрюха быстро вытащил корзину на центр лазарета, затем швырнул туда подожженную тряпку.

– Ну? Что вы решили? – поинтересовался полковник Зимин. – Сложите оружие и сдадитесь?

– Эй, полковник?

– Да?

– Иди на хрен! – крикнул я, приложив в комплект все свое злорадство.

При этих словах Дмитрий сильным ударом разбил стекло стенда и нажал большую красную кнопку. Раздался резкий противный сигнал пожарной тревоги. Через несколько секунд, из-под скрытых в потолке труб, с характерным шипением ударили белые клубы углекислого газа. Они быстро начали заполнять

помещение.

– Надо же – работает! – поразился Дима. – Ломаем решетку вентиляции!

– Чем?

– Ногами!

Ударом ноги Андрей проломил деревянную решетку, и первый влез внутрь. Из прохода показался солдат, но ничего не увидев, нырнул обратно. Следом за парнем полезла Катя, предварительно дав очередь по южному проходу.

Весь лазарет затянуло белым дымом, да так, что видимость резко упала до полутора-двух метров. Дмитрий, опустошив магазин по другому выходу, проскочил вперед меня, быстро скрывшись в вентиляционной шахте. Уже собираясь влезть следом, я увидел в метре от себя задыхающегося от кашля Германова. Быстро приняв решение, я ухватил его за шиворот и волоком затащил его в шахту, после чего последовал за ним.

Глава 18. Шевченко

Нормально, сойдет для небольшого перекура! – Андрюха удовлетворенно кивнул, осмотрев помещение.

Сорок минут ползания по вентиляционным шахтам никому не пошли на пользу – их, судя по всему, никогда не чистили. Мусора как такового тут не было, но грязи и пыли хватало с избытком. Перемазавшись с ног до головы, постоянно кашляя и даже задыхаясь, мы все-таки выбрались из вентиляции где-то на самой окраине бункера.

Это место представляло собой длинное, но узкое помещение, с целой сетью толстых труб, баков и котлов, основательно поеденных ржавчиной. Судя по всему, это была старая бойлерная, или даже котельная. Освещение присутствовало, но из-за того, что больше половины ламп были разбиты, света было крайне мало. В дальней части помещения был виден огромный котёл, сразу за которым был переход в другое помещение. Похоже, сюда давно уже никто не заглядывал.

– Удивительно, но почему нас никто не преследовал? – заметил Дмитрий, едва мы выбрались из шахты.

– В том кипише, что мы устроили в лазарете, сразу и не сообразишь, куда мы пропали. Да уже и не важно. Вырвались – хорошо.

– Макс, а этого, зачем прихватил? – Катя склонилась над распростертым телом бесчувственного профессора.

Германов, во время передвижения по коммуникациям, потерял сознание, поэтому последний отрезок пути, мне пришлось с большим трудом тащить его волоком за собой.

– Он может быть полезен. И к тому же, хорошо ко мне

относился. Я думаю, не составит особого труда вытащить из него правду.

– В этом есть смысл. Уж он, наконец, расскажет нам о случившемся?

– Отдохнем немного, а заодно, может быть и профессор в себя придет.

– Проклятье! Все наши вещи остались у дознавателя Скрягина, – вздохнула Катя, стряхивая грязь с потертого комбинезона. – Даже переодеться не во что!

– Ага, на меня посмотри! – криво усмехнулся я. – Красавец, да?

– Словно с золотых приисков сбежал. Сапоги не жмут? – хихикнула девушка, внимательно меня осмотрев. – А роба-то, часом не от Юдашкина, а?

– Эй! Я кое-что нашел! – вдруг послышался голос Андрея из соседнего помещения.

– Что там?

– Сами посмотрите!

Пройдя в соседнее помещение, мы увидели висящий на веревке человеческий скелет в остатках военной формы. Висельник, однозначно.

На плече у мертвеца висел кожаный планшет, а к поясу была пристегнута кобура. Зрелище хоть и было неприятное, но почему-то никто из нас ужасаться не торопился.

– Это еще кто такой? – удивился Дмитрий. – И почему он тут качается?

– Боюсь, у него мы уже ничего не узнаем! Бедняга, наверное, качели любил при жизни! – дерзко пошутил Андрей. – Впрочем, как думаете, стоит проверить, может быть остались признаки жизни? Пульс пощупать, давление проверить, а?

– Да нет, тут все очевидно! – Катя, хоть и неумело, но тоже попыталась разрядить атмосферу.

– А ну-ка, посмотрим, что у него в планшете? – Дмитрий с некоторым трудом расстегнул заклепку и высыпал содержимое на пол.

– Ничего особенного. Блокнот, карандаш. Карта еще вот. Тетрадь. Горсть патронов, спички, компас.

Катя обошла висельника и наткнулась на лежащий в углу желтый лист бумаги, исписанный чернилами.

– Смотрите! Это что, предсмертная записка?

– Действительно. Читаемо? Чернила не смазались?

– Вроде нет.

– Тогда читай!

Если вы меня нашли, знайте! Лаптев, Зимин и Штрасс

перешли все границы. Картавин погиб, но процесс уже запущен. Наверху все еще ничего не знают. Штрасс все контролирует. Но у них ничего не получится. Все было ошибкой. Я спутал им планы. Лучше смерть, чем такое клеймо. Зимин никогда не получит мои разработки. Я останусь тут, им меня не достать.

Лена, люблю тебя!

Прощайте. Подполковник Шевченко.

25 июля 1986.

– Так! Ну, Лаптева и Зимина мы знаем. Шевченко перед нами. А Картавин еще кто такой? О чем, таком важном, наверху не знают? И о каком процессе идет речь?

– Так много вопросов, но, ни одного ответа.

– Знаете, мне кажется, что тут затевали что-то еще. Может, какой-то заговор или что-то в этом роде. И в этой записке сказано, кто за всем стоял.

– Согласен с тобой, тут что-то не чисто.

Андрей внимательно осмотрел скелет подполковника. Ни шевронов, ни погон, ни принадлежности к какому-либо роду войск. Да и форма странной расцветки. Интересно, почему? В кобуре пистолет, а он решил повеситься… Странно, зачем?

– Тут есть выход! Дверь такая же, как и везде. Но замок выведен из строя прямо отсюда. Похоже, наш скелет по фамилии Шевченко, сам себя запер.

– И его так никто и не нашел, за тридцать лет?

– Мы нашли. А для остальных он, скорее всего, мертв. Если записка была написана тогда, когда начались те события, то неудивительно, что его не стали искать.

– Дверь открыть можно?

– Да, тут болт выкручен и стопорное кольцо снято. Если поставить обратно, все заработает.

– Попробуй, но аккуратно. Не поднимай шума. Мало ли, вдруг там, за дверью охрана.

– Хорошо.

– Ребят, этот Германов… Он вроде очнулся. – Катя заглянула обратно в бойлерную.– Точно, очнулся.

Профессор сидел у котла, облокотившись о стену. Весь покрытый грязью, он сильно смахивал на бездомного, коих в московском метрополитене пруд пруди. Весь его вид был жалким, да и его самочувствие, скорее всего, было соответствующим.

Подойдя к нему, я уселся на край широкой трубы, ожидая его реакции.

– Профессор! Профессор Германов!

– Вы? Максим, что за… Где я? Что случилось?

– Все хорошо. Вы потеряли сознание, а в лазарете вспыхнул

пожар. Нам пришлось спешно убираться оттуда. Как самочувствие?

– Кому нам? А! О боже… Вы, все здесь?!

– Тише, тише! Как я и говорил, мы никакие не диверсанты. И понятия не имеем, что тут творилось до нашего прихода… Мы не желаем вам зла.

– Ага, как же… А реактор?

– Да хлам ваш реактор. – Дмитрий перебил меня, крикнув из прохода. – Выработал свой ресурс. Я что-то сомневаюсь, что ему устраивали капитальный ремонт за эти тридцать лет.

– Это, конечно, верно… Но разве это не странное совпадение? Вы появились, и реактор неожиданно тоже вышел из строя!

– Мы тут не причем, уверяю вас!

– Вы, может быть, и нет. А если есть другие? Такие же, как и вы, а?

– Наш единственный друг, Сергей, потерялся еще в ракетном комплексе. А других тут нет.

– Как вы узнали про ракетный комплекс?

– Из дневника одного профессора.

– Дневника? Хм, какого еще дневника? Какого профессора?

– Германов, а почему вы не выполнили приказ? – я проигнорировал его вопросы.

– Что? – профессор испуганно округлил глаза и побледнел. – Какой приказ?

– А что, их было много? – задал я встречный вопрос.

– Что вы имеете в виду?

– Приказ Зимина. Накачать меня химией, чтоб подох как собака, – цитировал я, вспоминая слова полковника.

– Я… Это… Собирался сделать это позже.

– Чушь! Вы этого вообще не собирались делать!

– А? – актер из профессора был неважный.

– Так что? Почему?

– Ну, хотя бы потому, что это не гуманно. Вы правы – я не собирался.

– Причина не в этом.

– А в чем же?

– Вы мне скажите!

– Я уже сказал…

– Ложь! Профессор, скажите мне правду, хотя бы потому, что я спас вам жизнь.

Германов замолчал.

Я не хотел его торопить, понимая, что он вот-вот сломается. Давить тоже не следовало. Ну, разве что очень осторожно.

– Или сейчас вы выплевывали бы собственные легкие, надышавшись углекислого газа.

– А? Ну, да. Хорошо. Я, правда, не собирался выполнять его приказ. – Германов замялся. – Зимин давно превратился в озлобленную машину, бредившую о вторжении диверсантов. Он убедил всех, что за нами придут враги. Максим, поклянитесь, что вы не диверсанты! И не явились сюда для того, чтобы уничтожить тут все.

– Клянусь!

– Хорошо. – Он облегченно вздохнул, немного помедлив.

– Простите меня, но я не мог поступить иначе. Я не сторонник методов Зимина, но обязан ему подчиняться.

– Я понимаю.

– Мне сложно об этом говорить, ведь я поступаю так, как не должен.

– Профессор, расскажите, наконец, что тут произошло? С чего все началось?

– Ладно, слушайте. Так, с чего же начать… Еще в 1949 году…

– Это мы уже знаем. – Бесцеремонно перебил я. – Зимин рассказал о создании этого объекта. Кстати, как он все-таки называется?

– Объект *"Астра – 1"*.

– Что произошло в 1986 году?

– Ну, вообще… Это непросто объяснить.

– А вы попробуйте. Мы никуда не торопимся. Время есть!

– Хорошо. Так! Ну, раз вы знаете о деятельности и истории этого комплекса… Хм! События, которые привели к катастрофе, начались немного раньше, в конце 1985 года. Тогда, при расширении внутренних территорий, наш проходческий щит наткнулся на источник сильного электромагнитного воздействия. Часть оборудования дала необъяснимый сбой, другая же вообще вышла из строя окончательно. Решив, что мы обнаружили новый, неизвестный тип магнитной руды, командованием объекта было принято начать бурение.

– Наверняка, это была не совсем руда, верно?

– И да, и нет. Там, на большой глубине, фиксировалось не только электромагнитное воздействие, но и что-то еще. У личного состава, всего за несколько дней в разы участились случаи нервного расстройства, дезориентации, спонтанных резких перемен настроения, эмоциональных перегрузок. Чем дальше, тем больше. Начались суициды. Пока шло бурение, неожиданно вся команда бурильщиков за одну смену просто сошла с ума. Это было страшно. Обезумевшие, они напали на охрану, совершенно не отдавая отчета своим действиям. Их удалось остановить,

только применив огнестрельное оружие. Из двадцати шести человек бурильщиков, только четверо остались в живых. Их обездвижили, а затем оперативно доставили в *"Бункер № 17",* для изучения. Практически сразу мы отправили шифрованную телеграмму на поверхность, в наш отдел Министерства обороны. Тогда как раз заканчивалось строительство ракетного комплекса на поверхности, прямо над секретным объектом. Но судя по всему… Точнее, возможно, произошла утечка информации. Сюда тайно проникла группа диверсантов, которая под видом советских ученых, сразу же направилась к месту бурения. Чем они там занимались, и какие исследования проводили, мы не знали. Знал только полковник Зимин. Правда, тогда он был всего лишь капитаном. Лишь спустя пару дней, полковник сообщил, что с поверхности никого сюда не отправляли. Когда наше командование решило арестовать диверсантов, они… – Германов осекся, почесал затылок, но после паузы, с трудом подбирая слова, продолжил: – Там, на полигоне что-то произошло… Наши вооруженные отряды неожиданно открыли огонь по своим, вели себя неадекватно. Связь нарушилась. Началась жуткая бойня. Она длилась около недели. Потом наступило кратковременное затишье. Люди, возвращавшиеся с полигона, уже не были людьми в привычном понимании…

– Как это?

– Одержимые необъяснимым безумием, изуродованные, они убивали все, до чего могли добраться. – Германов старательно подбирал слова. – Одни без эмоций, другие наоборот демонстрировали бурное негативное восприятие всего окружения. И действовали они все как один – коллективно, словно ими управляли извне…

– Извне?

– Это сложно объяснить. Мнение неоднозначно, да и теория так и не была подтверждена… Но некоторые наблюдения это все-таки подталкивали к этой мысли.

– Те ученые, с поверхности, раскопали источник психотропного воздействия? Они добрались до него?

– Да. Перед всем этим безумием из шахты начали вывозить странную смолянистую породу, с диким фоном неизвестного излучения. Психотропного… Даже сейчас, эту породу можно найти практически во всех основных туннелях. Как сообщили те ученые, ее собирались вывозить на поверхность, переплавлять. Я полагаю, что именно она и стала источником массового бешенства. Слишком долго с ней контактировали работающие в туннелях люди, охранники, да и солдаты тоже.

Как вы остановили распространение этой заразы?

– Ну, собственно… Это никакая не зараза. Это нечто совсем иное, до чего наша наука еще не дошла. Биоэлектрическая составляющая. Мы не смогли изучить сущность, так как не было, да и до сих пор нет необходимого оборудования. Моему отцу, начальнику лаборатории генетики, тогда и так несказанно повезло – он и несколько лучших умов разработали экспериментальную сыворотку, которая кратковременно, но весьма ощутимо снижала воздействие на человеческий мозг. Так, применив сыворотку, мы заперли всех зараж…

– В лаборатории, так? – перебил я, сопоставив факты.

– Вы там были? – прошептал удивленный Германов. – Ну, конечно – были. Нам пришлось, другого выхода не было.

– А затем просто расстреляли там всех?

– Не всех. Многих оставили для изучения. Однако из этого ничего хорошего не получилось. Часть пациентов сбежали и едва не затопили весь комплекс.

– Чем?

– Здесь, в одном из недостроенных туннелей есть проход к подземному озеру.

– О, даже так? А что же диверсанты? С ними что?

– Их осталось всего шестеро. Они бежали, причем бежали через метромост, к строящемуся ракетному комплексу, тем же путем, через который они и попали сюда. Но уйти удалось только одному. Его имя Вильгельм Штрасс…

– Ох, как все закрутилось…

– В каком смысле?

– Штрасс. Это профессор… Тот, у кого мы нашли дневник. Из-за него мы тут оказались.

– Что? Он послал вас?

– Нет, вовсе нет. Мы не знали друг друга, просто встретились случайно, в университете. Он был приглашен туда как почетный гость, с целью демонстрации своей научной работы. Штрасс сам подошел к нам, начал рассказывать про секретное метро, про тайны, про ужасы которые он, там, якобы, видел. Показал нам свой дневник. Позднее, мы украли его, потому что не поверили его рассказам и из любопытства решили посмотреть сами. Так мы и оказались здесь.

– Эта история проста, но невероятна. Я думаю, что он намеренно ввел вас в интригу. Ему было нужно, чтобы вы заинтересовались и нашли это место.

– Может быть вы и правы. Хотя, я не понимаю для чего это ему. Он как-то узнал о пропаже дневника и последовал за нами. Когда мы проникли в ракетный комплекс, он… перерезал веревки, по которым мы сюда спустились. С ним были какие-то

люди. Мы оказались отрезанными от внешнего мира.

– Слишком много совпадений. А что за люди?

– Не знаю. Мы видели только одного, но из его речи мы поняли, что их много. А причем тут вообще диверсанты? Других версий у вас не было?

Германов замялся при этих словах, но быстро взял себя в руки.

– Максим, вы шутите? Холодная война была в самом разгаре. Как только просочилась информация… Нет, не так. Я неправильно начал. – Профессор как-то занервничал. – В Советском Союзе действовали сотни шпионов. Каким-то образом, перехватив информацию о секретном подземном объекте Вооруженных Сил СССР, ее тут же передали куда нужно. Группа, проникшая сюда, прибыла с определенной целью – уничтожить или вывести объект из строя, сорвать все работы. И им это удалось.

– То есть, это были иностранцы?

– Я не знаю, как правильно это объяснить. – Германов снова замялся. – Но это были враги.

– Ну, все… Странно все это… Выходит, сюда проникла вражеская диверсионная группа, а вы их просто пропустили? Как же так?

– Нет, вы не понимаете. Мы их ждали. Об их прибытии нам сообщили заранее!

– Кто?

– Командование!

– Вы что же думаете… Вас подставили? Решили ликвидировать весь объект? Или все-таки утечка информации? Вы сплели две версии в один клубок.

– Нет, но… Да, все потому, что не было никакой информации. Да и контакт с командованием был потерян навсегда.

– А если это было не командование?

– Я не… Я.. – профессор не знал что сказать. – Возможно и так. Но я не думаю…

Я слушал профессора и не верил своим ушам. С одной стороны, профессор Германов рассказал нам очень многое, с другой же – явно не все… Некоторые из моих догадок были верны. О том, что эта катастрофа была инициирована свыше, мы и догадываться не могли. Но зачем? Кем? А если нет? Если это не так? Что могло вызвать такое решение? И как, черт возьми, понимать слова Германова по поводу предательства? Так все-таки, это утечка информации или что-то другое?

Профессор что-то скрывает, однозначно. Что-то очень важное. Зимин ничего не успел сказать, но кто, как не он знает истинный

ход событий? И правду…

– Профессор, а кто такой Картавин?

– Откуда вы о нем знаете?

– Неважно. Кто это?

– Начальник материально-технического обеспечения объекта, – осторожно произнес профессор, явно не ожидая таких вопросов.

– А Лаптев? Антон Лаптев?

– До событий 1986 года управлял одним из отделов научно-военного центра. Также является начальником объекта *"Бункер № 17"*. – Германов весь сжался, словно его поймали на горячем.

– А подполковник Шевченко?

– Откуда вы знаете всех этих людей? – поразился он, округлив глаза.

– Я скажу вам позже. Кто такой Шевченко?

– Заместитель начальника охраны.

– Хорошо. И что связывает эти фамилии?

– Они…

Вот, пожалуй, мы и подошли к той самой черте, которую так боялся перейти Германов. Я нутром чувствовал – профессор либо что-то не договаривает, либо лжет, рассказывая сказки. Пытается запутать. Чем больше он рассказывал, тем больше вопросов я ему задавал. Германов сам себя закапывал в яму, почему-то не решаясь рассказать все до конца. Он заметно побледнел, покрылся холодным потом. Нужно было дожимать его, но осторожно, иначе правду мы не узнаем никогда.

– Так что, профессор? Что связывает все эти фамилии? Они что-то собирались сделать, так? Собирались, но не успели?

– Я не знаю. Фамилии мне хорошо знакомы, но я не…

– Хватит врать! – рявкнул я, затем ухватил его за шиворот грязного халата и подтянул к себе. – Посмотрите на себя. Я же тебя насквозь вижу – вы мне врете. Вы все знаете! Рассказывай правду!

– Нет, я не могу. Это… Нет.

– Можешь! Говори! – я, сам не заметив, перешел на “ты”.

– Нет!

Вдруг, из соседнего помещения раздался сдавленный крик, а затем тяжелый удар. На бетонный пол упало что-то железное и покатилось. Послышалось возня, хрипение, шорохи.

– Андрюха, что там такое? – громко спросил Дмитрий, повернувшись в сторону выхода.

В ответ снова хрипение.

– Сидите! Я посмотрю. – Катя привстала с трубы и, подойдя к проходу, заглянула в соседнее помещение.

Там, у распахнутой двери на полу лежал Андрей, пытаясь задушить человека в военной форме. Еще один сидел у стены в неестественной позе. Тот, которого душил Андрюха, сдавленно хрипя, пытался вырваться, но тщетно. Рядом, второй едва шевелился, похоже, приходил в себя. Судя по всему, он был оглушен. Еще до конца не оклемавшись, он потянулся было за ножом, но Андрюха, извернувшись, умудрился двинуть его ногой прямо в лицо.

– Черт! Сюда! – крикнула девушка.

Сначала Дима, а следом и я бросились к ней. Увидев происходящее, мы бегом рванули на помощь. Все закончилось быстро.

– Андрюха, что произошло? – спросила девушка, осматривая рану у друга – один из непрошеных гостей успел вонзить ему нож в правое бедро.

– Пока вы там этого доцента развлекали, я починил замок, а затем и дверь открыл. Ах, черт! Больно-то как. Кто ж знал, что у них тут аванпост сторожевой рядом. Эти двое шум услышали, видимо решили проверить. Ну, я спрятался, а едва они вошли, одного трубой по голове двинул, а второй успел нож выхватить. Ну и вот. Черт, больно. Кровищи-то натекло сколько – жуть.

– Нас позвал бы! – Димка перетягивал снятым ремнем бедро пострадавшего, чуть выше раны, стараясь остановить кровь.

– А если там еще эти ненормальные? Шум бы подняли. Так хоть вообще никто не знает, куда мы из лазарета рванули. Времени не было вас предупреждать. Да и я думал сам, как-нибудь справлюсь.

– Хорошо хоть в ногу. Конечно, и в ногу не хорошо, но… Если бы в живот или грудь – все закончилось бы печально и очень мучительно.

– Не было времени. Ох, черт. Вот, хорошо. Вроде не течёт!

– Да, вроде держит, но тебе нужны медикаменты. Рану перевязать бы. А у нас ничего нет. Не хватало тебе еще заражение подхватить.

– Так, Дима, давай-ка, мы с тобой наведаемся на этот аванпост. Уж там медикаменты должны быть. Катя! Кать?

Девушка, замешкавшись, вышла из бойлерной. На ней лица не было.

– Ты чего?

– Наш профессор отъехал.

– В смысле?

– Сам посмотри.

Германов, свесив голову на бок, неподвижно сидел у той же стены, где и ранее. Однако теперь, грязно-белый халат был ярко-

красным от крови. Его шея была разорвана от края до края, а в левой руке Германов держал острый кусок ржавого металла. Профессор был мертв.

– Зараза! Черт! Ну, вот зачем, а?!

– Нельзя было его одного оставлять. Он чего-то дико боялся. Вот и нашел способ замолчать. Эх! Германов, Германов – старый маразматик!

– Сколько ему было? За пятьдесят?

– Да, какая теперь разница? Правду у кого узнать?!

– Сами виноваты. Видели его состояние. Вот дурак, старый.

– Черт с ним. Надо Андрею поскорее помочь.

– Катя, побудь с ним. Мы быстро на аванпост смотаемся. Аптечку найдем.

– Хорошо, осторожнее там.

Глава 19. Остаться в живых

Аванпост оказался рядом, и совсем не таким, как мы его себе представляли. Прямо посреди туннеля, на широком пятачке, был возведен бетонный Дзот. Самый настоящий Дзот. Одной стороной он цеплял стену туннеля, другой доходил до путевого полотна. Из обширного смотрового окна торчал черный ствол крупнокалиберного пулемета.

Справа и слева были размещены мешки с песком, уложен деревянный настил. Справа размещалась старая брезентовая палатка, в которой кто-то громко кашлял. Справа от нее стоял деревянный стол и несколько стульев, стенд с оружием и бочка с водой. Путь перекрывал массивный шлагбаум, наскоро сваренный когда-то из кусков рельсового полотна. Рядом с ним стоял солдат с автоматом на плече. Все видимое пространство перед ним освещал мощный прожектор. Да и вообще, весь аванпост был весьма неплохо освещен.

Слева от палатки горел костер, на котором висел котел. Оттуда, раздражая обоняние парней, вкусно пахло тушеным мясом. У меня даже слюни потекли, а в животе заурчало.

– Это и есть аванпост? – разочарованно произнес Дмитрий. – Я ожидал увидеть другое.

– Больше на стоянку туристов похоже. Ладно, потом осмотрим достопримечательности. Нужно поскорее медикаменты найти. Андрюхе немедленно перевязка нужна. – Я достал из-за пояса пистолет Макарова, проверил магазин и зарядил.

– Думаю, у них в палатке как минимум должна быть аптечка.

– Там кто-то есть. Слышишь? Давай вдоль той стены. Я в палатку, а ты того, с автоматом…

– А оружие? У тебя же ничего нет.

– Разберемся.

– Принял.

Быстро рассчитав свои действия, мы добрались до палатки, и разошлись. Внутри Дмитрий обнаружил сразу двух караульных. Офицер в звании капитана спал на раскладной кровати. Он-то и кашлял. Второй – солдат, лениво чистил автомат, чуть не засыпая. Рядом, на оружейном ящике стоял стакан, то ли с чаем, то ли с коньяком. Попахивало перегаром.

– Ну-ка тихо! – негромко произнес Дима, приставив найденный между шпал ржавый болт к затылку солдата. – Сколько вас тут?

– Пятеро. Пятеро, – несколько ошарашено пробормотал военный. Совершенно очевидно, что патруль настолько расслабился, что появление любого постороннего лица на объекте, уже давно приравнивалось к чему-то фантастическому. А еще, судя по всему, о сбежавших диверсантах, им не сообщили.

– Тихо. Не дергайся. Аптечка есть?

– Угу. Там, – солдат махнул рукой в сторону спящего офицера, – в тумбочке.

– Хорошо. Что вы тут охраняете?

– Ничего. Просто путь.

– Врешь! Жить надоело?

– Нет. Я правду говорю.

– Хорошо, допустим, я тебе поверил. Что там, дальше?

– Гермоворота.

– А с другой стороны?

– Командный бункер.

Пока Дмитрий, имитируя оружие, расспрашивал солдата, я взял на прицел того, кто охранял шлагбаум.

– Время подскажешь?

– А? – солдат обернулся, даже не попытавшись снять автомат с плеча.

– Автомат на пол! Живо! – прошипел я, целясь ему в голову. Стрелять в него я вовсе не собирался, поэтому искренне надеялся на то, что он не станет делать никаких глупостей.

Тот медленно снял автомат с плеча и положил на дощатый настил, не сводя с меня глаз. Уже не молодой, сержант в возрасте, оказался невероятно быстрым. Едва стоило мне оглянуться на палатку, как тот мгновенно совершил длинный прыжок и ударом руки наотмашь выбил пистолет у меня из рук. Затем бросившись вперед, сбил меня с ног, навалившись сверху всей массой. Что уж и говорить, к такому я был совершенно не готов.

Только стоило мне коснуться спиной и пятой точкой дощатого настила, как почти сразу же мне в челюсть прилетел

волосатый кулак сержанта. В глазах потемнело, прострелила острая боль. Второй удар я отклонил лишь чудом, затем упершись коленом в грудь военному, я кое-как сумел оттолкнуть его. Он попытался схватить меня за шею, но пальцы лишь скользнули по коже. Зарычав, он потянулся за ножом. В этот момент, сгруппировавшись, я рывком сбросил его с себя, а затем, высвободив ногу, ухитрился ударить его прямо в нос. Учитывая, что на ногах у меня были все те же кирзовые сапоги, удар вышел на совесть. Брызнула кровь. Затем, подхватив с пола пистолет, я выстрелил ему в колено. Сержант взвыл, схватился руками за рану, да так и остался сидеть на полу, заливая все брызжущей из носа кровью.

– Замри, тварь! – я не узнал собственного голоса, бешено дыша, но уверенно направляя ствол пистолета ему в лицо. – Я не хочу тебя убивать, но если придется…

Сержант неожиданно дернулся, а я интуитивно согнул палец на спусковом крючке. Раздался выстрел и тело сержанта мешком повалилось на землю.

– Черт! Ну, вот зачем? – вскричал я.

Я даже подойти к телу не успел, как из палатки раздалась возня.

– Димка? – я бросился ко входу в палатку, но оттуда мне навстречу выкатился солдат с разбитым носом, при этом едва не сбив меня с ног. Споткнувшись о деревянную ступеньку, он кубарем полетел прямо в костер, опрокинув котел с тушенкой. Завопив от боли, он попытался выбраться оттуда, но снова поскользнувшись в растекшейся мясной луже, шлепнулся обратно. Дико ревя, он пытался выбраться, напоминая живой, хаотично машущий руками факел. Всё-таки выбравшись, он кое-как отполз на пару метров и без движения свалился с деревянного настила прямо на рельсы. Там он и остался лежать, скончавшись от болевого шока.

Я, находясь в состоянии шока, вытаращившись на солдата, сидел на полу, сжимая пистолет так, словно это был спасательный круг. В палатке настала тишина, шум прекратился, только я осознал это тогда, когда горящий человек, наконец, затих.

– Макс? Ты где?

– Тут… – пробормотал я.

Дмитрий, слегка прихрамывая, выбрался из палатки. Левая щека кровоточила, а на лбу красовалась глубокая, рваная царапина. Его руки судорожно тряслись, а комбинезон, в нескольких местах заляпан кровью.

– Жесть! – выдохнул он, тяжело опустившись рядом со мной

на пол. – Ты как?

– Я его убил!

– Кого?

– Сержанта, – устало произнес я, но потеряв над собой контроль, выпалил. – Зачем он полез? Вот зачем, а? Я же не собирался его убивать. Не хотел. А он полез. Я же предупреждал…

– Успокойся… Макс, это… Да, не игра, не пейнтбол. – Дмитрий с трудом подбирал слова, то и дело сбиваясь. – Но либо так, либо нам отсюда не выбраться. Ты же видишь… Они как звери.

– Взять на прицел не сложно, – сам не понимая зачем, я бил костяшками пальцев по доске. – Нажать на курок тоже. А осознать, что если ты это сделаешь, то человек погибнет… Его просто не станет. И все! Черт! Закурить бы…

– Ты ж не куришь! – Дима встал, шатаясь, подошел сначала к костру, а затем к убитому сержанту.

– Нервы… Нервы, понимаешь?

– Понимаю. Эба! Сержант, говоришь? Так он живой!

– В смысле?

– Да, живой. Встать пытается!

Сержант, несколько минут назад случайно застреленный мной из пистолета, сейчас лежал на животе и довольно успешно воскрешался из мертвых, пытаясь приподняться, но каждый раз бессильно падал обратно. Отсюда можно было разглядеть небольшую лужицу крови, которую освещала висящая под сводом туннеля лампа накаливания.

– Как же так?

Дмитрий перевернул его ногой. Все лицо и шея были залиты кровью. Пуля прошла навылет, лишь зацепив фрагмент кожи на шее.

– Везучий, гад! Ты ему шею прострелил, и то слегка. Жить будет, хотя колено у него ни к черту… Да и крови с носа натекло…

– Ну, хоть так! – облегченно выдохнул я. Перспектива быть убийцей, хоть и ненамеренно меня не привлекала. – А твой?

– Этот? – он осмотрел обгоревшего. – Да сгорел к черту. Кто ж знал, что он в костер угодит. А, вот зараза, котел перевернул с тушенкой! Жрать хочется! А капитан…

– Что? В палатке еще и капитан был?

– Ага. Бутылку разбил о тумбочку и чуть не нанизал меня. Да благо под градусом был. Поскользнулся и об угол кровати головой.

– А кровь на комбинезоне чья?

– Не моя. Его. Выходит, только этот погиб, и то от костра.

– Аптечку нашел?

– Угу! – Дима вытащил из палатки сумку с красным крестом. – На спинке кровати висела.

– Возвращаемся! Андрюху нужно поскорее перевязать, а то еще заражение крови заработает. Идем!

Пока шли обратно, меня посетила беспокойная мысль.

– Дима, это же научный комплекс, правильно? Хоть и военный.

– Ну, да…

– До инцидента тут было все нормально, так? Тогда зачем тут Дзот?

– А?

– Дзот для чего? Построить такие укрепления могли только заранее. Такие укрепления наскоро не строятся.

– Согласен.

– Значит, он точно был построен раньше. А для чего?

– Даже не знаю, зачем в метрополитене вообще нужен Дзот?

– Я вот что скажу. Сдается мне, что руководство здесь, в лице Зимина, Лаптева и других, задумала что-то нехорошее. А укрепления эти, для того чтобы никто сюда не проник и не узнал. Но как нельзя, кстати, выстрелила та шахта и тут началось…

– И что думаешь?

– Не знаю. Но скоро узнаем!

Мы подошли ко входу в убежище, где свел счеты с жизнью подполковник Шевченко.

– Катя, ну как вы тут? – спросил Дмитрий, открывая тяжелую дверь в бойлерную.

– Не понял! – хмуро произнес я, никого в ней не обнаружив. – Где они?

Ни девушки, ни раненого Андрея тут не было. Лишь брошенная на пол окровавленная тряпка, да и та вся в дырках… Тела караульных лежали справа в углу, без единого движения. У одного была разорвана шея, а другой лежал так, что и не разобраться – да и освещение плохое. Из дальней части помещения, там, где осталось тело совершившего суицид профессора, послышалось злобное рычание.

Пройдя в соседнее помещение, мы увидели не самую приятную картину: На ржавом котле, почти под самым потолком, свесив раненую ногу, сидел Андрей. Рядом, держась за трубу, кое-как стояла девушка, вооруженная куском кирпича. А прямо под ними, злобно рыча, копошилось какое-то мохнатое существо. Чуть поодаль, у тела профессора сидело еще одно, но крупнее.

– Это еще что за дичь? – спросил Дима, не отрывая взгляда от

существ.

– Осторожнее! Это не совсем крысы! – крикнула Катя, но мы и так уже это поняли.

Ближайшая к нам тварь, неожиданно сделала колоссальный прыжок и приземлилась рядом с нами, на освещенный участок. Мутант, был очень похож на ту крысу, что мы уже встречали у аварийного метромоста, но при этом омерзителен до безобразия. Размером с небольшую, но коренастую собаку, с широким черепом и мощными передними лапами, она создавала впечатление опасного противника. Часть кожи на обезображенной морде, вместе со шкурой отсутствовала – отчетливо была различима серая кость и часть верхней челюсти. Глаза, заплывшие от гноя, были полны ярости и злобы. Передняя лапа, видимо сломанная когда-то сразу в нескольких местах, срослась самым ужасным образом. Сломанные острые когти, рваный хвост, шкура, покрытая кровоточащими язвами и незажившими ранами… Описывать этого мутанта можно было сколько угодно, да вот только он не собирался сидеть и позировать.

– Ну, против Калашникова ты не попрешь! – тихо произнес Дмитрий, заряжая прихваченный с аванпоста автомат.

Едва он взял крысу на прицел, та резко рванула в сторону, словно узнала оружие. Нырнув куда-то под трубы, уже через секунду она выскочила сзади нас и с яростным рычанием вцепилась в мой кирзовый сапог. Шарахнувшись в сторону, я едва не сбил с ног Диму, при этом от неожиданности, тот случайно нажал на спусковой крючок. Бабахнул выстрел. Рядом материализовалась вторая крыса, еще более уродливая, чем первая. Раскрыв омерзительную пасть, она едва не ухватила клыками Дмитрия за икру. Кое-как устояв на ногах, я попытался отбросить ногой крысу, раздиравшую мой сапог, но та очень ловко увернулась, затем отпрыгнула куда-то в темноту.

Мы топтались на небольшом пятачке, в самом проходе, постоянно толкаясь и мешая друг другу. Эти твари перемещались невероятно быстро, то и дело, появляясь в самых неожиданных местах. Наконец, одна из них, извиваясь, оказалась совсем рядом. Изловчившись, и наступив отвлекшейся твари на облезлый хвост, я вскинул наполовину разряженный Макаров и выпустил три пули ей в голову. Лишь одна нанесла серьезный урон, раздробив обе челюсти. Две другие попросту срикошетили в разные стороны.

– Да что за череп у этой твари? – вскрикнул я, после чего с размаху дал мощного пинка прямо в бок бестолково вертящейся крысе. Мутант, едва контролируя свои движения, кое-как поднялся и, повизгивая, уполз куда-то под трубы.

У Дмитрия дела обстояли хуже. Сами не заметив, как разошлись в стороны, мы лишили друг друга поддержки. Крыса-переросток, бешено прыгая из стороны в сторону, умудрилась пару раз укусить парня за ногу, а после все-таки смогла запрыгнуть ему на спину. Выронив бесполезный автомат, он упал на пол, пытаясь отбиваться руками, но мутант несколько раз полоснул его острыми когтями по незащищенным рукам. Еще немного и тварь добралась бы до горла исцарапанного парня, но я вовремя подоспел на помощь. Последняя оставшаяся пуля прилетела ей точно в левый глаз. Мутант противно пискнул и, скорчившись, грохнулся на грязный пол.

Дмитрий устало опустился на пол, тяжело дыша.

– Ты как? – спросил я, помогая подняться.

– Ухватила пару раз, зараза. И руки разодрала. А в целом ничего.

– Эй, парни? Вы там живы? – из соседнего помещения послышался голос Кати.

– Да! Слезайте оттуда. Мы аптечку нашли.

– Боюсь, что теперь она и мне может понадобиться. Сыворотку противостолбнячную бы. И антибиотик посильнее. Мало ли что за гадость она могла мне в кровь занести. Видел эту гнилую пасть? Черт! Макс, там что-нибудь есть?

Расстегнув сумку, я сдул пыль и вывалил на парапет содержимое. Аптечка оказалась весьма неплохой. Тут было практически все: Перевязочный материал, антисептики, шприцы, таблетки, пузырьки и ампулы с какими-то препаратами. Все было тщательно и аккуратно запаковано. Похоже, Зимин не врал, когда рассказывал о достижениях медицины на объекте. Лекарства остались с тех времен. Вот только сроки годности…

– Все нормально, все есть! – довольно произнес я, ища нужную ампулу.

Из-за угла показались Катя и прихрамывающий Андрей. Он заметно побледнел и ослаб.

– Дело плохо, – устало пробормотал Дмитрий, увидев друга. – Ему помощь нужна.

– Я займусь им! – Катюха не мешкая, принялась за дело.

Спустя двадцать минут обоим раненым была оказана медицинская помощь. Я переживал, что Андрею может понадобиться переливание, так как он мог потерять много крови. Но этого не потребовалось.

Дмитрий, с перемотанными руками сидел на трубе, глядя на тело мертвого мутанта.

– Что с ними случилось? Как обыкновенная крыса превратилась вот в это?

– Не знаю, но вспоминая все ранее произошедшие события, а также разговор с полковником, я думаю, что тут ставили эксперименты с животными. И судя по всему – запрещенные.

– Да, вполне возможно. Такая мутация, без генетического вмешательства…

– Тихо! – прикрикнула Катя из соседнего помещения.

– Что там?

– На аванпосте кто-то есть. Я видела дрезину.

– Смена караула?

– Возможно. Или же нас ищут.

– Нас! Не удивлюсь, если это сам Зимин. Караульный говорил, что там дальше находятся какие-то гермоворота. Скорее всего, это и есть выход. Но Германов предупредил, что там не пройти. Наш маньяк-полковник об этом позаботился.

– Даже так? Вот сволочь!

– Чего он к нам так прицепился?

– Параноик.

– Для него дело принципа нас изловить, а затем замучить до смерти!

Мы тихо сидели у самой двери, стараясь не шуметь. Неприметный коридор, к тому же заваленный строительным мусором, где находился вход в бойлерную, никого не заинтересовал. Вооруженные солдаты минут десять бродили по территории, о чем-то переговариваясь. Затем они погрузили что-то тяжелое на дрезину и уехали. Скорее всего, патруль наткнулся на опустевший аванпост, осмотрел его и, сообщив командованию, погрузился на транспорт и тронулся дальше.

– Что будем делать дальше?

– Нужно еще раз наведаться на аванпост, найти еду. А то, уж извините, кушать охота!

– Согласен. Пока мы в изоляторе сидели… Нас с утра не кормили. Да и то, что давали – одни помои!

– Я схожу! Закройте дверь, а то опять крысы нагрянут.

Выбравшись из бойлерной и закрыв за собой дверь, я остановился в нерешительности. Справа – брошенный, но хорошо освещенный аванпост. А слева темный, полуразрушенный туннель, ведущий неизвестно куда. Линия освещения была проведена всего на десяток метров, да и то, из шести ламп уцелела только одна. Неудивительно, что патрульные сюда и носа не показывали. А крысы, судя по всему, были вовсе не редкими обитателями метро, просто мы на них наткнулись только пару раз. Проскочила и еще одна мысль, но я отмел ее сразу: Аванпосты нужны для того, чтобы если подобные твари собьются в стаи, дать им отпор и не подвергать опасности жилую часть

объекта. А были ли тут гражданские? Куда они делись? Куда делись все ученые, инженеры, рабочие? Неужели остались одни военные?

Пока я размышлял, ноги сами привели меня обратно к палатке аванпоста. Истекающего кровью сержанта тут уже не было, как не было и обгоревшего караульного и капитана. Оружия тоже не оказалось. Пропал даже пулемет из Дзота. Вот предусмотрительные, все, что можно забрали. Осмотрев палатку, я все-таки нашел под кроватью коробок с тремя начатыми сухими пайками. Проверив их, я пришел к выводу, что они вполне подходят для употребления в пищу. Также я нашел пару фонарей, фляжку и большой портсигар, набитый папиросами. Напившись воды из бочки, неизвестно откуда наполненной довольно неплохой водой, я двинулся обратно, захватив с собой во фляжке. Едва я зашел за угол, как из туннеля послышался шум. Притаившись, я успел увидеть, как мимо пустого аванпоста, с грохотом проскочили сразу две дрезины, с сидящими в них людьми. Куда они спешили? К гермоворотам или, наоборот, в главный бункер? Я так и не понял, в какую сторону нам нужно было идти.

Постучав по двери, я дождался, пока мне открыли. Основательно утолив голод, мы пришли к выводу, что сухие пайки довольно ценная вещь, с точки зрения походной кулинарии. По крайней мере, гораздо лучше, чем китайская лапша, современного производства. Девушка и раненые отдыхали, а я сидел на охране, на случай повторного появления уродливых крыс.

Через шесть часов мы покинули бойлерную. От тел профессора и караульных начал исходить неприятный запах, да и зловонная крыса уже дала о себе знать, источая дикие флюиды.

Свернув налево от аванпоста, мы двинулись вперед по слабо освещенному туннелю. Он плавно уходил направо, при этом практически незаметно поднимаясь вверх. Линия электропередач была уложена здесь весьма небрежно, о чем также свидетельствовало то, что более половины ламп не работало. Путевое полотно старое, уложенное еще на деревянные просмоленные шпалы, а на рельсах отчетливо видны следы оцарапанной ржавчины. Этим туннелем пользовались давно, по крайней мере, дрезины тут явно последние несколько месяцев не проезжали. Стены сложены из чугунных тюбингов, причем очевидно, что такой метод укладки был давно заменен на более современный.

– Мы точно идем правильно? – снова усомнился прихрамывающий Андрей. – Что-то тут совсем все уныло.

– Туннель старый, старее тех, по которым мы дошли до бункера. Это означает, что комплекс строился не сам по себе, а для него отдельно выводили свою собственную ветку. Это, судя по всему, она и есть!

– То есть, гермоворота на этой ветке должны перекрывать выход в остальной метрополитен?

– Думаю, да. Зимин говорил, что объект возводили во вторую очередь, а значит, вполне могли выдавать все это за строительство новых станций. Например, станций глубокого заложения.

– Тогда, эти самые гермоворота должны быть либо позади нас, либо впереди?

– Ага. Прожектор, как и шлагбаум, были установлены с акцентом на восток, значит, мы идем в верном направлении. По крайней мере, я так думаю.

– Макс, а когда мы доберемся до ворот, что дальше?

– Увидим! – я прекрасно запомнил слова Германова и его выражение лица, когда он сообщил мне о том, что лично полковник Зимин позаботился о безопасности гермоворот.

Это меня слегка пугало: сдвинутый на голову маньяк, такой как полковник, мог легко сотворить что угодно, благо в ресурсах он был почти не ограничен. И все же, что он придумал?

Метров шестьсот прошли в абсолютной тишине. Мы, не торопясь, шли, практически не разговаривая. На шпалах начал попадаться различный мусор, начиная от стреляных гильз, заканчивая пустыми консервными банками. Затем, на пути попались две мертвых крысы, нашпигованные свинцом – похоже проскочившие мимо дрезины с людьми оказались фатально – роковыми для не вовремя вышедших на охоту мутантов.

Далее, метров через триста туннель расширился вдвое, как увеличилось и число путей – до двух. На нем стоял древний метропоезд, представляющий из себя десяток грузовых вагонов с низкими бортами. Ну и собственно сам электровоз. Очень старой конструкции.

– Поезд? Здесь? – Дмитрий неподдельно удивился увиденному транспорту.

– А что тебя смущает?

– То, что он здесь стоит.

– Ничего удивительного тут нет. Я полагаю, что на нем доставляли все необходимое при строительстве объекта. Или вывозили землю, оставшуюся после рытья туннелей. Я что-то, пока мы ехали к ракетному комплексу, никаких холмов на поверхности не видел, а они должны были быть… При строительстве туннелей должно быть много породы, которую

нужно поднимать наверх. Значит, ее вывезли куда-то в другое…

– Ладно, ладно. Я понял! – перебил парень. – Но тогда, почему он все еще стоит здесь?

– Рискну предположить, что причина тому – гермоворота. Которые где-то впереди.

– Логично.

Метропоезд оказался довольно большим – я насчитал порядка двадцати вагонов. Все они пребывали в состоянии полного забвения. По современным меркам, этот состав, еще в конце прошлого века был старой рухлядью. А теперь и подавно. Сам электровоз также был морально устаревшим. Но было кое-что, показавшееся мне весьма интересным: кабина электровоза была оббита толстыми листами свинца. Это означало, что таким образом местные инженеры пытались ограничить воздействие радиации на машиниста. А зачем? Разве только для того, чтобы состав перевозил ядерное топливо? Например, отработанное. Нет, это вряд ли. А если, для того, чтобы поезд мог ездить там, где повышенный радиационный фон? Да, это больше смахивает на истину! А где здесь повышенный радиационный фон? Точно! Ядерный реактор.

– Эй, смотрите. Там что-то есть! – заметила Катя, шедшая чуть впереди.

– Что там?

– Похоже, это… Гермоворота!

– Да?

Тихо пройдя вперед еще метров триста, мы осторожно, прячась за стоящими справа и слева от путей ящиками, решили оценить обстановку.

Здесь, туннель снова пошел на расширение. Количество путей увеличилось до шести, а освещение заметно прибавило в мощности. Метров через тридцать, после расширения, были установлены несколько больших Дзотов, причем таких, что линия Маннергейма, отстраненно курила в сторонке. Все Дзоты связаны между собой бетонными укреплениями, установлены несколько полос спиралей Бруно, повсюду пулеметные точки, а у самого центра, даже была видна пара пушек, сорок пятого калибра.

Повсюду сновали люди, в основном все в военной форме. Но встречались и гражданские. Я насчитал около двадцати человек, хорошо вооруженных. После всех линий обороны, снова располагалась буферная зона, метров через тридцать от которой, в толще скалы находились большие гермоворота. Да что там большие – громадные! Не в пример тем, что мы видели ранее у *"Бункера № 17"*. Ворота были естественно закрыты, а также дополнительно усилены отдельными, внешними затворами. Судя

по их размеру – два состава разъехались бы без всяких стеснений. Только два пути вели к гермоворотам, остальные были тупиковыми. Один из них был заблокирован кучей хаотично сваленных бетонных плит. Через единственный оставшийся проезд был перекинут деревянный мост, по которому тоже перемещались вооруженные солдаты.

– Ну, дела блин! – прошептал Андрей. – Да тут целая армия. Преувеличиваю, конечно, но этот Зимин, что, псих?

– Псих! Мне хватило одной беседы с ним, чтобы это понять.

– Вот же ненормальный, а? Зачем такая охрана? Он что, все это ради нас организовал?

Нет! Вовсе нет. Гораздо раньше. Еще до катастрофы.

– Он боялся не столько проникновения, сколько наоборот, побега отсюда. Что же этот маньяк скрывает?

– Уж не знаю.

– Вы трепаться долго будете? Что мы будем делать? Как нам эти ворота открыть?

– А у меня другая идея! – Андрюха неожиданно чихнул, едва успев прикрыть рот. – Почему бы нам не вернуться старым путем?

– Что? Ну, уж нет!

– А что? Найдем веревки, вернемся назад и выберемся через тот же вход, а?

– Не получится!

– Почему?

– Паровая машина, что между метро и ракетным комплексом, рванула. Вход наверняка завалило. Да и вообще твоя идея – хлам! Я снова по вентиляциям и воздуховодам ползать – желания не имею!

– А, вот оно что…

– Назад – вариант даже не рассматривается.

– Так что будем делать?

– Макс?

– Что?

– Ты среди нас самый сообразительный.

– Да ладно? Ну, спасибо за комплимент, – фыркнул я, но все-таки смягчился. – Мы кто?

– Не понял?

– Кто мы? По словам полковника… Диверсанты, ведь так? Ну, вот и устроим маленькую диверсию.

– Какую еще диверсию?

– Устроим им еще одну аварию!

– Где?

– Там, где реактор у них…

– Ты серьезно?

– Разумеется. Он кстати, недалеко!

– Я что-то не видела никаких развилок, пока мы сюда шли. – Изобразив недоумение, пробормотала девушка.

– Туннель перед аванпостом, помните? Тот, где вход в бойлерную.

– Ну?

– Так вон он и ведет к помещению, где стоит реактор, причем так, что нас никто и не заметит. Около километра, даже меньше, и мы у цели. Я карту хорошо запомнил.

– То есть, ты предлагаешь вырубить реактор, а вместе с ним лишить освещения весь объект?

– Не весь. Западная часть и так вся на дизельных генераторах. Если помните, то та часть была не достроена. Основную линию электроэнергии от реактора не успели перекинуть.

– А дальше что?

– А дальше, под шумок мы хватаем любую свободную дрезину и рвем когти к гермоворотам. Без освещения мы проскочим мимо всей этой полковничьей армии.

– А что им помешает использовать дизеля?

– Их тут нет. – Мне хотелось верить, что это было так, ведь я ни одного не видел.

– Так, ну допустим. Макс, а как мы откроем гермоворота?

– На месте придумаем! – улыбнулся я, спешно соображая, как же их, черт возьми, все-таки открыть?

До брошенного аванпоста добрались без проблем. Правда, по пути обнаружилось, что тела расстрелянных ранее крыс куда-то пропали, но какой смысл об этом переживать?

Еще раз, осмотрев палатку, я с удивлением обнаружил в полу деревянного настила малоприметную дверь. Открыв ее, мы увидели короткую выдвижную лестницу, ведущую на небольшой склад. И хотя места здесь было совсем немного, кое-что там все-таки хранилось. Согнувшись вдвое, на корточках, я, обследовав склад, нашел несколько комплектов военной формы, больше смахивающих на комбинезоны, ватники, бушлаты. Нашлись и две пары неплохих ботинок с высоким берцем, а также комплекты РХБ защиты, в виде плащей, перчаток и сапогов… И даже противогазы.

Оружия тут не оказалось, но мы и так уже были обладателями двух трофейных Калашниковых, и одного Стечкина принадлежавшего мертвому капитану. Патронов немного, но и то хорошо.

Я быстро сбросил бесформенную, грязную рванину, которую напялили на меня, едва его величество Зимин, потребовал меня к себе… Комбинезон пришелся почти по размеру, хотя был не самым удобным. Их хватило не всем – Андрюха ни в один не влез, будучи слишком широким в плечах. Катя же наоборот, выглядела слишком комично, провалившись в него чуть ли не с головой… Махнув рукой, девушка с досадой залезла обратно в свой старый пейнтбольный костюм. Димка не упустил возможности поглазеть на ее упругую полуобнаженную задницу. Мы с Андреем, в общем-то, тоже.

– Чего вылупились? – девушка это заметила.

– Да так…

Никто больше ничего не сказал, мы просто продолжили одеваться, нагло улыбаясь.

– Так-то лучше! – у меня даже настроение поднялось, когда я не только переоделся, но и переобулся. От кирзовых сапог дико болели ноги. Дмитрий был со мной солидарен. По крайней мере, насчет одежды точно.

– Куда дальше? – спросил Андрей, пережевывая вяленую говядину, найденную в одном из сухих пайков.

– Туда! – я ткнул пальцем в темный туннель, где была видна приоткрытая дверь бойлерной.

– Света нет. – Заметил Дима, подойдя к границе освещения последней уцелевшей лампы.

– Дальше как, на ощупь?

– У нас два фонаря есть. Вроде живые еще.

– А, ну тогда без проблем! Света есть! – фыркнул все еще бледный Андрей, не потерявший чувство юмора.

Едва мы вошли в туннель, сразу поняли, что идея идти по нему может и была хороша, но ровно до того момента, пока мы в него не вошли. Он был не достроен. А еще оказался узким, не шире полутора метров. Пол лишь частично и то местами, залит бетоном – в остальном был заложен лишь каркас из металлических прутьев арматуры и проволоки. Идти через это было невероятно сложно, ноги то и дело застревали в дырах.

Сверху тоже постоянно попадались недостроенные арки, выступы и просто торчащие прутья арматуры. Разбить голову, набить шишку – раз плюнуть! Почти все было затянуто пыльной паутиной, хотя самих пауков никто из нас так и не увидел. Но даже это было не самым страшным: Ближе к середине пути, прямо в углубленной бетонной нише куда-то в стену уходила магистраль отопления. Толстые горячие трубы нагревали воздух так, что мы взмокли уже на третьей минуте нашего крестового похода. А на сладкое – у стены, наверное, для гидроизоляции,

лежали подготовленные блоки смолы. Ну, то есть уже не блоки, а бесформенные вязкие лужи. От высокой температуры вся смола растаяла, залив значительную часть пола. Подошвы ботинок прилипали, отлипали, а за ними тянулись целые клочья растопленной массы. Нет, это была не совсем смола, а что-то на нее очень похожее. Кто ж знал, что так получится?

Я ругался мысленно. А вот Андрюха с Катей – это отдельный эпизод. Чего я только от них не услышал.

Через полтора часа такой экскурсии, мы, прокляв всех родственников строителей, по какой-то причине не закончивших свою работу, наконец-то выбрались из узкого туннеля. Попадав на пол, мы, мокрые от пота, несколько секунд просто лежали, тяжело дыша, приходя в себя. Перегрелись – факт. Голова кружилась, тошнило. А лишь спустя минуту, увидев, куда нас занесло, я медленно поднялся и удивленно присвистнул. На *"Астре"* действительно был атомный реактор, и сейчас он располагался в прямой видимости от того места, где мы отдыхали. Да не просто реактор, а целый зал, специально оборудованный для такой сложной конструкции. Вот только освещен он был просто ужасно.

Естественно созданная подземная полость была существенно расширена и углублена, но уже руками человека. Шириной метров двадцать и длиной вдвое больше, при высоте около пяти метров, пещера была буквально обвешана трубами, проводами, различными аппаратами неизвестного назначения.

Слева стоял внушительный турбогенератор, справа насосы. Но не на это нужно было смотреть! Нашему взору предстал круглый железный объект, в два метра высотой, в самом центре пещеры. Это была двойная крышка бетонной банки реактора, внутри которой находилась активная зона, ядерное топливо и щит управления. Реактор, по своей конструкции был экспериментальным. В стене имелась железная дверь, со стеклянным иллюминатором. Сейчас, она была приоткрыта, а из щели торчала подведенная внутрь резиновая труба. Интересно, зачем?

– Это что, реактор? – спросила Катя.

– Ага, он самый. И помещение… Конструкция нетипичная, как у реакторного отсека, на советских подводных лодках.

– А ты был на советской подводной лодке?

– Нет, но читал про них.

– Где?

– В энциклопедиях. Старых. Не помню уже.

– Есть хоть что-то, о чем ты не читал? – фыркнул Андрей, но тут же замахал руками. – Не надо, не отвечай!

– Что будем делать? – Дмитрий с опаской смотрел на реакторную установку.

Читать-то я про них читал, а вот книг, в которых написано как своими руками устроить аварию реактора, я что-то не увидел. Если такие вообще существуют. Это ведь не двигатель внутреннего сгорания, тут воды в бензобак не нальешь и гаечный ключ между шестеренками не засунешь. Стоп! А как же система охлаждения!?

Я напряженно оглянулся на туннель, из которого мы попали сюда. Догадка проскочила в моей голове слишком поздно. Труба, которую мы изначально приняли за магистраль отопления, по факту оказалась трубопроводом, отводящим из реактора кипящую воду… Ее гнали насосы, а параллельно, из другого места, в реактор закачивалась остывшая вода. Значит, есть и резервуар-охладитель, откуда холодная вода поступает в активную зону. Нужно найти и вывести из строя главные циркуляционные насосы…

Я поразился тому, что все еще помнил строение атомного энергоблока. Правда, лишь на примере Чернобыльской АЭС. Лет пять назад, меня настолько заинтересовала тема с самой крупной техногенной катастрофой на Земле, что пришлось перечитать массу литературы. Нет, я, конечно, далеко не физик-ядерщик, но общее представление имел. Хотя, разумеется, я во многом могу ошибаться. Наверное, вы сочтете меня спятившим, который решил собственноручно устроить аварию на ядерном реакторе. Да так меня и к террористам можно смело приписывать. Но тогда, я этого не понимал. Просто требовала ситуация.

– Что мы будем делать? – повторил вопрос Дмитрий, посмотрев на меня.

– Нужно выбрать, либо насосы, либо турбогенератор. Главное, конечно, ядерную катастрофу не спровоцировать.

– Вон там, это что, насосы? Или турбогенераторы?

– Насосы.

– А что с ними не так?

– С ними все так, а вот мы их как раз и выведем из строя.

– Макс, ты уверен?

– Да! Не парьтесь, Чернобыль тут не повторится.

Однако стоило нам обойти корпус реактора, как мы сразу увидели второй. Точно такой же. Но в отличие от первого, этот был поврежден, судя по всему в результате небольшого взрыва. Из трещин в корпусе поднимались белые столбики дыма. Рядом со вторым реактором суетились несколько человек, облаченных в костюмы противорадиационной защиты.

– Черт! – прошептал я. – Аварийный реактор!

Между тем, люди в костюмах прокладывали какие-то толстые пластиковые трубы, крепили неизвестные устройства, бегали между ними. О том, что возможно, тут, в реакторном зале, утечка радиации, я даже не подумал…

Глава 20. Павел

Едва первые сведения об аварии на реакторе дошли до кабинета полковника Зимина, а электричество начало периодически вырубаться, как майор Доронин тут же прибыл к начальнику. Как раз в этот момент задержанных диверсантов отправляли обратно в камеры. Тот, что попал под действие психотропного воздействия, вел себя совсем странно – как-то задумчиво, даже несколько отстраненно шел туда, куда его вел сержант – охранник. Майор бросил проходящему мимо сержанту лишь один вопрос:

– Куда его?

– К Германову, на опыты!

Доронин кивнул, прошел мимо и постучав в дверь, выждал паузу, а затем быстро вошел в кабинет полковника.

– Товарищ полковник, я прибыл.

– Вижу! – хмыкнул тот, натягивая свой уникальный костюм, сделанный по спецзаказу. Смесь противорадиационной защиты, причем, весьма неплохой, вкупе с боевой экипировкой, усиленной тяжелым бронежилетом, мощными экзоскелетными вставками и штурмовым шлемом. Полковник гордился им, а капитан естественно завидовал. Его штурмовое снаряжение тоже было не из плохих, но до полковничьего не дотягивало во всех смыслах.

– Авария на реакторе?

– Именно! – как-то странно скривившись, произнес Зимин. – Что скажешь?

– Диверсанты постарались?

– Они. Я знал, они появятся здесь, рано или поздно. Тридцать лет ждал.

– Мы же взяли их на складах – до реактора они не добрались. Так как же они спровоцировали бы аварию? – Доронин пытался понять, но у него не получалось. Чего-то не хватало.

– Этих поймали. Других – нет, – как-то рассеянно отмахнулся Зимин. – Вот они аварию и устроили, а сейчас еще где-нибудь в туннелях бродят.

– Ну, если только так. Тогда ладно.

– Что ладно?

– Да что-то не сходится. Объяснение… – Доронин хотел выразить свое видение ситуации, с учетом нестыковок, но напоровшись на тяжелый взгляд Зимина, опешил: – Виноват, товарищ полковник. Это не мое дело.

– Хорошо, вот это хорошо. – Полковник, наконец-то справился с комбинезоном. – Значит так, бери с собой взвод Теплова, да своих волкодавов не забудь. Вооружи бойцов как положено и грузитесь на дрезины. Лично, повторяю, лично проконтролируй… Так! Как прибудете, максимально укрепите подходы к дальним гермоворотам, да так, чтобы мышь не проскочила! Не дай бог кто-нибудь из этих уродов… В общем, ты понял? Не пропускать никого. Удерживать точку!

– В случае прорыва?

– В любом случае! Это секретный объект. Статус секретности никто не отменял. Никто не должен вынести секреты *"Астры*" на поверхность. Там враг! Ты понял, майор?– Более чем!

– Я не понял!

– Так точно, товарищ полковник!

– Иди, Доронин.

– Есть!

Майор вышел из кабинета, шумно выдохнул, хотел закурить, но не решился дымить под дверью начальника. Секунду поколебавшись, он двинулся в казарму. Его “волкодавы” были готовы – бесспорно. Но зачем ему взвод капитана Теплова – эти недисциплинированные отморозки слишком уж неуправляемы. Какой толк от таких солдат? То ли дело его элитные бойцы – лучшие из лучших. Хорошо обучены, с отличной экипировкой и вооружением, послушны и адекватны. Хотя, конечно, опыта у них не много… Как-никак тренироваться приходилось лишь на крысах-мутантах. Ну и на недовольных во времена бунтов.

Про гермоворота он, конечно же слышал, даже бывал там пару раз. В связи с окончанием строительства основных объектов "*Астры",* их закрыли в 1973 году и больше не открывали. В середине 1987, после инцидента их серьезно модернизировали, но так и не открыли. Не смогли наверное. А в середине двухтысячных полковник лично собрал команду инженеров, отправил их на объект с каким-то секретным заданием. Месяц спустя они необходимую работу закончили, да только в результате странного несчастного случая, все как один погибли при пожаре.

Был еще недостроенный ракетный комплекс, на западе. Согласно имеющейся информации вход оттуда в *"Астру"* был намертво перекрыт чем-то… Доронин что-то слышал о стоявшей там паровой машине, но не верил, в ее реальное существование. Вроде как первые группы строителей, которые вели ту ветку, получили приказ поставить там надежное долговечное устройство для того, чтобы отрезать сам комплекс от секретных линий метрополитена. Ту часть возводили в последнюю очередь, и чего

там понастроили одному богу известно. Да и вообще, та, западная часть была очень странной – ни один объект не проработал и десяти лет. Людей эвакуировали за несколько месяцев до бойни 1986 года. Разумеется, оттуда диверсантов не ждали… Нет, конечно, сам полковник может и допускал такой вариант… Хотя, та группа из Министерства пришла именно из ракетного комплекса, а не через гермоворота. Странно, да?

Доронин неожиданно поймал себя на мысли, что он думает совсем не о том – а как же задание? И снова переключился, но уже в другом направлении: В лаборатории бункера все еще находился источник психотропного воздействия и вот ведь загвоздка – пока не спустишься к проклятой яме, дверь повторно не откроется. А попав под воздействие, человек чаще всего просто сходил с ума. Спустя десять лет, вскрыв входные ворота в бункер, первые разведчики попали в ловушку. Какое-то устройство не давало им выйти. А значит, оттуда никто не должен был выбраться… Но один все-таки выбрался и рассказал об этом руководству.

Позднее, некоторые разведчики, с помощью примочек Германова научились подходить к скважине, и выбираться оттуда живыми. Но, разумеется, лишний раз туда соваться никто желания не имел, да и сам Зимин на этом не настаивал. Тогда как же прошли эти молодые диверсанты?

Майор Доронин был уже не молодым офицером, но и он в силу своих лет события 1986 года не захватил, так как тогда был всего лишь тринадцатилетним пацаном. Во время бойни потерял обоих родителей. Как и многие его ровесники, большую часть детства, с друзьями изучал близлежащие туннели, ходы, шахты, воздуховоды и вентиляционные коридоры. А чем еще подросткам заниматься в изолированном военном объекте?

Отец, образцовый советский офицер, многому его научил. Стоп! Хватит уже… Майор отмахнулся от накативших мыслей! Оказывается, он уже десять минут отстраненно топтался у входа в казарму, почему-то не торопясь заходить внутрь.

Выкурив папиросу, Доронин сплюнул, вошел в казарму, при этом сразу же отчитав нерасторопного дежурного. Пора собирать людей и выдвигаться к гермоворотам…

-Эй! – негромко прикрикнул Андрей, беря на прицел людей в защитных костюмах. – Тихо! Руки вверх!

Они прекратили работать и обернулись. Трое из пяти неуверенно подняли руки, двое других продолжали стоять, не предпринимая никаких действий. Дмитрий и Андрюха подошли ближе, не спуская их с прицела – неизвестно чего можно от этих людей ожидать.

– Здесь есть радиация?

– Да, незначительная, – сухо произнес один из них, стоящий первым, сняв шлем защитного костюма.

– Кто вы такие?

– Инженерная команда обслуживания энергоблока. Я главный инженер Шульгин, – человек со снятым шлемом скривился. – Мы знаем кто вы такие. Как вы сюда попали? Снаружи полно охраны!

– Неважно. Что вы тут делаете?

– Пытаемся заглушить реактор номер два. Этот реактор в аварийном состоянии, а линия резервного охлаждения первого реактора сейчас работает в критическом режиме, на оба реактора.

– Что случилось с этим реактором?

– Вам виднее! – язвительно ухмыльнулся другой. – Ведь ваших рук дело!

– Мы не имеем никакого отношения к этой аварии, – воскликнула Катя.

– А, ну да, конечно. Диверсанты проклятые! – тихо произнес кто-то из инженеров, но так, чтобы мы обязательно услышали.

– Задрали вы уже со своими диверсантами! Нас совершенно не парит, верите вы нам или нет. – Недовольно парировал Андрей. – А вот костюмы, да, будут весьма полезны. Раздевайтесь!

– Что?

– Раздевайтесь!

Инженеры медлили.

– Что-то не ясно? Снимайте костюмы!

– Зачем они вам?

– Загорать будем! – пошутил Андрей. – Снимайте костюмы!

– Вы в своем уме? – возмутился Шульгин, не поняв тонкого юмора. – Вы не осознате… Реактор не стабилен, а второй хоть и заглушен, но процессы деления в нем продолжаются. Если температура превысит девятьсот градусов, произойдет разрушение активной зоны.

– И что?

– Взрыв. Ядерный взрыв. – Голос Шульгина задрожал. – Мы не можем отдать вам костюмы, так как сейчас мы прокладываем вторую резервную линию. Тут повышенный радиоактивный фон. Внутри блока в разы выше. Без костюмов полчаса – верная смерть от лучевой болезни.

– Других костюмов нет?

– Нет.

Неизвестно чем бы закончились попытки завладеть костюмами противорадиационной защиты, если бы в следующее мгновение внутри первого реактора не раздался глухой, мощный хлопок. Замерцали лампы освещения. Трубопровод, проложенный

по полу, треснул, сорвало крепление. Лопнул один шланг, затем второй. С корпуса ГЦН слетело несколько боковых заклепок, внезапно повалили густые клубы белого пара. Внутри что-то загорелось. Вновь вспыхнули красные лампы аварийного освещения, завыла сирена.

– О нет! – простонал главный инженер, сделав пару шагов вперед. – Опять!?

– Что это? Что происходит?

– Разрыв основного контура охлаждения первого реактора! Резервный контур не выдержит.

И словно в подтверждение его словам, из-под выходящих из корпуса труб, брызнули плотные струи кипятка…

– Если мы так и будем стоять, реактор закипит и тогда все тут взлетит на воздух! – главный инженер, заметно нервничая, смотрел мне прямо в глаза, ожидая моего решения.

– Мы должны запустить систему продувки, это остановит процесс.

Я молчал. С одной стороны, то, что мы хотели совершить, произошло само собой – реактор вышел из строя сам, второй доживал последние мгновения. И при этом мы даже ничего не сделали. Вот, вот произойдет авария, и чем она грозит – никто не в силах предсказать. Да и уходить нам пока ещё некуда… Если произойдет взрыв, до гермоворот мы можем просто не добраться. Я медлил.

– Так что?

– Давайте! – разрешил Дмитрий, не став дожидаться моего ответа. – Идите!

Корпус реактора, в таком состоянии, выглядел, словно адский котел окутанный паром, в свете аварийных ламп, жуткого воя и шипения. Само осознание того, что совсем рядом, буквально под носом находилось опасное, нестабильное устройство, источающее смертельное излучение… Это страшно. А что творилось внутри – одному главному инженеру известно. И то не факт! Вся команда бегом бросилась к первому реактору – кто-то внутрь, кто-то к насосам.

– Уходим отсюда! – крикнул я, однако из-за шума, меня едва услышали. – Здесь опасно. Нечего тут больше делать.

Возвращаться обратно тем же путем, каким мы сюда добрались – было бы глупо. Мы теряли кучу времени, да и если Шульгин со своими умельцами не справятся, последствия могут быть весьма печальными.

Между первым и вторым реактором были проложены рельсы, которые вели к большим, массивным воротам. Они были закрыты, но рядом с ними находились другие – значительно меньше.

Сейчас они были открыты, а у входа в реакторный зал неуверенно топталась охрана, светя по сторонам фонарями. Паром быстро затянуло все вокруг, что свело видимость к нулю и позволило нам незаметно добраться до стоящих у ворот на запасных путях дрезин. Едва мы добрались до них, раздался еще один громкий хлопок – снова в реакторе. А когда со стороны ядерных агрегатов послышались дикие вопли и сквозь стену пара показались бегущие к выходу инженеры, стало понятно – они не справились.

Эти небольшие реакторы не обладали большой мощностью, но и они в случае аварии представляли серьезную опасность. На стоящих грузовых дрезинах аккуратно лежали ящики, коробки, контейнеры. Я нашел лишь одно объяснение этому – все ценное, что было в реакторном зале, заранее уже погрузили на транспорт, с целью запечатать реакторный зал и похоронить вышедшие из-под контроля источники энергии навсегда. Весьма толково.

Вот только зачем инженерами было принято странное решение так рисковать, объединяя системы охлаждения реакторов, один из которых уже был аварийным? Рискнув, они получили два неуправляемых реактора, тем самым спровоцировав техногенную катастрофу. Зачем? Впрочем, эти мысли пронеслись в моей голове уже значительно позже, когда реакторный зал уже был безнадежно погребен под толщей рухнувшего свода и породы.

Охрана продолжала бестолково толпиться у входа. Свет погас окончательно. Сирена выла не переставая.

– Открывайте ворота! – кричал Шульгин, подбегая к выходу. – Выводите дрезины! Быстро, быстро!

Но охрана и рабочие почему-то медлили. Паника начала набирать обороты.

Наконец, тяжелые ворота приоткрылись – судя по скорости процесса, их открывали вручную. Первая дрезина, управляемая неизвестно кем, тронулась с места. За ней вторая.

Мы незаметно спрятались на грузовой платформе соединенной с последней, самой дальней дрезиной. Загруженная под завязку, она в довершение ко всему была накрыта длинным брезентовым полотном. Не составило никакого труда тихо разместиться под тентом.

Шум вокруг усиливался. Раздавались крики, вопли. Что-то скрипело. Дрезина вздрогнула, дернулась, а затем медленно пришла в движение. Осторожно выглянув из-под края полотна, я увидел, как она медленно проходила через массивные ворота реакторного зала. Почти вся охрана спешно грузилась в другой транспорт, стоящий на запасном отрезке пути. Царила суматоха, паника. До нас вообще никому не было дела. Если Шульгин или

кто-то из его команды и успел предупредить охрану о нашем появлении, то в данный момент о нас попросту забыли. Если же нет, то никто и не в курсе. Кстати, о самом главном инженере. Он и двое его подчиненных, со снятыми шлемами, вручную, спешно закрывали ворота. Сам Шульгин что-то крутил у большого механического аппарата стоящего у самых ворот, который, похоже, должен был как-то запечатать аварийный реакторный зал.

Внутри снова что-то негромко взорвалось – реакторы, по-видимому, еще были целы. Дрезина потихоньку начала набирать ход, но затем резко затормозила. Часть ящиков и контейнеров слетело с грузовой платформы, при этом, едва не раздавив Дмитрия. От неожиданности, я едва не упал на рельсы, но кое-как удержался, при этом успел увидеть причину резкой остановки. Наша дрезина почему-то пропускала вперед себя транспорт с охраной. Наверное, обезумевший машинист не пожелал пропускать тяжелую грузовую дрезину, поэтому резко дал газу и перегородил нам дорогу. Пропустив ее, мы снова тронулись. Через несколько секунд я увидел бегущих за транспортом инженеров. Не успев забраться на транспорт, они полезли на нашу платформу. С большим трудом забраться удалось только Шульгину, остальные еще пытались догнать нас, но тщетно. Их просьбы перешли на гневные вопли, затем сменились угрозами… В конце концов, они пропали из виду.

В самом туннеле аварийных ламп уже не было – его поглощала тьма. Единственный фонарь, установленный на дрезине светил только вперед. Через полминуты, позади, раздался глухой взрыв – стены, свод туннеля и путевое полотно содрогнулись. Почти сразу раздался и второй взрыв. Часть свода обрушилась, по стенам поползли трещины. Мгновенно, по туннелю прокатилась ударная волна, вкупе с плотным воздушным потоком, горячим паром и пылью. Брезентовое полотно подбросило в воздух, после чего оно зацепилось за торчащие из стен штыри, да там и осталось.

Дрезина резко прибавила ходу. Шульгина едва не сбросило с платформы, но его удачно поймал за ворот комбинезона Андрей. Инженер, кое-как обернувшись, с ужасом уставился на него, а увидев и остальных, в панике замахал руками, пытаясь высвободиться. На пути начали попадаться камни и обломки бетона. После второго взрыва, дрезина едва не сошла с рельс, но грузовая платформа все-таки сорвалась со сцепки и, слетев с пути, перегородила туннель. Половина содержимого со страшным грохотом попадала на путевое полотно. Пылью затянуло все видимое пространство. Совсем рядом рухнула еще часть свода. А

затем, фонарь расплющило обломком и свет погас окончательно.

Машинист, оказавшийся молодым парнем, сумел раздобыть фонарь. Первый луч света с большим трудом разрезал плотную завесу пыли. Хрипло крикнув что-то, он тут же закашлялся – нечем было дышать. Со всех сторон слышался шум, скрежет, шорох. Я тоже нащупал фонарь, оставшийся в кармане после путешествия через недостроенный туннель. Кое-как разыскав остальных и выбравшись из-под завалов, мы расположились у края лежащей на боку грузовой платформы.

Прошло около получаса с момента аварии. Весь туннель, ведущий к реакторному залу, теперь представлял собой хаотичную гору разнокалиберных обломков бетона, камней и земли. Платформа лежала на боку, а по периметру ее окружали ящики и контейнеры, часть из которых была раздавлена. Густые клубы пыли мешали обзору, даже спустя столько времени. Дышать было тяжело, то и дело кто-нибудь из нас кашлял. Все были целы, лишь Кате придавило ногу ящиком, да Дмитрию оцарапало затылок обломком. Самому Шульгину перебило обломком сухожилие на левом локте, поэтому теперь, главный инженер, морщась от боли, сидел, обнимая собственную руку. Немного позднее он повесил ее на импровизированную перевязь.

Машинист, увидев свет, сам двинулся к нам на встречу. Мы, одетые в военные комбинезоны, покрытые густой пылью, сначала не вызвали у него никакого подозрения – он принял нас за охрану. Когда же он все-таки рассмотрел стволы автоматов и сидящего на ящике Шульгина с пистолетом у виска, парень остолбенел.

– Тихо! Ты кто такой?

– Я… водитель… Машинист этого… этой… – парень, заикаясь, указал на сошедшую с рельс дрезину. Уж он точно не ожидал встретить тут тех самых диверсантов, о появлении которых, уже сутки ходили нехорошие слухи.

– Понятно. Слушай внимательно. Мы тебе не враги. И уж вовсе никакие не диверсанты, как утверждает ваш чокнутый полковник Зимин. Но да, мы здесь чужаки. Поможешь выбраться – не тронем.

– Я понял. – Пробормотал парень, покосившись на Шульгина. А с ним что?

– А что с ним? Как, что? Расстрелять! – с каменным лицом пошутил Андрей, но затем продолжил уже более сурово. – Он же только что учинил техногенную катастрофу.

– Что? – возмутился Шульгин. – Да я…

– Ой, заткнись уже! Не до тебя. – Устало пресек его Андрей.

Шульгин гневно сверкнул глазами. На долю секунды пропало

ощущение того, что этот человек смертельно напуган. Возможно, если бы среди нас был психолог, он бы смекнул, что главный инженер – хороший актер. Впрочем, подобная догадка все-таки посетила одного из нас.

– Ну что, главный инженер?! – Дмитрий присел рядом с ним. – Что-то ты молод! Сколько тебе? Сорок? Тридцать семь?

– Тридцать пять.

– Не слишком ли ты молодой, для такой серьезной должности, а? Как-то странно.

– Ничего странного тут нет. Кадров не хватало, вот и назначили!

– Да? Ну, тогда, ладно. Так, что вы там натворили?

– Где?

– В реакторе.

– В смысле?

– Ну не сам же он взял и вышел из строя. Причина же есть?

– Вы мне скажите… – заикнулся Шульгин, но Дмитрий дал ему пинка в колено. Тот завопил от боли.

– Хорошо, я не гордый, спрошу еще раз. Что вы сделали с реактором? Ты главный инженер комплекса…

– Мы пытались устранить последствия вашего…

Хрясь! Андрей не сдержался. Хороший удар прямо в челюсть инженер заслужил. И получил.

– Шульгин! Не делайте из нас дураков… Почему внутри зала не было охраны? Вы были предоставлены сами себе, почему? Вы вовсе не пытались разобраться в проблеме. Реакторы были старые, их давно пора было списывать.

– Так они не единственные на объекте! – вдруг негромко произнес машинист, пристально наблюдая за Шульгиным.

– А? Повтори, что ты сказал?

– Есть другие реакторы. Этот блок – запасной.

– О! Даже так?

Шульгин молчал, гневно посматривая на машиниста.

– Тогда наводящий вопрос, а что вы делали с запасными реакторами? И почему же тогда один из них был аварийным?

– Вам виднее. Вы же постарались…

– Я тебе сейчас еще по морде дам! – ласково пообещал Андрей.

– Не надо. Ему хватит. Я расскажу,– машинист снова подал голос.

– Ну, давай, просвети нас.

– Он не главный инженер. И вообще не инженер.

Шульгина от его слов аж передернуло.

Даже мне стало интересно. Какой неожиданный поворот…

Определенная теория уже успела поселиться в моих мозгах еще тогда, когда мы только распрощались с ним в первый раз, когда эти инженеры бросились исправлять аварию первого реактора. Почему-то, каким тридесятым чувством, я уловил что-то странное… Я сел на перевернутый контейнер и, посветив фонарем в лицо инженера, который был вовсе не инженер, спросил:

– Рискну предположить, что ты, кем бы ты ни был на самом деле, здесь по приказу полковника Зимина, так?

Шульгин молчал, а я тщательно подбирал слова, пытаясь правильно выразить свои мысли.

– Значит, да. Ну, раз ты хочешь молчать, я продолжу. Ваш начальник – псих. Он – параноидальный маньяк Зимин, не дождавшись появления реальных диверсантов, решил создать своих?

Шульгин вытаращился на меня, несдержанно ухмыльнулся, но ничего говорить не стал. О, он-то знал истину.

– Когда мы тут появились, ты уже получил команду провести саботаж реактора, так ведь? Конечно – так. Рискну также предположить, что настоящий главный инженер был отстранен совсем недавно. Одно событие легло на другое. Авария произошла тогда, когда мы сидели в камерах. Авария спровоцированная тобой! Занятно. Но непонятно, для чего?

– Чушь! – выдохнул Шульгин.

– Нет, не чушь! Все это издержки больного разума вашего полковника. Для чего сейчас – я пока не понял. Но тридцать лет назад… Он и группа других лиц, хотели что-то провернуть перед тем, как вы откопали ту дыру на полигоне… Да только все пошло не по плану. Группа, в панике вызванная с поверхности и прибывшая сюда, явилась вовсе не для помощи пострадавшим. Наверху возникли вопросы, да? Они поняли, здесь что-то не так! Верно?

– Чушь! – снова повторил Шульгин. – Вы ничего не докажете. Да и отсюда не выберетесь никогда!

– А-ха-хах! – я дико расхохотался. – Ну да, ну да! Значит, все примерно так и было, да?

– Макс? – Катя осторожно взяла мою руку. – Ты в порядке?

– Все нормально. Я просто поражаюсь тому, что за необыкновенный человек этот Зимин. Стратег и безумец в одном флаконе. Сопоставляя факты, я предполагаю большую кучу фекалий. И эта куча продолжает расти.

Машинист ошарашено смотрел то на меня, то на Шульгина. По его округлившимся глазам было понятно, что сказанное мной – для него шокирующая новость. А поведение Шульгина тому

подтверждение. Он вел себя совсем не так, как если бы он реально был не виновен. Гениальный актер. Хотя нет, не гениальный. Прокололся все-таки.

– То, что они сказали… Это правда? – осторожно спросил машинист у Шульгина.

– Что? Нет! Отвали. Ты лишь машинист дрезины… Какое тебе дело до… А!

– Ах, ты сволочь! Значит – все правда? Так это ты устроил аварию… Мы всегда догадывались, что в той агитации до бойни, что-то было не так… Слишком рьяно товарищ Зимин агитировал молодое население *“Астры”*… Слишком упорно. Диверсанты… Диверсия в 1986 году. Саботаж, предательство… Твари! А ведь мы верили. Та бойня тоже по его инициативе, да?

Парня прорвало. Что ж, я тоже ошибся. Не так уж все гладко в этом подземном обществе. Не у всех промыты мозги. Не у всех полковник Зимин вызывает восторг. Слушаются, работают. Но молчат. Частично – Советский режим, что уж тут говорить.

Шульгин молчал, злобно сверкая глазами.

– Как тебя зовут? – Дмитрий спросил машиниста.

– Павел. Павел Караваев.

– Павел, меня зовут Максим. – Обратился к нему я. – Это Дмитрий и Андрей. Девушка – Катя. Возможно, мы не намного старше, чем ты, но не суть. Вас долгое время водили за нос. Мы обычные студенты, спортсмены, попали сюда непреднамеренно. Мы никакие не диверсанты.

– Я и не верил никогда в них. Нам так говорили.

– Это хорошо. Так проще общаться, если нет этих глупых предрассудков о коварных диверсиях.

– Но объект засекречен! Как объяснить ваше пребывание здесь?

– Мне тоже интересно, – дерзко поинтересовался Шульгин.

– Ты вообще заткнись! Нас в последнюю очередь волнует, что там тебе интересно.

– Конечно. Закономерный вопрос. – Я уже знал, как правильно отвечать. – Вильгельм Штрасс, знаешь кто это?

– Конечно. Это один из членов комиссии, прибывших сюда для расследования инцидента произошедшего на полигоне. Зимин как-то случайно проговорился, что это по его вине все сотрудники семнадцатого бункера сошли с ума. Они что-то сотворили с тем, что нашли в скважине. Тогда началась настоящая бойня. Он и несколько его товарищей, после того как бункер был захвачен, бежали на поверхность через западную часть комплекса. Он единственный, кому тогда удалось выбраться.

– Ага… Ну, понятно. Этот Штрасс тоже темная лошадка. Так вот, именно из-за него мы тут. Он перекрыл нам выход. Мы украли у него дневник, а он запер нас в недостроенном на поверхности ракетном комплексе. Нам не осталось ничего другого, как искать другой выход. Так мы и оказались здесь.

– Этот Штрасс еще жив… Я знаю, что до событий 1986 года, они с полковником были как-то тесно связаны.

Шульгин снова презрительно ухмыльнулся.

– Да? Что именно его связывает с Зиминым вопрос крайне интересный, – я принял это к сведению. – Павел, мы знаем, что из этого комплекса есть выход. Гермоворота, на востоке.

– Да, выход есть. Но насколько я помню, там всегда было полно охраны. Тем более, сейчас.

– Эй, ты! Машинист Павел. – Надменно произнес Шульгин. – Ты смотри шире, с врагами ведь общаешься! Лихо эти граждане внушили тебе о своей невиновности…

– Заткнись Шульгин! – Андрей бросил в него небольшой камень. – Павел, не слушай его. Их афера длиной в тридцать с лишним лет – скоро вскроется…

– Профессор Германов говорил, что полковник приказал перекрыть выход. Как именно?

– Германов? Где он? С ним все хорошо? – неожиданно Караваев как-то заволновался.

– А что? Кто он тебе?

– Он мой дядя. Что с ним?

– Дядя… Черт. Паша, у меня для тебя плохие новости, – я не захотел говорить правду о том, что его дядя предпочел самоубийство, нежели просто поведать нам истину. – Его крысы загрызли. В вентиляционной шахте.

– Что? Нет, не может быть! Вы это видели?

– Да. Вон, у меня тоже все ноги покусанные. – Дмитрий показал грязные бинты на ногах.

– О боже!

– Я сейчас расплачусь! – фальшиво рассмеялся Шульгин.

– Ах, ты сволочь! Да я тебя сейчас! – Павел замахнулся рукой, но его удержал Андрей.

– Паша, стой! Я понимаю, это большая потеря. Но, ты не должен тратить на эту сволочь свои нервы. Лучше помоги нам. Помоги докопаться до правды. Помоги раскусить этого Зимина.

– Хорошо. Хорошо, я помогу. Но я знаю немного. Так! Ну, значит гермоворота… Гермоворота закрыты и, кажется, даже заминированы. Но больше я ничего не знаю. Полковник говорил, что это секретный объект и если кто-то сюда проникнет, то никто не должен унести с собой секреты этого места.

– Очень умно. Предусмотрительный, зараза! Все население комплекса с хорошо промытыми мозгами. Действовал наперед.

– Не все…

– В смысле?

– Не все были согласны с полковником. Тех, кто был не согласен, он отправлял в карцер. Навсегда.

– А такие были?

– Да. Но я не знаю кто. Вполне возможно, что настоящий главный инженер сейчас там. А может, уже умер.

– Вы не доберетесь до карцера, глупые! – нервно усмехнулся Шульгин. – Потому, что нечего там делать!

– Послушай, ты, умник! Я знаю, кто такие Картавин и Шевченко, я знаю кто такой Лаптев! Что они планировали – вот этого не знаю, но только пока. Твое жалкое тявканье нас не остановит. Кому нужно, тот узнает о том, что тут происходит. И происходило раньше. И уж поверь, мы выберемся, что бы ты тут не заливал.

– Я ничего не заливаю, – не понял Шульгин. Но по его лицу было видно, что он неприятно ошарашен.

– Заткнись!

– А через гермоворота вы все равно не пройдете!

– Если не спрашивают – молчи!

– Полковник предусмотрел все. Он повсюду. – Его уверенность таяла на глазах. Он просто выкрикивал от отчаяния то, что, по его мнению, могло нас расстроить.

– Если не заткнешься – пристрелю! – Андрей хмуро перезарядил автомат.

– Попробуй! – совсем неуверенно огрызнулся Шульгин.

– Позже! – пообещал Андрей. – Сначала, ты нам кое-что покажешь!

Глава 21. Догоняя истину

– Куда это ты нас привел? – Дмитрий с удивлением, а если быть точнее, даже с некоторым разочарованием смотрел на виднеющийся впереди аванпост.

– К карцеру, как и обещал.

Объект, после беглого осмотра, показался нам если не брошенным, то уж пребывающего в запущенном состоянии точно. Присутствовал Дзот, несколько дощатых строений, мешки с песком, кольца колючей проволоки, прожектора, из которых добрая половина не работала. Позади едва различалась высокая решетчатая ограда.

– Разве это карцер? Но нас не тут держали! Ведь так? Совсем в другом месте. Где-то там… – Дима неопределенно махнул рукой на северо-запад.

– Вы, скорее всего, были в изоляторе, – пояснил Павел. – А это самый, что называется, настоящий карцер. Изначально в нем содержались выжившие при строительстве пленные немцы. Но уже через год-полтора таковых не осталось. Вымерли.

– Как динозавры… – пробормотал Андрей себе под нос.

– Что? – не понял Паша.

– Ничего. Мысли вслух.

– И с тех пор тут находятся те, кто пошел против полковника?

– Ну, нет, не совсем. Не то, чтобы против. Да и тогда, в 1986 году, Зимин был всего лишь капитаном, и то для своего возраста – слишком быстро. А находились там военные и политические преступники, дезертиры, воры, просто недовольные бунтари. Но по большей части все началось в середине девяностых. Тогда-то Зимин и занял пост единственного начальника всего комплекса. Его предшественник, полковник Валуев погиб во время нападения крыс в главной мастерской.

– Ну, это понятно… Наверное, и тут Зимин постарался? Или удачный несчастный случай. А оттуда вообще кого-то выпускали?

– Нет, насколько я помню. Дядя говорил, что полковник для того и собирал их в одном месте, чтобы они больше не создавали ему проблем. Кого-то даже пускали на медицинские опыты.

– Серьезно?

– Дядя говорил. Лабораторию генетиков видели?

– Это та, что рядом с полигоном?

– Она самая. До бойни многие эксперименты велись в ней. Что вы там видели?

– Сотни скелетов.

– Далеко не все из них те, кто погибли во время бойни. Многих просто держали внутри, как подопытных.

– То есть, всех кто попал под воздействие психотропного воздействия, кого удалось захватить живым, просто согнали туда?

– Я точно не знаю, но возможно, что так оно и было.

– Павел, откуда ты так много знаешь обо всем этом? – спросил я, так как ко мне в голову закралось некоторое подозрение.

– Дядя рассказывал. Ведь он был в той лаборатории. Его отец что-то там придумал. Да и он сам не раз присутствовал при отборе людей для исследований. И в бойне участвовал.

– Германов?!

– Не по своей воле, разумеется, – поспешил разгладить недоразумение Павел.

– Ага, ну конечно, – фыркнул Андрей. – Теперь понятно, почему ему было так стыдно. Он-то осознал, что натворили эти горе-ученые. И сам был в их числе.

– В смысле? – Павел скривился, словно от острой зубной боли.

– Не важно. Просто Германов, в конце концов, признал вину.

– Он всегда ее признавал.

– Ладно, хорошо. Давайте решать, что дальше делать. Нам нужно пройти через аванпост?

– Да. Сразу за ним, вон в той пещере, был проход в карцер. Охраны – человек шесть или восемь, может больше. Но это явно не все.

– Опять воет, скотина! – сморщилась девушка, махнув рукой в сторону обрушившегося туннеля. Где-то там, во тьме остался вовсе не главный инженер Шульгин, пристегнутый к трубе. Я посчитал, что брать с собой эту крысу – не прагматично. Только ненужного шума наделает, толку же – ноль!

Сейчас Шульгин орал благим матом так, что его противный голос доносился даже сюда – в километре от места, где его оставили. Правда, разобрать, что именно он вещал – было проблематично.

– Ох ты черт! Посмотрите туда! – негромко воскликнул Андрюха, наблюдавший за объектом.

– Что?

– Там! – ткнув пальцем, он указал на внезапно появившуюся стаю крыс-мутантов.

Из примыкающего отводного туннеля, прямо к освещенному аванпосту двигались полтора десятка уже знакомых нам крыс. Судя по всему, их привлек странный запах, доносившийся с аванпоста. Крысы, не особо торопясь, целенаправленно двигались к горящим впереди прожекторам. Наверняка, подобное происходило и ранее. Однако в этот раз, охрана, похоже, настолько обленилась, что даже не выставила караульного.

О появлении мутантов стало известно лишь тогда, когда твари уже миновали первые линии спиралей Бруно. Раздались выстрелы, крики, вопли. Когда-то простые крысы, а теперь, уже, будучи крупными мутантами, наделенные феноменальной прытью, сновали туда-сюда. Пока это происходило, мы, незаметно, вдоль стены туннеля, подобрались почти вплотную.

Дмитрий, заглянув через стену мешков с песком, увидел как ефрейтора, отстреливающегося от крыс, почти мгновенно растерзали сразу две крупных твари. Еще четыре тела лежали в разных местах. А чуть поодаль, на стоящей дрезине, офицер спешно заряжал огнемет. Не успел. Скушали и его.

Крыс осталось немного, но останавливаться они не собирались. Последний, оставшийся в живых солдат влез на крышу самого дальнего Дзота, и уже оттуда отстреливал

рыскающих мутантов. И довольно успешно.

Обойдя укрепления, мы все-таки проникли в пещеру. Хотя, пещерой ее было назвать сложно. Установленные на входе решетки были закрыты лишь на засовы, никаких замков тут не было. Если постараться, можно было открыть засовы прямо так – через решетку. Внутри обнаружилось еще два спящих охранника – как их только стрельба не разбудила? Но хорошо ощутимый запах спирта все объяснил. Нет, конечно, не никто не говорит, что они алкоголики, но этиловый спирт периодически употребляли. Оно и понятно, все время одно и тоже – дежурство, дежурство… Да еще в таких тяжелых условиях.

Забрав их оружие, мы последовали дальше, предварительно закрыв за собой решетку – вдруг крысы проникнут? Прямо в скальной породе чередой направленных взрывов были созданы полости, впоследствии и ставшие камерами для пленников. Камер было много, но почти все пустые. Заключенные тоже имелись. Живых оказалось совсем немного. Всего трое. Во многих камерах лежали скелеты, или их фрагменты. Я ужаснулся – это что получается? Если тут кто-то умирал, тело не хоронили, и даже не убирали из камеры? Так оно и лежало, до полного разложения? Да, двери хоть и были добротными, но не герметичными, с откидными смотровыми окошками. Как же запах? Он никого не смущал, что ли?

Это было дико. Ужасно. Не по человечески. В кого же превратился сам полковник, если его люди допускали такое? Ответ всё-таки был: На одной из стен висела табличка с соответствующим изображением: В камеру запускалась крыса, которая с голоду и съедала остатки тел, до самых костей.

Как я и сказал, живых оказалось всего двое: худой, грязный солдат, скорее всего дезертир, да пожилая, до предела уставшая женщина в изорванном комбинезоне. Солдат в обносках военной формы сильно исхудал, осунулся и напоминал вурдалака. Из его камеры ощутимо воняло. Да и из других тоже.

– Э! Вы кто такие? – пробормотал дезертир, увидев нашу пеструю компанию.

– Как кто? Диверсанты! – Андрей взял слово. – Пришли тут все взорвать!

– Чего? Какие еще диверсанты?

– Те, которых полковник Зимин так боится.

– Зимин? А! Эта тварь… Тварь, что зовет себя офицером. Животное. Озлобленное, безумное животное. Псих. – Дезертир устало усмехнулся. – Ну, привет вам, диверсанты!

– Сам-то кем будешь? Как здесь оказался? И как давно?

– Дезертир я. Шесть лет. Или нет? – он задумался. – Кажется,

семь. Да, точно. Почему здесь? Дал по физиономии офицеру одному. А потом отобрал его именное оружие.

– Какому офицеру?

– Да, есть тут один… Зимин его фамилия! – хохотнул он, затем сплюнул на пол.

– Зачем?

– Без разницы уже. Сволочь он.

– Так, погоди. Мы тебя выпустим.

– А зачем? Куда мне идти?

– С нами. На поверхность.

Но худой неожиданно расхохотался, а после, подавившись, закашлялся.

– Нечего мне там делать! А вот выйти отсюда – да, может и хорошо.

Дезертир уселся на пол камеры, смотря перед собой вытаращенными глазами. А затем, запел песню. Странную песню, на украинском языке. Мы переглянулись между собой. Павел пожал плечами.

– Эй, ребята!– неожиданно нас окликнула женщина из соседней камеры сиплым, надтреснутым голосом. – Как вы сказали? Вы диверсанты?

– Нет, но нас таковыми считают, – торопливо поправила ее Катя, сморщившись от волны неприятного запаха. Но женщину, то ли не смутило, то ли она этого попросту не заметила.

– Вот как? Дайте угадаю, Зимин? Полковник, да?

– Да, он. Вы тоже по его инициативе здесь? Что вы о нем знаете?

– Многое… Очень многое.

– А, простите, кто вы такая?

– Прошу меня извинить. Я Елена Шевченко, руководитель биологической программы *"Цитомир – 6"*.

– Как? Шевченко? – как будто я слышал уже эту фамилию, причем, совсем недавно.

– Да. А что, знакомая фамилия? – удивилась женщина.

– А подполковник Шевченко, не ваш родственник, случайно?

– Да! Это мой муж! – она вскочила с места, вытаращив глаза. – Вы его знаете? Он пропал много лет назад.

– Ну, как вам сказать… Мы, можно сказать, нашли вашего мужа. Точнее, то, что от него осталось!

– Олега? Вы нашли его? Где? – женщина еще больше выпучила глаза, ухватилась руками за открытое окно камеры и вылезла оттуда настолько, насколько это вообще было возможно.

– Тише, тише. Мы нашли его тело, а если быть точнее, то лишь один скелет. В старой бойлерной, за запасным реакторным

блоком, в недостроенном туннеле. Он, как бы того… повесился. Про то, что он оставил записку, я умолчал.

– Ах! Ну, я и не ожидала, что спустя столько лет, он еще может быть живым. Но… Вы сказали, повесился?

– Да. Елена, вы говорили, что многое знаете о Зимине?

– О да. Уже восемь лет я жду шанса поквитаться с этой скотиной. Это он отправил меня сюда. Много лет он пытался выведать информацию о местонахождении лаборатории мужа, его разработок и документов. Олег пропал, захватив важную документацию с собой. Зимину она была нужна, и я догадываюсь почему. Ничего не получив от меня, полковник в приступе бешенства отправил меня сюда. Гнить! Три года назад.

– Вы расскажете нам все, что знаете? Мы поможем вам, а вы нам. Идет?

– Идет!

Глава 22. И месть моя страшна

Я услышал позади себя шорох и резко обернувшись, заметил третьего заключенного. Им оказался бледный, длинноволосый старик. Он сидел на дощатом поддоне в дальней камере, на приличном расстоянии от источника света, у самого края решетки. Одетый в старые лохмотья, заросший бесформенной бородой, он что-то прохрипел, тыча в меня изуродованным пальцем.

– А с ним-то что? Неужели, на стариков у маньяка тоже зуб имеется?

– Это Черепанов. Петр Сергеевич. Бывший начальник отдела связи. – Вздохнула Елена. – Лет десять назад, по приказу полковника ему ампутировали язык и часть пальцев на обеих руках.

– Но с чего такая жестокость?

– Месть. Отомстил за то, что Петя отправил сообщение на поверхность, после чего сюда прибыла комиссия во главе со Штрассом. Это и была отправная точка. Полковник посчитал это предательством.

– А, так он тот самый радист?

– Начальник связи, – поправила женщина. – А сообщение отправлял он. Черепанов отказался говорить, от кого поступил такой приказ. Ну и вот.

– Понятно. Значит, полковник, сволочь, решил отомстить?

– И отомстил. В таких условиях содержания его здоровье сильно пострадало. Он уже перенес два инфаркта. Пневмония, а может и туберкулез, язва желудка, застуженные почки, проблемы с суставами. И помутнение рассудка. А ему и пятидесяти трех еще нет. Жить ему недолго осталось. Черепанов промычал что-то

нечленораздельное, после чего закашлялся.

После того, как мы освободили Елену, немого старика и дезертира, их торопливо вывели из карцера. Оставшихся крыс Андрей предварительно распугал найденными у одного из охранников свето-шумовыми гранатами. Последний, оставшийся солдат куда-то подевался – на крыше Дзота никого не было. В таком состоянии, карцер был похож на что угодно, только не на тюрьму. Трупы и полное запустение.

Погрузившись на стоящую недалеко от входа в карцер дрезину, оборудованную огнеметом, мы передали найденную здесь же еду заключенным, а заодно перекусили и сами. Безумно хотелось спать. Последние несколько суток были для нашей компании настолько насыщенными и тяжелыми, что нервная система каждого билась в истерике, то и дело, выливаясь в какие-нибудь неконтролируемые действия. Но спать было нельзя. По крайней мере, всем одновременно.

Мы вывели дрезину на тихом ходу в основной туннель, ведущий к центру *“Астры”*. Там, загнав ее в технический туннель, мы и остановились на отдых. Перекрыв проезд деревянным щитом с предупреждающей надписью, мы отключили освещение. Благо, Павел показал, как можно отключать отдельные секции электрической линии. Лишь после этих мероприятий, я решил основательно поговорить с женой подполковника Шевченко. Если она действительно знает все о случившемся здесь, то она просто кладезь бесценной информации. Остальные, пока не было четкого плана для дальнейших действий, предпочли немного отдохнуть.

Подойдя к женщине, пытавшейся привести свой внешний вид в сносный человеческий, я поставил рядом пустой ящик, затем уселся сверху.

– Елена, извините, как вас по отчеству?

– Андреевна.

– Елена Андреевна, расскажите уже, наконец, что здесь произошло? С самого начала, едва мы попали сюда, мы то и дело сталкивались с загадками, вопросами и необъяснимыми находками. Мы уже многое видели, но прийти к твердому заключению так и не смогли.

– А сами вы кто такие? – поинтересовалась она.

Быстро, не вдаваясь в подробности, я рассказал о причине нашего появления, а затем и пребывания на секретном объекте. Выслушав, она, конечно, засомневалась в правдивости.

– Во все это трудно поверить. Но чего только не случалось в жизни. Я вам верю. И благодарю за освобождение. Что вы хотите знать?

– Ну, во-первых… Что связывало полковника Зимина,

Картавина, Вильгельма Штрасса, Антона Лаптева и вашего мужа?

– План. Чертовски дерзкий план, – она заметно вздрогнула. – Эти люди решили ни много ни мало, совершить военный переворот.

– И ваш муж?

– Изначально – нет. Но его взяли на принцип.

– Даже так?

– Да. Он случайно обо всем узнал.

– И в чем же состоял план?

– Вы, наверное, видели, что почти все здешние склады забиты военной техникой?

– Мы были лишь на одном… Техники? Вы про танки?

– Да, и не только. Здесь сотни тонн разнообразного вооружения. А все эти фамилии… У каждого из них, по плану – своя роль. Если бы не случайно произошедшая бойня 1986 года, план был бы реализован.

– А в чем заключался план?

– Планировалось в определенное время вывести военную технику на поверхность и захватить Москву, со всем правительством. Была тщательно придумана целая легенда – якобы столицей, а именно, что высшим руководством, овладел хитрый и коварный враг, желающий начать третью мировую войну. А когда рванул Чернобыль, Зимин и Штрасс решили что это первый шаг на пути к войне. Посчитали, что это лучшее время действовать. Время действительно было очень удачным. Все внимание страны и Кремля было нацелено на Чернобыльскую аварию и ликвидацию ее последствий.

– Но тут, совсем некстати, ваши бурильщики наткнулись на неизвестный источник психотропного воздействия?

– Наткнулись на неизвестный источник? Это кто вам про него рассказал?

– Профессор Германов.

– Германов? Жалкий червяк, пресмыкающийся перед Зиминым. Ему верить – себе дороже. Бурильщики действительно рыли скважину. Однако было известно, что где-то в этом районе находится источник сильного магнитного возмущения. Приборы, электроника, исследовательское оборудование – работали очень плохо. Но помимо магнитного возмущения было что-то еще. Что-то необъяснимое. Нечто похожее, уже находили в 1948 году, на другом объекте, на границе с Монголией. Его долго изучали. Но исследования засекретили. И чем все там закончилось никому не известно.

– Так что же произошло, когда вы обнаружили источник?

– Как и ожидалось, электроника дала сбой. Люди подверглись

эмоциональному воздействию. Сначала легкому. Затем, скачкообразно, это возмущение усилилось. Словно то, что мы назвали источником, чувствовало приближение человека. Когда же наши бурильщики все-таки добрались до него, большая их часть уже не контролировала свои действия.

– Так. Но зачем вообще нужно было его раскапывать?

– Пришел приказ сверху. Как позднее говорил Зимин, Штрасс надеялся использовать это возмущение для воздействия на весь персонал *"Астры"*. Видимо, ему было что-то известно о его природе.

– Зачем?

– Зачем? Разве не ясно? Чтобы реализовать такой дерзкий план, нужно много людей. Очень много. Зимин хотел ненавязчиво подавить волю всего персонала *Астры"*, подтолкнуть людей к действию. А это более четырехсот человек. Ведь убедить такое количество людей только словами, не подкрепленными серьезными, а главное правдивыми доказательствами – невозможно.

– Но, это же Советский Союз! Как же верность родине, отечеству? Как же отношение к людям, к руководству, ко всей идеологии?

– Холодная война. Консервативное состояние "*Астры"*. Всему виной тотальная промывка мозгов. Большую часть убедили в том, что Москва уже не та, что она под крылом врага.

– О, черт! И, дайте догадаюсь, надежды Штрасса сработали не так как ожидалось?

– Согласно присланным инструкциям, использовать это возмущение не получилось. Его природа оказалась иной. Это вообще оказалось не то, что мы думали.

– О как!

– И бурильщики и работавшие на полигоне ученые, попали под мощное излучение. Вместо того чтобы мягко, но уверенно мотивировать людей, ослабить их моральное состояние и поддаться уговорам полковника, люди, в приступах бешенства, начали сходить с ума и убивать все живое. Началась локальная бойня. В панике, и так трусоватый Картавин, подумал, что это наказание свыше. Он, после разговора с Олегом, дал команду Черепанову отправить послание наверх и на него-то среагировал осторожный Штрасс. Он отвечал за безопасность засекреченной *“Астры”* на поверхности. Благодаря его работе, о ней практически никто не знал. Он же, после согласования с полковником Зиминым, должен был дать старт плану. Но когда пришло такое странное сообщение, он, перепугавшись, сам отправился сюда. Вот только сообщение было двусмысленным.

Олег тщательно его продумал. И в целом, результат получился таким, какой требовался.

– В смысле?

– Олег хотел заставить спуститься сюда Штрасса. Создать непонятную ситуацию. Устроить маленькое покушение на самого Штрасса. Заставить его подумать, будто это Зимин и Лаптев устроили эту неразбериху. Ошибочно сообразив, что Зимин и Лаптев решили таким образом избавиться от него и взять все в свои руки, он каким-то образом спровоцировал еще более мощный выброс возмущения. Это поразило большую часть комплекса и начались страшные вещи. Сам он как-то избежал этой участи. Я думаю, что у него были с собой какие-то разработки, полученные на основе исследований найденного ранее источника в Монголии.

– Соглашусь, это не лишено смысла. Дальше, что?

– А дальше… Картавин погиб по нелепой случайности. Зимин же, в свою очередь, решил, что это Штрасс их предал и раскрыл все планы Министерству обороны. Комиссия прибыла слишком быстро и была весьма странной. Это и натолкнуло полковника на предательские мысли. Он решил отомстить ему. Из-за разочарования, серьезного стресса и возможно косвенного действия излучения, а также нахлынувших эмоций у него помутилось сознание.

– То есть, таким образом, ваш муж стравил двух главных зачинщиков между собой, заставив их как котят, биться друг друга лбами?

– В общем-то, да.

– Что было дальше?

– А дальше – больше. Когда бойня превзошла все мыслимые границы, ученые Зимина нашли способ ослабить воздействие возмущения, которое к тому времени уже набрало силу. Штрасс, несмотря на своих хорошо подготовленных людей – проиграл. Ему пришлось бежать, причем тем же путем, каким он и пришел сюда, но при этом потеряв всех своих людей. Зимин тоже получил ранение и не смог преследовать Штрасса, но его место занял Лаптев. Антон тоже был одержим, но всецело принимал сторону полковника. Так как Лаптев не вернулся, полковник посчитал, что тот погиб.

– И это действительно так. Мы нашли его тело в ракетном комплексе.

– Это было очевидно. Все разведчики, отправленные на их поиски, либо погибли, либо возвращались ни с чем. Выход, на границе с комплексом, оказался перекрыт массивной дверью.

– Паровая машина… – прошептала Катя. – Мы нашли ее. И

открыли двери.

– И теперь выход открыт?

– Да, но из самого ракетного комплекса выход все равно был заблокирован. Там отсутствуют лестничные пролеты и лифты. Да и паровая машина случайно взорвалась. Вход может быть завален.

– Скорее всего, это сбежавший Штрасс уничтожал за собой и лифты и лестницы. Он же запустил паровую машину.

– Верно. Пытался сбросить хвост? Хм…

– Значит оттуда не выбраться?

– Думаю, нет. Но это не точно. Да и Штрасс сам постарался сделать так, чтобы мы отсюда не выбрались. Ведь это по его, пусть и неявной, наводке мы оказались здесь.

– Вот как? А вы допускаете, что Штрасс мог сюда спуститься за вами?

– А зачем ему это?

– Есть причина.

– И какая же?

– Ну, во-первых – месть. А во-вторых, здесь на нижних уровнях, есть тайные лаборатории генетики, когда-то разрабатывающих что-то секретное. Мой муж, а он был гениальным генетиком, разрабатывал что-то кардинально новое. Его успехи весьма заинтересовали и полковника и Штрасса. Олег все понял, тихо свернул разработки. А сам он неожиданно пропал. Но я догадывалась, в чем дело, ведь он многое мне рассказал. Он пропал, но его документы сохранились. Об их местонахождении и пытался узнать Зимин. Но и это не все. Гермоворота закрыты. Чтобы их открыть – нужен специальный код. Его знает только полковник, но это все равно не имеет никакого значения. Олег перед исчезновением успел сломать замок. Причем окончательно. Для того чтобы Зимин не вернулся к первоначальной идее воплотить план в жизнь.

– Я так понимаю, теперь, полковник, по сути, заперт здесь с обеих сторон?

– Да. И хотя изначальный план уже не реализовать в полной мере, Зимин все еще дико боится, что обо всем узнают и за ним придут. Ведь Штрасс тогда сбежал. Неизвестно кому и что он рассказал.

– Извините! – вдруг вмешался Павел. – Но полковник знает, как открыть ворота… Замок не проблема. Его ученые что-то с ними сотворили… Я это точно знаю.

– Вот как?

Павел кивнул.

– Хм, интересно. – Елена задумалась. – Значит, он может открыть гермоворота. Но план…

– Да, здесь я с вами соглашусь – сейчас этот план уже не представляет угрозы. Техника морально устарела, людей мало, да и идеология…

– А вот идеология еще очень сильна… Даже сейчас более сотни человек готовы идти за Зиминым. Те, кто остались, в подавляющем большинстве поддадутся общему мнению. Они устали от такой жизни. От советской, первоначальной идеологии, осталось мало.

– Но какой в этом смысл?

– Разве не понятно?

– Извините, но нет.

– Зимин, конечно, может покинуть *"Астру",* но он этого не сделает. Он тоже, все еще жаждет мести. Он ждет возвращения Штрасса. А еще, ему нужны разработки из лабораторий. Но он не знает, как добраться до них. Если он получит их, он приведет первоначальный план в действие, а сам, отомстив, под шумок исчезнет. Всех остальных он бросит. Они пойдут на верную смерть, сбитые с толку.

– То есть, в целом, получается, что Зимин и Штрасс неверно истолковали действия друг друга, посчитав их за предательство?

– В общем-то, да.

– А подполковник Шевченко, действуя из тени, спутал им все планы, при этом находясь вне подозрений?

– Верно. Он вовремя все понял. Цель Штрасса и остальных вовсе не освобождение правительства страны от несуществующего врага, а лишь создание ширмы, под завесой которой, можно незаметно прихватить секретные разработки и слинять за границу, а уже там – продать разработки. Каждый из них понимал, что власть, даже если и удастся заполучить, удержать уж точно не получится. Не здесь, не в Советском Союзе.

– Вот оно как. Интересно, интересно. Но… Я думаю, первоначальный план еще можно привести в действие, правда, лишь только в том случае, если удастся открыть гермоворота. Технику ведь можно вывезти только через них. Так?

– Нет, не только. Недостроенный ракетный комплекс, на поверхности, тоже имеет грузовую платформу. Технику можно вывести и через него.

– Нет, нельзя. Там, по пути, есть метромост. Так вот он практически уничтожен. Наверное, при побеге, Штрасс взорвал и его. Теперь, ничего тяжелее четырех человек по нему не проедет. Да и починить его вряд ли возможно. А сам комплекс давным-давно обесточен. И двери, что заблокированы паровой машиной… Нет, оттуда никак. Полковник обо всем этом знает?

– Хм… Думаю да. Ведь его разведчики как-то проникали даже

на сам полигон. И дальше, до насосной станции.

– А зачем?

– Чтобы закопать этот источник. Разведать все пути. Но тщетно. Германов, конечно, придумал сыворотку, которая блокирует опасное воздействие на мозг. Но как выяснилось, такой результат дался тяжелой ценой – составляющие сыворотки губительны для человеческого организма еще больше, чем само возмущение. Последние годы, перед тем как меня заперли здесь, туда больше никто не ходил. Возможно Германов, спустя столько лет и придумал что-то лучше, но я сильно сомневаюсь.

– Не знаю. Он тестировал на мне какой-то экспериментальный препарат. Но, судя по его реакции – не очень успешно.

– Я не удивлена. У него было много неудач. А те люди, которым была введена его сыворотка, во время бойни… Погибали позднее.

Она начала повторяться. Разумеется, такое долгое пребывание в столь ужасных условиях оставило жирный след на ее психике. Но не на памяти. Ее память – как уникальный суперкомпьютер. У нее было много времени подумать.

– Елена, как нам отсюда выбраться? – Дмитрий, все это время с интересом слушавший наш разговор, решил сменить тему.

– Выбраться? – немного удивилась она. – А зачем?

– Хотя бы затем, что нам здесь не место. Мы здесь совершенно чужие.

– Понятно.– Вздохнула она. – Вам не меня нужно об этом спрашивать.

– А кого? Не Зимина же.

– Уже известный вам дезертир знает, как это сделать. Потому, что сам пытался отсюда сбежать. Но тогда, по совсем другим причинам.

– Он, что ли? – Андрей махнул рукой в сторону худощавого солдата.

– Да, он.

– Эй! Падший воин! – Андрюха бесцеремонно растолкал бывшего военного, спавшего в грузовом отсеке. – Рота, подъем!

– Какого лешего надо? – недовольно пробурчал тот, с трудом разлепив глаза.

– Спать потом будем. Дело есть. Знаешь, как отсюда можно выбраться?

– Чего? А! Ну, да. Знал. Лет десять назад.

– Покажешь?

– А зачем это мне? – спросил он.

– Хотя бы затем, что мы твою шкуру вытащили из клетки.

– Не поспоришь, что уж там. Ладно. Расскажу. Но, учтите, Зимин не допустит вашего побега. Скорее всего, по его приказу гермоворота уже хорошо защищены. Там уже дежурит один из его цепных псов.

– Так и есть. Мы видели. Что за цепные псы?

– Офицеры из его личной охраны. У него их целое подразделение. Хорошо обученные, преданные, готовые идти за ним куда угодно и выполнять любые приказы.

– Любые?

– Абсолютно! Если, хотя я понятия не имею как, вы и прорветесь через охрану, вам необходимо будет открыть гермоворота. Без кода – ничего не выйдет. Сломан ли замок или нет, как и насколько возможно его починить, я не знаю…

– А что после гермоворот?

– Около десяти километров путей. А в конце – последний аванпост.

– И что там?

– Не знаю. Никто не знает. С самого начала существования *"Астры",* на поверхность никто обратно не возвращался.

– Пропадали?

– Бесследно.

– Как ты намеревался сбежать отсюда?

– Как? Очень просто. Взорвать гермоворота.

– Взорвать?

– В старом депо есть много списанных поездов. И грузовых и пассажирских. На них, первое время, сюда доставлялись рабочие, персонал и строители. На грузовых поставлялось оборудование, стройматериалы, провиант, и много чего еще.

– Ну, это понятно. Поезд-то тут причем?

– Так вот. Есть там, в этом депо, один состав. Особенный. Самый старый. Оборудованный тяжелым грейдером.

– Грейдером? Это еще что такое?

– Это два очень толстых листа металла, сваренные клином и прикрученные к раме кабины. Получилось что-то вроде тарана. Состав изначально планировался как бронепоезд, но потом эту идею свернули, за ненадобностью. Мощная, значительно переработанная рама, усиленное шасси. Кабина машиниста также была модернизирована. Двигатель заменен экспериментальным – форсированным. Для чего – не знаю. Его парни из инженерного отдела долго до ума доводили.

– Я так понимаю, ты тот состав угнать хотел?

– Вроде того. Это же просто, особенно когда сам в охране состоишь. Погрузить на него бочки с топливом и снаряды от

танков – тоже труда особого не составило. Разогнав эту дуру до ста километров в час, я собирался пустить ее под откос, прямо у самих ворот и все взорвать. Аванпост просто разнесло бы.

– От такого количества взрывчатки там бы все рухнуло!

– Нет, не рухнуло бы. Там усиленный свод, а скальная порода укреплена балками и бетонными перекрытиями. Там все – монолит.

– Ну, допустим, взорвал, а дальше что?

– Элементарно. Во всем этом бедламе, под шумок, направленным взрывом я бы сломал привод гермоворот, а затем, когда ворота упадут, я бы тихо улизнул. Однако не вышло.

– Почему?

– Обстоятельства изменились.

– В смысле?

– Ну, полковник оказался коварен. Он перестраховался.

– Как?

– За воротами все заполнено газом. Ядовитым газом. Для защиты.

– Для защиты? Кого от чего?

– Если бы кто-то решился бы взорвать ворота, он был все равно не смог выбраться. Полковник сделал это для того, чтобы никто не смог вынести тайны *"Астры"* на поверхность. Ну, а еще он чего-то боялся.

– Интересно, чего же? – я быстро посмотрел на Елену Андреевну. Уж она-то знала, чего боялся маньяк Зимин.

– Не знаю.

– А как вышло, что полковник по морде получил?

– Сдали меня. Я о руководстве выражался, как бы это правильно объяснить, в нецензурно свободной форме. Ну вот, а когда меня на ковер вызвали, я, после его несдержанной речи, ему же в башню и засветил. А затем и ствол из его кабинета взял. Хотел, чтоб он его поискал. Кто ж знал, что у него там камера в кабинете…

– И итогу, твой план так и остался только в теории? – Андрей все это время тихо сидел за моей спиной. А как ты узнал про газ?

– Что? А, видел документы. Там, в кабинете у полковника.

– Так! Значит, твой план на бумаге остался. Ты, значит, практик?

– Скорее, да.

– Этот план еще можно реализовать?

– Думаю, да. Если состав еще там же, в депо. Вряд ли он кому-нибудь мог быть интересен за эти годы. Но туда еще добраться надо.

– Через всю *"Астру"*? – ужаснулся я. – Да это ж сколько

блуждать?

– Нет, вовсе нет. Есть тут один прямой туннель. Недостроенный. Как раз неподалеку отсюда.

– Опять недостроенный? – Катюха недовольно вздохнула, вспомнив проход, ведущий в реакторный зал.

– И куда он ведет?

– Прямо в депо.

– Тогда нам туда.

– Да. Только вот, туннель тот не простой. Как говорил мой знакомый, со спецэффектами. Живет там дрянь какая-то.

– Что за дрянь?

– Вот уж не знаю. Сам там раза три катался, все нормально было. Но еще до бойни, там десятка три рабочих пропало. Лишь конечности оторванные находили. Потому туннель и не достроили. А в середине девяностых, я там, в охране был.

– И что, дрянь эту никто не видел?

– В общем-то, нет. Был, правда, один, утверждал, что видел змею или червя. Огромного. Но тот индивид часто в запой уходил, а потому в белой горячке, мог, что угодно нафантазировать. Никто ему не поверил. Туннель бросили, оградили и забыли.

– Червя? – рассмеялся Андрей. – А драконов тут у вас не было?

– А…

– Звучит неправдоподобно зловеще, но чем черт не шутит? Тем более здесь, в месте, где опыты и эксперименты были обыденным делом.

– А через достроенные туннели нельзя?

– Можно, но далеко и на это сутки могут уйти. А то и больше. И только в том случае, если нас через все аванпосты пропустят. А это вряд ли.

– Да что ж за задница-то, а?

– Так что? Длинный путь или короткий?

– Рискнем! Показывай, где туннель! – согласился я.

– Вооружится – не помешает! – заметил Дмитрий, открывая грузовой отсек. – Чур, во-он та дура моя!

Собственностью Дмитрия только что стал советский “ДШК”, калибра 12.7 миллиметра. Внушительный агрегат, способный резко сократить население любого отдельно взятого помещения. Впрочем, радость парня быстро прошла, когда он обнаружил всего тридцать два патрона к описанному выше пулемету.

– Не разгуляешься особо! – хмыкнул он. – Ну, да ладно.

Разумеется, несмотря на напряженную окружающую обстановку, жесткий недосып, моральную и физическую

переутомленность, никто из нас не был готов убивать людей. И вопрос даже не в воспитании. Скорее в осознании самого процесса. На подсознательном уровне. Нет, каждый уже понимал, что если не ты, то тебя. Если ты сомневаешься – противник нет. Ты думаешь, нажимать ли на курок – противник не думает, а сразу жмет. Был в подсознании какой-то барьер, тормозящий весь процесс. Та точка, из-за которой и получалось, что слабинка брала верх над действием, мешая действовать наверняка. От большой гуманности, неуверенности и чрезмерного сомнения.

Позднее, Дима признался, что, несмотря на боевой запал, он собирался стрелять только по ногам. Да только запоздало сообразил, что стрелять по ногам из такого калибра – верх глупости. Любые конечности просто поотрывало бы, что вовсе не положительным образом сказалось бы на здоровье того, в чью сторону будет стрелять вышеупомянутая дура.

Мы проверили собранное оружие, боеприпасы. Медленно вывели нашу дрезину из технического туннеля, осторожно проверили основной туннель и только потом, дезертир по памяти повел ее в нужном направлении…

Глава 23. Неудачный эксперимент

– Нам что, туда? – вздрогнув, спросила Катя после того, как дезертир растащил обломки деревянного щита, закрывающие темный проход.

Его и туннелем-то назвать было сложно, это была скорее просто дыра, с непропорциональными краями и недостроенными фрагментами, сплошь затянутая пыльной паутиной. Первые метров пятьдесят еще были на что-то похожи, но дальше… Останки древней техники, лежащие штабеля стройматериалов, кучи камней, песка и земли, как попало уложенные шпалы, висящие повсюду кабеля, тросы. Несколько стоящих впереди чугунных вагонеток, с кучами горной породы, словно говорили о том, что все работы здесь закончились в спешном порядке. Освещения тут, разумеется, не было. Прожектора хотя и имелись, но висели вразнобой и почему-то не работали.

– Угу! – промычал ей в ответ дезертир. Свое настоящее имя он так и не озвучил. Ему нравилось, что его называют именно так.

– А как же свет? Электричество где?

– Нет его. Четыре километра строительства. Проложить успели, но линию постоянно что-то обрывало. Ну, ничего. У дрезины свой прожектор есть. Даже два.

– Откуда ты это знаешь?

– Говорил же, в охране тут был. Несколько лет.

– Макс? – Катя обернулась. – Едем?

– Едем!

Возможно, со стороны это выглядело, как будто она спросила разрешения, но это вовсе не так. Просто, за все время пути я не раз оказывался прав, поэтому и получалось, что обращаясь ко мне – как будто ждала от меня разрешения.

Вход действительно выглядел весьма зловеще, больше напоминая не начало пути в недостроенном туннеле, а путь в никуда, через глотку давно умершего древнего монстра. Оттуда веяло холодом, затхлым воздухом. И хотя никаких странных звуков оттуда не доносилось… Хотя, конечно, урчащий шум мотора дрезины вполне мог поглощать шум… И все же, что-то в этом туннеле меня настораживало… Вот зачем дезертир нам рассказал о том, что когда-то тут происходило? Промолчал бы – все было бы замечательно. Так нет же. Напряженности добавил, бесспорно. Впрочем, ни я, ни остальные в гигантских змей, а равно как и в другую мистическую ерунду не особо поверили. Скорее так, просто приняли к сведению, посмеялись и забыли.

– Поехали!

– Ну-у-у все, нам кирдык! – негромко брякнул Андрюха, но Катя его все равно услышала.

– Не каркай! Язык твой…

– Что язык?

– Без костей. Не каркай, говорю!

– Есть, сэр! Мэм!

Елена Андреевна и Павел с неподдельным недоумением поглядывали то на нее, то на Андрея, не понимая в полной мере современного сарказма…

Старик, что-то бурча себе под нос, тихо забрался в грузовое отделение, накрылся куском брезента, да там и остался.

Тяжелая дрезина неторопливо поползла вперед. Перемещаться быстро оказалось невозможным – путевое полотно, уложенное лишь временно и то кое-как, было частично засыпано различным строительным мусором, обломками деревянных балок и шпал. Стены туннеля выглядели мрачно. Действительно мрачно.

В проложенном когда-то проходческим щитом туннеле уже были уложены металлоконструкции, секции перекрытий, а вот бетон успели залить лишь фрагментами, и то далеко не везде. Из-за этого туннель сильно напоминал огромный рыбий скелет с как будто бы остатками гниющего мяса на ребрах. Встречались также и участки, на которых работы вообще едва начались. Упоры и поддерживающие конструкции были установлены на совесть – столько лет прошло, а оно все стояло без намека на разрушение. На этих участках было особенно некомфортно. Земляные отвалы лежали прямо так – черными бесформенными кучами. Бетонные стены частично придавали туннелю хоть какой-то вид.

А тусклое освещение натурально добавляло мрачности.

Примерно через полкилометра путевое полотно расширилось до двух линий. Одна из них была практически забита самой разнообразной техникой. Начали попадаться грузовые дрезины, вагонетки, платформы со строительным материалом. Даже небольшой электровоз остался позади. Все находилось в крайней стадии запустения – похоже, с тех пор как тут свернули все работы, больше никого здесь и не было – все было затянуто густой пыльной паутиной.

Далее обнаружился проходческий щит – огромная бесформенная конструкция стояла на запасном пути. Часть механизма была повреждена обвалившейся сверху горной породой. За щитом обнаружилась почти готовая платформа, с растрескавшейся поверхностью и усыпанная мелким мусором. На ней лежали кости.

– О! Смотрите! Кто-то почти новый скелет обронил! – Андрюха не унимался. – А, нет! Не комплект!

– Что это за чушь? – недоуменно спросила Елена Андреевна.

– Где?

– Про скелет!

– Не обращайте внимания, это он так шутит! – Дмитрий рассмеялся. – Он имел в виду, что кости не все.

– Что за ерунда? Эй! Смотрите! – крикнул дезертир, сбавляя ход и указывая на препятствие, лежащее прямо на рельсах. – Дальше ходу нет.

Препятствием оказалась упавшая железобетонная колонна, вместе с толстыми деревянными балками, служившими когда-то опалубкой.

– Далеко нам еще?

– Километра два с половиной точно.

– Может быть, просто сдвинем ее?

– Чем же?

– Руками. Ну, или дрезиной.

– Не пойдет, для этого нужно разогнаться. От удара она с рельс слетит. Полотно тоже – не слишком надежное. А руками – слишком тяжело, наших сил не хватит.

– А если задним ходом?

– В смысле, задним ходом?

– Привяжем трос или веревку, сдадим назад и сдернем колонну с пути.

– Как вариант, в принципе возможно. В теории-то просто. Но, да согласен, так лучше чем руками.

– А трос есть?

Трос нашли, правда не сразу. Пришлось немого старика выгонять из грузового отделения. Что-то недовольно бормоча и махая руками, недвусмысленно дал понять, как он нас всех уважает. После отошел в сторону, принявшись с интересом разглядывать бетонные трещины на дальней стене туннеля.

Закрепив один конец троса на железной раме дрезины, а второй, в виде петли кое-как накинутой на основание колонны, мы, сначала принялись растаскивать в стороны деревянные обломки. Покончив с этим делом, дезертир, вполголоса ругаясь, вновь запустил двигатель дрезины. Дав задний ход, он медленно тронулся с места. Несмотря на то, что масса и мощность позволяли, вовсе не стоило быстрыми и резкими рывками сбрасывать препятствие с рельс.

Трос натянулся. Раздался скрип, скрежет. Колонна зашевелилась, но с места не сдвинулась. Двигатель натужно взревел. Но снова без эффекта.

– Черт! А она тяжелее, чем я думал, – крикнул Дмитрий. – Газу дай! Еще!

Еще пара минут и наконец-то удалось – поверженная колонна скатилась в сторону.

– Ну вот! Залезайте обратно. – Андрюха первый полез на транспорт. – Эй! А дед где? Черт! Он куда-то ушел. Глуши двигатель!

Вдруг, за их спинами раздался сдавленный возглас, а после громкое хрипение. Во тьме ничего не было видно. Посветив туда ручным фонарем, дезертир от удивления хрюкнул. Обернувшись на свет, я обомлел. Нижнюю часть тела старика Черепанова пожирала какая-то черная склизкая тварь. Живьем!

– О боже! – вскрикнула Елена Андреевна. – Что это за гадость?

В полумраке никто из нас не мог полностью разглядеть существо. Лишь когда Павел рванул на себя прожектор и направил мощный луч света в ее сторону – мы ужаснулись. Это был червь. Невероятно огромный, черный как ночь, покрытый влажной блестящей чешуей или чем-то подобным. Сворачиваясь толстыми кольцами, он выползал из дыры в растрескавшейся стене туннеля, раскладывая свое жуткое тело. Длиной не меньше восьми метров, толщиной с крупного человека, тварь внушала леденящий ужас. Передняя часть червя, предположительно являющаяся головой, походила на обрубок. Его края обрамляли то ли острые зубы, то ли жвала. А между конечностями, зияла жуткая черная дыра, покрытая противной слизью. Эти конечности синхронно шевелились, словно проталкивая жертву внутрь. Эта мерзкая пасть уже поглотила половину тела. Но Черепанов был еще жив. Уже не крича, а лишь всхлипывая, он беспомощно лежал на земле, хлопал глазами, бессильно царапая ослабевшими пальцами шкуру поедающей его твари.

– Что стоишь? Жги ее! – заорал дезертир, среагировав первым.

Андрей не шелохнулся.

– А как же дед?

– Ему уже не помочь!

Оттолкнув от огнемета остолбеневшего Андрея, он клацнул механизмом и тут же выпустил струю газо-воздушной смеси. Тварь обдало распыленной жидкостью, которая вспыхнула еще до того, как попала на кожу твари. Дико и противно заверещав, тварь хрустнула мощными челюстями, а затем отбросила разодранные остатки тела в сторону. Еще раз взревев, она, сокращаясь, невероятно быстро скрылась в той же дыре, из которой выползла.

– Чего встали? Сваливаем! – снова заорал дезертир, толкнув меня в плечо. – Сомневаюсь, что эта тварь так просто от нас отстанет.

Я, оправившись от ступора, буквально запрыгнул в кресло

машиниста. Вдавив рычаг, я сдернул тормоз. Мотор взревел и дрезина резко дернулась с места. Катя едва не слетела с платформы, но ее удачно поймал за руку Дмитрий. Наш транспорт начал стремительно набирать скорость. Где-то позади снова раздался противный визг хищного червя.

– Жми! Жми вперед! – кричал Павел, разворачивая прожектор.

– Это чудовище за нами лезет! Скорее, скорее!

– Да куда быстрее-то? – огрызнулся я, пытаясь вдавить рычаг еще сильнее. Тщетно. Двигатель ревел так, словно сейчас выпрыгнет от страха. Дикий ужас объял меня. Я загривком чувствовал – тварь приближается.

– Макс! Быстрее! – крикнула Катя, направляя фонарь на ползущую позади тварь.

Я оглянулся и покрылся холодным потом. Тварь была совсем рядом. Огромная. Метров восемь, а то и больше. Извиваясь огромными зигзагами, разбрасывая попадающиеся препятствия словно игрушки, она догоняла. Огнемет не мог повернуться на сто восемьдесят градусов – мешало крепление, а вот пулемет "ДШК" мог. Но бледный Андрей, в ужасе глядя на червя, почему-то бездействовал. Павел схватил лежащий в оружейном ящике Калашников, щелкнул затвором и дал две короткие очереди – после чего автомат заклинило. Тварь почти никак не отреагировала.

– Зараза! Осторожно!

Червь догнал дрезину! Хлестким ударом сбоку, он видимо хотел столкнуть дрезину с рельс, но не рассчитал своих сил. Попробуй-ка тонну с центнером столкни…

Наконец, Дима спохватился, рванул через всю дрезину к корме, и стянул брезент с крупнокалиберного пулемета. Щелкнув затвором, он не раздумывая, нажал на гашетку. Загрохотало. Пули устремились к червю. Некоторые срикошетили, другие вошли в черную блестящую плоть. Полетели брызги, клочья черного мяса. Тварь заверещала в очередной раз, но теперь как-то жалобно. Червь тут же прекратил преследование и свернул куда-то в сторону, быстро скрывшись из вида.

– Уполз? – крикнул дезертир, вылезая из-за огнемета. – А, получи, тварь!

– Кажется, да. Свинец ему, похоже, противопоказан.

Дрезина сбавила ход – топлива осталось немного, а на таких оборотах оно выгорало очень быстро. Чтобы хоть как-то слышать друг друга, приходилось кричать.

– Как такое может быть? Это же нереально! – Катя кричала, хотя рядом с местом машиниста, шум мотора ей не особенно

мешал. – Как вообще подобные твари могут существовать?

– На таких глубинах…

– Причем здесь глубины? Как это объяснить? Вы видели? Это же червь! Гигантский! – тут уже Павел не выдержал. – Он сожрал человека. Живьем! Его пасть – она такая мерзкая… Жуткая. А шкура? От него же пули Калашникова отлетали. Если бы не этот "ДШК"…

– Тварь таких размеров… Ее внешний вид. Чем она вообще питается?

– О боже! – Елена Андреевна шумно дышала, с трудом контролируя дыхание. – Я слышала об этом.

– Что именно?

– В середине семидесятых, в *"Астре"* проводились генетические эксперименты с различными видами дождевых червей.

– Эксперименты? Каких червей? Дождевых? Вы хотите сказать, что вон та тварь – дождевой червь?

– Возможно – да, но…

– Если это результат тех экспериментов…

– О боже! Держитесь! – заорал дезертир, едва сменивший меня у руля.

Я увидел, как впереди вздулась земля, а из-под поднявшихся деревянных шпал, показалась морда того самого дождевого червя. Дрезина лишь чудом проскочила по разваливающемуся на части железнодорожному пути. Из-за сильного удара, переднее шасси с диким скрежетом сломалось. Повалил сноп искр. Ход быстро замедлился.

– Черт! Все! Дрезина почти накрылась!

Червь, где-то позади, снова противно заверещал и бросился вдогонку. Дмитрий встал обратно за пулемет. Прозвучали две длинные очереди, после чего закончились патроны.

– Проклятье! – вскрикнул Дмитрий, хлопнув по крышке затвора. Твари это не особо навредило. Или же она не чувствовала боли…

– Огнемет?

– Никак! Заклинило!

– Там, в оружейном ящике граната была! – вдруг крикнул Андрей. – О, черт, держитесь!

Червь, догнав, снова ударил корпусом по задней стенке грузового отделения.

Дима стрелял ей в пасть из Макарова, но свинец не мог причинить мутанту никакого урона.

Я, с трудом добравшись до ящика, пинком открыл его, выхватил оттуда темно-зеленую РГД-5. Выдернув чеку и кое-как, с

трудом удерживаясь, отправил гранату прямиком в черную пасть червя оказавшуюся совсем рядом со мной. Пара секунд и раздался гулкий взрыв, быстро закончившийся громким бульканьем. Голову червя, с хлюпаньем, разнесло на части, заляпав густой слизью стены и часть транспорта. Меня забрызгало с ног до головы зловонной слизью.

Дрезина по инерции проползла еще метров двадцать и встала.

– Эй, все целы? – спросил дезертир, заглушив мотор.

– Вроде, да! Катя, ты как?

– А? Нормально. Что с тварью?

– Кажись, все! – уверенно произнес Павел, освещая туннель фонарем. – Вон, ошметки на стенах!

И действительно, тварь без движения лежала на путевом полотне. Голову мутанта разметало в клочья, задняя часть уцелела. Даже после беглого осмотра, мы убедились, что длина червя не меньше восьми с половиной метров. Его шкура была очень толстой, покрытая хитиновыми пластинами. Она, подобно змее, отталкивалась мощными мышцами, развивая приличную скорость. Пули из автомата ему были почти не страшны, а вот из крупнокалиберного пулемета успели сделать несколько крупных рваных отверстий.

– И как с такими ранами он нас преследовал?

– Я, кажется, припоминаю, что у дождевых червей отсутствуют нервные окончания. Ему хоть хвост оторви, он будет жить дальше.

– Серьезно? Да если это так, то он, по сути, почти неуязвим. Если бы не граната. Перевариваться нам всем в его желудке – вот так забава.

– Какая сильная тварь. Неужели это и, правда, всего лишь дождевой червь?

– Нет. Уже нет. Генетика превратила его в жуткую хищную тварь. Скрестили несколько разных видов – скорее всего.

– Генетика и голод сделали его агрессивным. Ему нечем было питаться.

– Наверное, это та же тварь, что нападала на рабочих, во время строительства туннеля?

– Вполне возможно. Если да, то ему лет сорок, а то и больше. А сколько вообще живут черви?

– Какая разница сколько они живут? После экспериментов этот срок мог увеличиться десятикратно.

– Как же он жил все это время? И где?

– Большая загадка. В норе, где-нибудь. Но знаете, что-то не хочется мне искать его логово.

– Я вспомнила! – Елена Андреевна шумно вздохнула. – Проект *"Землекоп"*. В семидесятых годах его закрыли. Кажется, ожидаемого успеха они так и не достигли. Были какие-то проблемы. Часть исследуемого материала просто вывезли и бросили.

– А, тогда, получается, это тот самый выброшенный исследуемый материал? А, ну да, точно! Никакого заметного успеха они не добились! – нервно рассмеялся Дмитрий.

– Судя по всему!

– Ну, охренеть! А если он не один такой? – предположила Катя. – Если их тут таких много?

Никто не проронил ни слова. Ведь не исключено, что так и есть. В этих мрачных туннелях могла существовать еще не одна тварь. А встречи с новой тварью, никто не хотел. Абсолютно!

– Ребята, давайте-ка сваливать отсюда. Дрезина может ехать?

– Да, но мы пешком дойдем быстрее. Да и шума от нее…

– Тогда нечего тут шуметь, – дезертир посветил фонарем по сторонам. – Берем все необходимое, ноги в руки и бегом отсюда. До депо недалеко. Около километра, а то и меньше.

– Вынужден с вами согласиться, товарищи!

Глава 23. Штурм гермоворот

Полковник Зимин прибыл к укрепленным гермоворотам менее чем через шесть часов после доклада об уничтоженном энергоблоке. Его указания по поводу усиления были выполнены в точности до мелочей – Доронин хорошо постарался. Все Дзоты связаны между собой бетонными укреплениями, повсюду пулеметные точки, а у самих гермоворот даже была видна пара пушек, сорок пятого калибра Дзоты оборудованы крупнокалиберными пулеметами, путевое полотно заминировано. Колючей проволоки же использовали столько, что если ее переплавить, хватит на новый вагон, а то и два. Вся охрана на постах, организованы патрули близлежащей территории. Даже снарядили отделение огнеметчиков – живых танков, вооруженных пневматическими распылителями с горючей смесью.

– Майор, ты хорошо постарался. – Произнес полковник. – Но не рекомендую расслабляться. Эти диверсанты очень коварны. Они где-то в туннелях. Всего несколько часов назад мы потеряли запасной реакторный блок.

– А еще с одним из ближайших аванпостов, тридцать шесть часов назад, была потеряна связь. – Доронин посчитал, что об этом Зимину тоже не помешает знать. – Я отправлял туда патруль, но они нашли только тела.

– Почему сразу не доложил?

– Доложил бы. Да связи нет.

– Да, точно. Я помню. Где это произошло?

– В двух километрах к западу, на распутье.

– Это там, где недостроенный технический туннель к реакторному залу?

– Да. Как вы думаете, они появятся тут?

– Непременно! Другого выхода нет. Ракетный комплекс, через который они вошли, теперь непроходим.

– Но это верх безумия. Им же тут не пройти!

– Они этого не знают. Поэтому и не пройдут!

Каково же было удивление часовых на внешнем аванпосте, когда мимо них, на бешеной скорости, с грохотом, пролетел чудовищный бронепоезд, оборудованный внушительным тараном. За ним следовали три вагона, под завязку загруженные бочками с топливом, ящиками и контейнерами. Пока начальник поста тщетно пытался связаться с командованием, из пролетевшей следом за бронепоездом дрезины открыли шквальный огонь из двух пулеметов. В клочья разлетелись две деревянных постройки, большая брезентовая палатка и вышка с установленными на ней прожекторами.

– Какого черта? Что это было? – подал голос один из выживших солдат.

– Это что, бронепоезд?

– Он самый!

– Но откуда эта махина и куда?

– Из старого депо! – начальник аванпоста вытер холодный пот со лба и тяжело опустился на табурет. – К гермоворотам! Связь есть?

– Радио уничтожено!

– Включить общий сигнал тревоги!

– Дезертир! Что дальше?

– Дальше? Мы немного подождем. Пусть наш состав доберется до пункта назначения, а заодно сократит число тамошних обитателей. Лезть туда сразу за грейдером – опасно. Сами под взрывную волну попадем.

– Ты уверен, что свод туннеля от взрыва не рухнет?

– Уверен!

– Ну, как скажешь. А что делать с газом?

– На ближайшем посту в любом случае есть комплекты РХБ защиты. Вот как раз на этот случай. Нам всего-то и нужно взорвать приводы гермоворот. А затем, облачившись в костюмы, проскочить в открытый туннель. Дрезины там есть.

– Макс, как думаешь, Зимин там?

– Я думаю да. Он наверняка в курсе, что реакторный зал уничтожен. Да и о бойне в карцере, скорее всего тоже. Если он и

занимался поисками тайной лаборатории Шевченко, то сейчас у него первоочередная задача не дать нам уйти. А ради этого он возьмет контроль над гермоворотами лично.

– Елена Андреевна, а вы знаете, где лаборатория вашего мужа?

– Нет. Но знаю, где документация! Все в ней. Но лучше, пусть она и дальше лежит там, где ее оставил мой муж.

– Нам она и не нужна. Главное, чтобы ее никто из людей полковника не нашел.

– Так и будет!

– Хорошо.

В этот раз мы приближались с другой стороны, по параллельному туннелю. Миновав несколько аванпостов, по которым щедрый на свинец дезертир, открывал огонь без раздумий, мы остановили дрезину на самом последнем. Судя по вновь вспыхнувшим красным лампам, на объекте снова была введена тревога. И скорее всего из-за нас. Поначалу, Павел взялся помогать бывшему военному расстреливать попадающиеся на пути посты. Однако, вскоре отказался от этой затеи, экономя боезапас.

Нам несказанно повезло. Мало того, что до самого Депо больше никаких червей нам по пути не встретилось, так еще и бронепоезд дезертира был все еще на ходу. А у выезда из депо обнаружилась забытая патрульная дрезина, с двумя крупнокалиберными пулеметами "Утес" и почти полным боезапасом. Транспорт был защищен приваренными к корпусу толстыми листами металла, образуя что-то вроде щитков. За ними вполне можно было спрятаться в случае неожиданной атаки. Это конечно не броневик, но и то хорошо.

– Пожалуй, пора. Прошло четыре минуты! – Андрей то и дело поглядывал на часы.

– Рано! Сначала мы должны услышать взрыв! – отмахнулся дезертир, быстро рассовывая по оружейным ящикам боеприпасы.

Несмотря на то, что сначала показалось, будто он никак не заинтересован в успехе, военный проявлял характерное упорство и настойчивость. Ведь это его план сейчас реализовывался в полной мере.

Где-то вдалеке раздалась серия взрывов, стрельба. А затем, буквально через пару секунд, громыхнуло так, что отовсюду с потолка посыпалась пыль и мелкая крошка. Туннель содрогнулся, по нему прокатилась волна горячего воздуха. Дрезина скрипнула, чуть откатившись назад.

– Вот теперь – пора! Быстро все внутрь! – скомандовал дезертир.

Но почти все и так уже были внутри, сидели наготове.

– Ну, поехали. Всем приготовится! Головы не поднимать!

Взревел мотор, дрезина резко дернулась и начала стремительно набирать ход.

Сто метров, двести. Пятьсот! Впереди показались горящие обломки, упавшие камни, сошедшая с рельс покореженная платформа, треснутые почерневшие бочки. По потолку туннеля расстилался густой дым, с отчетливым запахом жженой резины. Чем дальше – тем больше было дыма, но весь он стелился по потолку. Путь уцелел, как и предполагалось. Справа и слева виднелись воронки от взрывов – судя по всему от мин. Тяжелый грейдер разбрасывал их в стороны как кегли. Именно они и взрывались первыми, не нанося при этом существенного урона летящему вперед тяжелому бронепоезду.

Сам электровоз, точнее, то, что от него осталось, лежал почти у самых гермоворот. Грейдер сделал свое дело – сейчас, его оторванная конструкция, словно гигантский консервный нож, воткнулась в один из центральных Дзотов, развороти и бойницу и оружейную обслугу вместе с пулеметом. А вот обе грузовых платформы, битком загруженных бочками с топливом и ящиками с недоделанными снарядами, даже не доехали до первых укреплений. Да это собственно и неважно – взорвавшееся топливо буквально выжгло чуть ли не всю линию обороны. Третий вагон лежал в дальнем конце крайнего пути, изуродованный до неузнаваемости – только шасси и уцелело. Чудо – что он вообще проскочил через две сошедших с рельс платформы.

К такому люди охранявшие периметр были совсем не готовы. Склад топлива, пусть и небольшой, заботливо перенесенный Дорониным в дальнюю часть укреплений, уцелел бы, да рухнувшая часть свода похоронила его вместе со всей восточной линией Дзотов. В густом дыму можно было различить и несколько мертвых тел, погибших от сильных ожогов. Похоже, несмотря на готовность, а также введенную на объекте тревогу, многие не успели спрятаться, а может, из-за излишней самоуверенности, и вовсе не посчитали это необходимым.

Часть свода все-таки рухнула. Установленные по периметру мощные прожектора, даже после такого объемного взрыва в большинстве уцелели, продолжая освещать затянутую дымом пещеру. Наша дрезина шустро проскочила между обломков одной из платформ, горящих бочек и обрушившихся каменных глыб. Уткнувшись носом в импровизированный заслон, дрезина остановилась.

– Тихо! – негромко, но так, чтобы все услышали, произнес дезертир.

Осмотревшись – живых никто из нас не обнаружил. Но это только так показалось.

Едва мы начали выбираться из дрезины, по нам открыли огонь с кое-как различимого в дыму деревянного моста, переброшенного через путевое полотно, на подъезде к гермоворотам. Вряд ли кто-то стал бы стрелять просто так – нас заметили. Еще одна очередь пролетела совсем рядом, часть пуль срикошетили от защищенных бортов в разные стороны.

– Ну, чего встал? Стреляй! – Андрей окликнул Караваева, стоящего у пулемета.

Парень послушно развернул "Утес" в нужную сторону и открыл огонь. Деревянный мост за считанные секунды разнесло в щепки. Стрельба оттуда прекратилась.

Минуты полторы все было спокойно, однако затем, заработал пулемет откуда-то справа. Чуть позже – еще один – судя по всему ручной. Стрельба велась не прицельно – похоже, в густом дыму сложно было нас разглядеть. Пули летели лишь бы как, по большей части даже не попадая по дрезине. Павел снова открыл огонь, ориентируясь на вспышки вражеских пулеметов. К нему присоединился Дима, ведя стрельбу из носового пулемета. Кое-как подавив вражеский огонь, они бросили дрезину, скатившись под нее. Еще одна очередь прошлась по ее корпусу, срикошетив в разные стороны.

– Быстро, все за мной! Тут нельзя больше оставаться! – крикнул дезертир, схватил лежащий на ступеньке автомат, после чего, пригнувшись, бросился к обломкам электровоза. За ним последовала Катя и Елена Андреевна. Я, таща на себе несколько связок динамита, рванул другим путем между обломками камней. Где-то сверху неожиданно грохнула пушка – через мгновение дрезина развалилась на части, объятая пламенем.

Андрей последовал за мной, но был вынужден на половине пути спрятаться за бочкой – где-то впереди залег снайпер.

– Дезертир! – крикнул я, указывая пальцем. – Там!

В дыму я успел увидеть только его спину. Бывший военный торопливо скрылся между бетонными укреплениями. Едва я высунулся из-за укрытия, по мне тут же открыли огонь. С минуту я сидел тихо, но после очередной попытки сменить позицию, пришлось вновь залечь за камень.

– Черт! – выругался где-то сзади меня Андрей, убедившись, что попал в ту же ситуацию.

Надо было срочно что-то предпринять. Пока мы находились под прицелом невидимого снайпера, нам никуда не деться из-за укрытий. А в это время нас, возможно, уже обходили другие

противники.

Вдруг, позади меня, раздался сухой, хлесткий выстрел. Второй. Третий. После каждого выстрела очередной прожектор прекращал свою работу, плюясь во все стороны стеклянными брызгами. Становилось все темнее. Стрелял кто-то из наших – кому еще понадобилось стрелять по прожекторам? После шестого выстрела я, наконец, приметил, где засел вражеский снайпер. На дальней стене, у самого края, на импровизированном балконе сидел стрелок. Снизу, к нему, по стальной лестнице стремительно взбирался дезертир. Что было дальше, я уже не увидел, так как недалеко от меня, из ближайшего Дзота вышел огнеметчик. Одетый в длинный тяжелый плащ, из огнеупорного материала, тот сразу же выпустил раскаленную струю пламени.

В ужасе осознав, что сейчас прожарюсь до хрустящей корочки, я резко отпрыгнул в сторону, скатившись в канаву между железнодорожными путями. Горячая струя пронеслась мимо, едва не задев меня. Упругая волна нестерпимого жара прокатилась через меня, да так, что перехватило дыхание. Двинувшись следом за мной, огнеметчик не заметил прятавшегося справа Андрея. Тот терпеливо ждал, пока противник пройдет мимо. Дождавшись, парень прицелился и выстрелил в висящий на спине солдата баллон со смесью. Пуля пробила его без проблем. Брызнувшая под давлением жидкость тут же вспыхнула, объяв пламенем самого огнеметчика. Дико крича, он тяжело бросился куда-то вперед, но пробежав всего несколько метров, похоже, угодил на мину. Взрывом его остатки разметало по сторонам.

– Упаси его господи… По частям! – фыркнул Андрей и тут попытался пошутить, причем, весьма удачно.

Рванув ко входу в Дзот, он поманил меня за собой. Я бросился следом, еще не успев до конца сообразить, что с огнеметчиком покончено, а сам я не превращусь в подрумяненный на гриле бифштекс.

Так как по нам никто не стрелял, я сделал вывод, что дезертир успешно объяснил спрятавшемуся снайперу, что нельзя стрелять по людям, особенно если они этого не хотят.

Оказавшись внутри задымленных укреплений, мы кое-как заметили с другой стороны проскочивших Павла и Дмитрия. Те уже успели обезвредить еще одного солдата вооруженного ручным пулеметом. Бросившись в ту же сторону, откуда стрелял снайпер, мы увидели Катю. Она с остервенением била сломанным прикладом Калашникова по лежащему рядом окровавленному солдату.

– Кать, все! Все! Успокойся! – Дима ухватил ее за руки,

оттащив от полумертвого человека.

– Он… Он Лену застрелил… – яростно кричала девушка. – Сволочь!

– Что? Как?

Елена Андреевна лежала в проходе. Ее живот был окровавлен. Похоже, выбежав в проход, она случайно попала под автоматный огонь. Солдат, встретившийся у нее на пути, от неожиданности веером выпустил целую очередь. Дмитрий склонился над раненой женщиной.

– Жива? – с надеждой спросил я.

Тот отрицательно покачал головой.

Ну, вот и все. Жена подполковника Шевченко, пусть и вот так, но все-таки выполнила свой долг – о тайне ее мужа уже никто не узнает. Полковник Зимин ничего не получит. Он может вечно искать тайную лабораторию.

– Нужно уходить! – произнес Андрей. – Для нее мы уже ничего не сделаем.

– Туда! Быстро! Динамит не забудьте.

Прихватив с собой связку с динамитными шашками, мы бросились вперед, через всю линию бетонных укреплений. Я в ужасе осознал, что строя все это, полковник как будто бы готовился к настоящей войне. Осознал это только сейчас. Не слишком ли круто, а? Такая мощь, чтобы просто не дать сбежать группе диверсантов? Как бы не так. Укрепления строились для других противников, гораздо более серьезных. Или для того чтобы держать тут постоянную оборону.

В последнем разбитом Дзоте, прямо в раскрошившейся бойнице лежал внушительный грейдер, смявший пулемет, а заодно и стрелка, словно детскую игрушку. Метров через тридцать укрепления закончились – мы выскочили через бетонную арку, которую закрывала стальная дверь без замка. Справа лежал развороченный взрывами горящий электровоз нашего бронепоезда, а слева можно было различить громаду гермоворот.

– Вот они! – задыхаясь, произнес Дмитрий, осматривая их.

– Динамит! Где динамит? – неожиданно откуда-то появился порядком потрепанный дезертир.

– Вот он! У меня.

– Приводы видите? Там! Они ржавые! От хорошего взрыва их сорвет. Дай сюда! – он отобрал у меня связку, после чего бросился к гермоворотам.

– А нам что делать?

– Ищите защиту. Где-то в Дзотах должны быть, – крикнул он. – У вас три минуты.

– Быстро, туда!

Мы бросились дальше. В первом же Дзоте действительно обнаружились ящики с ОЗК, противогазами, плащами и сапогами. Без размышлений, каждый начал одеваться в защиту. Ровно через три минуты внутрь Дзота вбежал дезертир.

– Готово! Сейчас рванет! – с улыбкой заорал он.

– Одевайся! – Андрюха толкнул к нему ящик со снаряжением. – Времени мало.

– Нет, спасибо! – неожиданно заявил военный. Он заявил это со странной, загадочной улыбкой.

– Ты в своем уме? Одевайся! Отравишься! – Дмитрий дал ему пощечину.

– Мне не надо. Я дальше не пойду! – произнес тот, никак не отреагировав на физический контакт. Дезертир просто закрыл ящик и уселся на него сверху.

– Дурак, что ли? С ума сошел?

– Нет! Все нормально. Просто… Некуда мне идти! План, который я хотел реализовать много лет, наконец, выполнен. Все!

Совсем рядом раздалась серия гулких взрывов. Через пару секунд – еще одна.

– Одеть противогазы! Живо! – крикнул я, натягивая на голову резину.

Дезертир только продолжал загадочно улыбаться.

Но то, что произошло дальше, стало полной неожиданностью для всех нас.

Нет! Неожиданностью стало вовсе не появление клубов зеленоватого едкого дыма, а мощные потоки холодной, почти ледяной воды. Самой обыкновенной воды. Огромные гермоворота, со скрипом и лязгом кое-как открылись, а затем и вовсе рухнули вниз, частично перегородив туннель. Внутрь сразу же устремился сильный поток воды. Похоже, никакого газа за гермоворотами никогда и не было. Хитро придуманный кем-то миф – не более. Туннель за ними был просто затоплен водой. Намеренно или в результате действия грунтовых вод – неизвестно. Но если Зимин отправлял туда своих людей, то он наверняка был в курсе ситуации.

– Держитесь! – промямлил Павел, через слой резины.

Кто успел, тот и удержался. Дзот мгновенно затопило.

Глава 24. Бешеная гонка

– Эй! Макс?

– Что?

– Там, за воротами большой туннель. Он открыт. Мы видели там дрезину, а может и не одну.

Дрезину, дрезину… Как меня они уже достали. Уже тошнит

от них. От названия и от вида транспорта. Неужели, нельзя было придумать какой-нибудь иной транспорт?

– Хорошо. – Я, почти без движения, стоял у тела распростертого бесчувственного тела захлебнувшегося дезертира. Мне было так противно на душе.

Этот человек даже не пытался бороться за свою жизнь. Просто не хотел. Тогда, после освобождения в карцере, его неожиданный порыв, желание помочь нам – все было сведено к одному – закончить когда-то начатое дело и умереть. Он решил это еще там. Ну не представлял человек своей жизни иначе. Нигде, кроме, как только тут, в *"Астре"*. Да и месть он все-таки осуществил – весь аванпост – большая часть армии полковника – был разнесен в клочья.

Мощный поток воды мигом потушил все пожары, а заодно смыл тела и живых и уже мертвых солдат. Огромная масса воды устремилась вперед по туннелям, сметая все на своем пути. Теперь, огромная пещера выглядела удручающе. Стало заметно прохладнее. Из двух десятков прожекторов уцелело лишь три. Света от них было немного, что делало картину еще более мрачной.

– Где же полковник? – спросил подошедший Андрей, ни к кому не обращаясь.

– Может погиб при взрыве? – не думая, предположил я.

– Ага, как же…

– Или утонул, как крыса… Хотя, нет. Такие сами не тонут, – процедил я, отбросив в сторону ненужный противогаз. – Он где-то здесь.

Позади нас послышался шум. Дмитрий и Павел все-таки нашли старую кое-как собранную из нескольких частей грузовую дрезину, завели ее и выкатили на основной путь. Сейчас она стояла метрах в тридцати от входа.

– Как она уцелела? Ведь все было затоплено. За столько лет она должна была сгнить до самой рамы.

– Не все! Вода была лишь до определенного уровня. Там герметичная дверь. Она самостоятельно открылась после спада воды, – крикнул Дмитрий. – Все это время транспорт просто стоял на стоянке. Законсервированный. Или заботливо оставленный до лучших времен.

– А там еще есть?

– Да, и много. Там целая стоянка. Но все на замках. Лишь эта дрезина свободна. Думаю, это та техника, с помощью которой сюда все доставлялось.

Павел торопливо смахивал густую паутину и грязь с дрезины.

– Даже топливо есть. – Довольно ухмыльнулся он, ударив

ботинком большую алюминиевую канистру.

– Странно. Столько лет прошло. А оно все целое?

Мы подошли к дрезине, где уже разместилась Катя, стягивая мокрые остатки ОЗК.

– Тут только один путь – вперед. Думаю, там должны быть еще одни ворота. Ведь вода, что копилась тут все эти годы, как-то должна была держаться под контролем.

– Кем?

– Кем-нибудь. Вспомните, что дезертир говорил? Дальше туннели, а что там не известно. Но люди там пропадали.

– А еще он говорил, что в туннеле газ! – заметил Павел. – Уж и не знаю, верить – нет?

– Давайте не будем о дезертире? Лишь благодаря его идее мы здесь.

– Может быть, просто поедем и посмотрим?

– Согласен. Но для начала, неплохо бы и какое-нибудь оружие поискать. Мало ли, вдруг пригодится. У меня только Калашников остался. И у Димки два пистолета.

– Да, Андрей! Я смотрю, ты без оружия уже никуда? – усмехнулся Дмитрий.

– Не мы такие, жизнь такая… Обстоятельства… О, черт! Глядите! – вдруг побледневший Андрюха ткнул пальцем в сторону рухнувших гермоворот.

Там, среди обломков, на уцелевшем пути, неподвижно стоял человек. Точнее не один – остальные только выходили откуда-то слева. Тот, что стоял посреди туннеля, был облачен в какой-то странный, высокотехнологичный костюм.

– Полковник Зимин! – прошептал я, узнав облик. Ведь мне уже довелось видеть подобный костюм. В кабинете у полковника при первом допросе.

– Эй! Вы! Диверсанты! – раздался громкий знакомый голос.

Никто из нас не ответил. Да это было и не нужно.

Позади полковника собирались его люди. Те самые "Волкодавы", про которых говорил дезертир. Те самые, что нашли нас у складов. Их было всего пятеро.

– Я к вам обращаюсь! – снова крикнул полковник.

– Какого дьявола тебе нужно? – не выдержал Андрей.

– Ваши головы! – прорычал он. – Вы что, думали, сможете так легко проникнуть на секретный объект, устроить погром, а затем тихо уйти? Нет! Не сегодня! Хватило прошлого раза! Взять их!

Позади "Волкодавов" показалась тяжеловооруженная дрезина. Я почему-то сразу представил, что будет дальше… Погоня, расстрел… А впрочем… Это мы еще посмотрим!

– На дрезину, живо! Павел, жми!

Тот мгновенно выполнил приказ.

Наша дрезина взревела двигателем и пришла в движение. В пятидесяти метрах от нас, "Волкодавы" и маньяк Зимин грузились на свой ощерившийся стволами транспорт.

Мы быстро набирали ход. Двигатель работал исправно.

У меня в голове проскочила светлая мысль о том, что их транспорт не смог пройти через обломки рухнувших гермоворот, но, как говориться, не судьба! Дрезина не только прошла, но и показавшись из-за поворота, начала уверенно догонять. Однако вражеские пулеметы по неизвестной причине молчали. Какого черта задумал полковник? Поймать нас живьем, без единого выстрела и потом замучить до смерти? Нет! Такого не случится!

– Быстрее! Павел, быстрее!

– Не могу. Все что есть.

– Так они нас скоро догонят…

– Андрюха, стреляй! – крикнул Дмитрий. – Стреляй!

– Да толку? – возразил он, опустив автомат. – Посмотри на их транспорт. Она бронированная вся.

Дрезина действительно оказалась не простой. Если не вдаваться в подробности, то это был полноценный броневик, к тому же вооруженный аж тремя пулеметами "Утес". Если им дать залп, нас, вместе с транспортом, в клочья порвет.

Пока мы мчались вперед, я не без восхищения оценил их дрезину. Уродливая, хорошо защищенная платформа, на мощном шасси и с форсированным двигателем. Несколько смотровых отверстий, затянутых стальной сеткой, большой откидной люк на крыше. И массивный бампер. Для чего такой транспорт был необходим полковнику? Вероятно для того же, для чего много лет назад разрабатывался бронепоезд, с грейдером.

– Макс! – Андрей хлопнул меня по плечу. – Глянь! Вот, захватил с собой. У дезертира в сумке осталось.

Он показал мне три связанные между собой шашки динамита.

– Отлично! – обрадовалась Катя, увидев трофей.

– Этого мало, – неуверенно покачал я головой. – Такую махину динамитом не возьмешь. Слишком тяжелая, чтобы перевернуться. Вот если бы внутрь ее… Но некуда. Все сеткой затянуто.

– Осторожно, почти догнали! – предупредил Дима.

Через пару секунд этот стальной монстр врезался в наш транспорт с такой силой, что мы едва устояли на ногах, несмотря на то, что были готовы. Брызнули яркие искры. От толчка скорость резко возросла. Вся конструкция нашей дрезины вздрогнула, словно умирающий в конвульсиях титан. Двигатель

взревел и тут же заглох. В широком смотровом отверстии, я увидел хищный оскал полковника. Тот злобно рассмеялся, затем дал какую-то команду водителю. Павел, ругаясь, снова завел двигатель, при этом, едва не сломав его.

– Они от нас не отстанут! – Андрей все-таки выхватил автомат и дал очередь по корпусу. – Твари!

Все пули срикошетили в разные стороны, не причинив дрезине никакого вреда.

– Уроды!

– Ну, можно же что-то сделать?

– Что? Оружия у нас почти нет. Наш транспорт – в три раза легче этой бронированной дуры.

Две дрезины летели вперед по темному туннелю на бешеной скорости, одна за другой. Возможно, со стороны это и была эффектная и зрелищная картина, а вот изнутри…

Удар! Еще один!

Рама, то ли плохо закрепленная, то ли треснутая в результате сильного удара сорвалась с креплений. Из-под днища нашей дрезины полетели снопы искр. Сломалась балка удерживающая платформу на раме. Что-то заскрипело. Лязгнуло. Уложенный на полу дощатый настил частично рассыпался. Часть досок упали вниз, часть еще кое-как держались. Мы едва успели ухватиться за борта, чтобы не провалится под днище.

Расположенный на носу двигатель работал на последнем издыхании. Скорость начала падать. Но из-за того, что вторая дрезина продолжала движение, постоянно ударяя первую, скорость, то и дело подскакивала обратно.

Еще пара таких ударов и дрезина развалится прямо на ходу. Если это случится, нас можно будет отшкребать от шпал, вместе со всем барахлом.

– Макс! – крикнул Дмитрий.

– Что?

– Есть идея! – он ткнул пальцем в висящий сбоку под днищем алюминиевый бак с топливом.

– Взорвать?

– Ну! Шашку динамита к корпусу и к ним на транспорт. Вспыхнувшее топливо сожжет дрезину к чертям. Вместе с этим ослом в погонах.

– Добро! – кивнул я, пытаясь вспомнить, а были ли вообще у полковника какие-нибудь погоны на плечах.

Дмитрий аккуратно перебрался к висевшему сбоку алюминиевому баку. Оторвал шланг, ведущий к двигателю, который работал на честном слове, толку от которого было немного. Лишившись горючего, тот секунд через тридцать заглох

окончательно. Ударом ноги он согнул защитную пластину, отогнул ее в сторону. Выхватив пистолет, он двумя выстрелами отстрелил оба крепления. С хорошо видимым усилием, он втащил бак внутрь.

– Ты чего творишь? – крикнул Павел, вытаращив глаза, не понимая, что происходит.

– Шкуры наши спасаю! – махнул рукой Дима, а затем знаками попросил у Андрюхи шашку динамита.

Куском проволоки он примотал шашку к ручке бака, а затем, оторвав часть бикфордова шнура, поджег его от летевших снизу искр – шнур вспыхнул мгновенно.

– Помоги! – крикнул он мне.

Ухватив бак, мы изловчились и швырнули его прямо под колеса догоняющей дрезины.

Тот, тяжело ударившись о правый рельс, отскочил прямо под переднюю штангу боевой дрезины, да там и застрял.

– Получайте! Черти! – крикнул Дмитрий.

Застрявший под дрезиной бак, с лязгом дребезжал где-то между штангой и мощным бампером. В дрезине поняли – что-то не так. Люк открылся и оттуда высунулся полковник Зимин.

– Эй! Вы что, всерьез думаете уйти безнаказанными? – заорал он. – Вот я вас!

Разумеется, в таком грохоте его никто не услышал. И ответа полковник тоже не дождался.

Дмитрий потянулся за Макаровым, но Зимин его опередил.

Раздался выстрел и Дмитрий вскрикнул, выронив пистолет. Его тело мешком повалилось за борт.

В тот же момент обе дрезины вздрогнули. Бак с топливом рванул так, что вырвавшееся из-под колес пламя и сноп искр на мгновение превратили бронированный транспорт в адскую колесницу. Передняя часть подпрыгнула, но, почти сразу же встала обратно, продолжив движение, при этом ощутимо сбросив скорость.

– На, получи, тварь! – радостно вскрикнул Андрюха.

Вспыхнувшее топливо объяло всю нижнюю часть. Из внутренности дрезины, несмотря на грохот, послышались истошные крики. Из смотровых отверстий вырвалось пламя, повалил густой дым.

– Димка! – я едва успел ухватить его за левую руку. Если бы не успел, парень вывалился бы наружу, прямо под колеса.

Он был ранен. Правое плечо было окровавлено, но куда попала пуля, сложно было судить. Тем более в такой экстремальной обстановке.

Вместе с Пашей, мы кое-как втащили его обратно. Кое-как

уложив парня на уцелевшую часть настила, мы увидели, как из открытого верхнего люка горящей дрезины, валили клубы густого белого дыма. А затем оттуда показался Зимин. Его злобная морда была перекошена от бешенства. Отчетливо различались обширные ожоги на лице. Он, крича, с остервенением сорвал с головы шлем, отбросил в сторону и начал вылезать наружу.

Сейчас бы дать газу, чтобы оторваться от них, но, ни бака, ни топлива, ни работающего двигателя уже не было. Он превратился в бесполезный кусок металла, не способный даже на толику добавить нам скорости.

Я сразу же понял, что задумал полковник – перепрыгнуть к нам. Их пылающий транспорт представлял серьезную опасность – еще немного и боеприпасы внутри горящего транспорта сдетонируют от высокой температуры. Тогда ее разнесет на части, словно спичечный коробок петардой. А заодно и нам тоже достанется.

Зимин, злобно щурясь, все-таки выбрался наружу. Сползая по корпусу дрезины, он держался так, словно бы ничего не произошло. Из открытого люка показался второй человек. Ни шлема, ни противогаза на его лице уже не было, поэтому я сразу узнал его – это был Доронин. Волосы на его голове оплавились, а вся правая щека и шея были сплошным вздувшимся волдырем. Лицо перекошенное от боли, тем не менее, выражало еще и дикую ненависть.

В руке у полковника блеснул пистолет. Но Андрей был начеку. Он вскинул автомат с остатками патронов, беря на прицел полковника. Однако в этот момент, прятавшаяся в носовой части дрезины Катюха, истошно завопила:

– Держитесь!

Андрей, не успев выстрелить, интуитивно обернулся. То же сделал и я. Еще не успев ничего увидеть, я какой-то частью мозга уже понял – сейчас мы во что-то врежемся. Так оно и случилось. Постепенно сбавляющая ход дрезина, преследуемая горящим транспортом, на большой скорости налетела на огромную кучу слежавшегося песка, неизвестно откуда взявшуюся прямо на железнодорожном пути…

Если бы куча была свежей, то дрезина влетела бы в нее, как нож в масло. Но в нашем случае все оказалось наоборот. Дрезина слетела с рельс и, заваливаясь на бок, рванула дальше, подскочив, словно на спортивном трамплине.

В то же мгновение, Зимин, оттолкнувшись, резко прыгнул вперед, выставив руки перед собой. Пространство и время словно слились в одно целое, а затем практически одновременно загустели. В какой-то момент, понимая, что не удержусь, я

вскинул голову и увидел пролетающего мимо меня полковника, с перекошенным то ли от боли, то ли от страха лицом. А дальше, все многократно ускорилось: Дрезина перевернулась, при этом все-таки разломившись пополам. Катя и Павел вывалились сразу, прямо так, через накренившийся борт. Андрей, попытался прикрыть собой бесчувственного Димку, но сумел лишь проконтролировать свое падение прямо в рассыпавшийся поддон. Мимо, прямо на место водителя, с грохотом свалился полковник. Практически сразу, с диким, грохотом, хрустом и скрипом вторая дрезина налетела на обломки первой, раздавив ее. А затем вторая дрезина все-таки взорвалась. Все смешалось в объятую огнем кучу металла.

Едва крушение закончилось, как на меня сверху обрушился обезумевший от боли и злости майор Доронин. В результате аварии, он лишился левой кисти, получил ожог всей правой части головы, шеи и плеча. В правом предплечье из руки торчал стальной, окровавленный обломок. Комбинезон майора дымился в нескольких местах. Но даже пребывание в таком состоянии не отбило у него желание поквитаться с диверсантами. При неудачном стечении обстоятельств, на его пути первым оказался я.

При крушении транспорта я неудачно выпрыгнул из разваливающейся на части дрезины так, что упал, не успев сгруппироваться. В результате, кажется, порвал сухожилие на левом локте. Острая боль и практически полное ограничение подвижности руки на мгновение лишили меня сознания. А вдобавок, ударившись головой при падении, я, похоже, получил легкое сотрясение мозга.

Вооруженный ножом, Доронин чуть было не проткнул им мой живот, но я вовремя успел уклониться – лезвие скользнуло по пластиковой застежке комбинезона, не причинив вреда. Дико рыча, он хотел было повторить свой маневр, но не успел. Ударив его по ране, я добился того, чтобы он потерял равновесие. Взревев от боли, которую он все-таки чувствовал, майор выронил нож. В этот же момент я с силой оттолкнулся от земли ногами, сбросив с себя обескураженного Доронина. Тот потянулся за гранатой, висевшей на поясе, но поскользнулся в луже растекшегося масла. Понимая, что майор вполне готов покончить с собой, прихватив заодно и мою жизнь, я с трудом поднялся с земли. Уже сжимавший гранату в руке Доронин, столкнулся с проблемой – как вытащить чеку одной рукой? Поднявшись на колено, я быстро ухватил лежащую рядом стальную трубу, размахнулся и двинул ей по голове военного, пока тот еще соображал, как ему поступить. Брызнула кровь. Кажется, даже зубы полетели. Тело

мешком упало на землю. Граната выпала из его разжавшихся пальцев, откатилась в сторону.

– Тьфу! Зараза! – процедил я, отбросив в сторону окровавленную трубу. Тяжело дыша, я обессилено опустился на лопнувшую бочку, оказавшуюся рядом.

Вокруг было темно. Горящие обломки почти потухли – топливо быстро выгорело, а больше гореть там было нечему. Тем не менее, я различил впереди слева корпус взорвавшейся дрезины. Внутри еще что-то слабо горело. В открытом люке я увидел останки человека – похоже, кто-то из "Волкодавов".

Слева от меня находилась та самая куча песка, из-за которой и произошло крушение. Обломки нашей дрезины лежали с другой стороны, разбросанные хаотичным порядком. Справа, на куче я увидел тело Кати в неестественной позе. Она лежала без чувств, но, похоже, почти не пострадала.

Вдруг, где-то за кучей вспыхнул фонарь. Луч света хаотично забегал по стенам.

– Эй! Макс? Павел? Есть, кто живой? – послышалось оттуда. Судя по голосу, это был Андрей. Затем раздался удивленный возглас. И практически сразу прозвучал выстрел.

Подскочив с бочки, я, хромая и соскальзывая, взобрался на кучу и увидел полковника. Зимин лежал между обломков нашей дрезины. Его нижняя часть была придавлена частью тяжелой рамы, с остатками двигателя. В руке Зимин держал пистолет. Чуть дальше, на коленях, с фонарем в руках стоял Андрей. Я не успел рассмотреть, в него ли стрелял полковник, потому что в следующий момент Зимин резко повернулся ко мне.

– Ты! Вот я тебя сейчас… – прорычал он. Его лоб и щека были окровавлены, что в слабом, мерцающем свете добавило ему чудовищности. Он уже почти направил пистолет в мою сторону, готовый спустить курок. Но не успел… Позади него, прямо из-под обломков показался Павел. В его руках был тяжелый багор. Такой инструмент часто входит в перечень обязательного содержимого пожарных щитов. Павел, размахнувшись, с силой ударил им по руке полковника, да так, что, судя по хрусту, сломал и ее, и один из сервоприводов оэкзоскелета.

Зимин, скривившись от боли, с рычанием выронил пистолет, схватившись другой рукой за покалеченную конечность.

Я, облегченно выдохнув, сделал несколько шагов вперед, спускаясь к полковнику. Чуть в стороне на коленях сидел Андрей. Пуля попала ему в правое бедро. Андрюха, стиснув зубы, перематывал веревкой бедро выше раны.

– Ты как? – спросил я у него, переводя дух.

– Нормально, – скривившись произнес он. – Где Дима?

– Здесь! – Павел, отбросив багор, уже разбрасывал мелкие обломки, под которыми лежал Дмитрий.

– Там, на склоне Катя. Вроде цела, но без сознания, – произнес я. – Паша, как Дима?

– Жив. Без сознания. Но дышит. Пуля в груди. А, нет, не в груди. В плечо попала.

– Что ты на меня вытаращился, урод? – с презрением спросил Андрей, заметив лежавшего на земле без движения полковника.

Тот и вправду, схватившись за сломанную руку, почти не двигаясь, лишь поочередно переводил взгляд с одного на другого. Его ноги были придавлены тяжелой рамой. А после быстрого осмотра, я понял, что одна из ног еще и раздроблена.

Из-за кучи показалась Катя, отряхиваясь от мусора. Несмотря на то, что она была сильно потрепана, ей похоже досталось меньше других.

– Катя, ты как? – спросил Павел, приводя в чувство Дмитрия.

– Голова болит. Да все болит. Ох, черт! Что тут случилось?

А заметив полковника, недовольно скривилась и сплюнула.

– Эта скотина тоже уцелела?

– Как видишь!

– Андрей, ты как?

– Пуля в бедро – не страшно. Хотя конечно, очень больно, – сморщившись, произнес парень. – Шутить уже не буду. Нечем!

– А знаешь, твоих шуток как раз сейчас очень не хватает! – заметил я.

– Ага…

Дмитрия привели в чувство. Парень очень удивился, увидев последствия крушения обеих дрезин.

– Смотрю, мой план все-таки сработал?

– Да и очень хорошо. Ты молодец, – похвалила Катя. – Если бы не бак, неизвестно что было бы дальше…

– Хотя, эта куча… Откуда она тут? Уж не для того ли, чтобы все, что движется с *"Астры"*, падало с рельс?

– Вполне возможно. А вон еще кучи. Смотрите!

Действительно, дальше, во тьме туннеля можно было разглядеть и другие кучи с песком.

Я подошел к лежащему полковнику. Его лицо продолжало источать ненависть и лютую злость. Как же он нас ненавидел. И сейчас этот маньяк, погубивший столько жизней, лежал перед нами, беспомощный. А ведь у него была куча планов на будущее. Он был уверен в своем превосходстве.

Эта показуха на дрезине, нежелание стрелять по нам из пулеметов… Стремление взять нас живыми. Зачем это все? Да для того, чтобы схватив нас, вернуть обратно в *"Астру"*, показывать

оставшемуся населению: Мол, вот, глядите! Я же говорил, что дезертиры вернуться обратно, чтобы закончить то, что произошло в 1986 году. Мы были готовы и не дали им закончить дело. Мы молодцы. Вы молодцы. Так держать, товарищи. Вот что сказал бы Зимин, вернувшись на объект, если бы схватил нас живыми. А дальше нас ждала бы печальная судьба – бесконечные издевательства, пытки, унижения. В конце концов, мы закончили бы в карцере, где долгое время сидели дезертир с женой подполковника Шевченко.

– Ну что, полковник Зимин?! Хотя, какой ты полковник… – с вызовом произнес я, опустившись рядом с ним и подобрав его пистолет. – Теперь, ты и говорить-то не хочешь?

– Мне не нечего обсуждать с врагами… – злобно произнес он. Хотя, поговорить ему, конечно же, очень хотелось.

– С диверсантами, да? А ведь именно ты сделал нас диверсантами. Мы не соврали тебе, когда говорили о причинах нашего появления тут.

– Ложь! – выдавил он. – Наглая ложь!

– Нет не ложь! Но, так или иначе, мы все-таки связаны с профессором Штрассом… О, да, мы знаем кто это такой.

– Штрасс? – удивился Зимин. Его даже перекосило от услышанного.

– Да. А знаешь… Нам и другие фамилии известны. Лаптев, например. Или Шевченко. Картавин еще.

– Не знаю, откуда, но раз вы о них знаете, это подтверждает мою теорию – вы подосланные диверсанты. Диверсанты, которых проинформировали заранее.

– Представь себе, но это не так. Обо всех мы узнали здесь, после того как сбежали из изолятора, где ты собирался нас взять в клещи. Помнишь, какую команду ты дал Германову, по отношению ко мне, а? Нет?

– Помню. Как видно, этот малодушный слизень не решился выполнить поставленный приказ Я, признаться, даже не удивлен. Где он?

– Этот малодушный слизень поведал нам многое. Хотя, конечно, попытался запудрить мозги. Покончил с собой, не решившись рассказать все до конца. Но многое решила встреча с подполковником Шевченко.

– Что? Он еще жив? – неподдельно удивился Зимин, изменившись в лице.

– Нет. Давно уже нет. Он повесился. Оставив послание.

– Что за послание?

Совершенно очевидно, что полковник, страсть как хотел поговорить. Похоже, все произошедшие события тоже не давали

ему покоя. Причем гораздо больше чем нам. В разы. Ведь полковнику пришлось не только придумывать правдоподобную легенду, проработанную до мелочей. Ему было необходимо реализовывать дерзкий план, согласовывать его с коллегами. Агитировать подчиненных и гражданское население. Держать все в тайне. А заодно подбивать этот план под себя. Ведь у него тоже были свои хитрые мотивы. А когда неожиданно ситуация вышла из-под контроля и пошла под откос, ему пришлось срочно предпринимать решительные действия. Разбираться в ситуации и думать… Очень много думать. Смерть Картавина, Лаптева. Предательство Штрасса. А еще эта психотропная яма будь она не ладна…

– Неважно уже. Там-то он рассказал о вашем плане.

– Ублюдок! – несдержанно пробормотал сквозь зубы полковник. – Я знал, что ему нельзя доверять. Нужно было его пристрелить еще тогда, в 1984 году.

– Зачем же так грубо? Этот офицер сделал все, чтобы ваш план провалился. Ты, наверное, не сообразил, что вас со Штрассом просто столкнули лбами, как глупых детей?

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что Штрасс, спустившись сюда, просто перестраховался, решил лично осмотреть объект, который вызвал здесь массу галлюцинаций, что привело к первым смертям. Он уже тогда знал, что это такое. Они хотели взять источник под контроль… Ведь они уже сталкивались с подобным в Монголии. Вполне возможно, что и место постройки всей *“Астры”* тоже было выбрано не случайно. Когда же они все-таки добрались до источника, произошел выброс. Случайный или целенаправленный – уже под вопросом. Но именно поэтому большинство обитателей *"Астры"* подверглись воздействию. Вы же восприняли это как предательство со стороны Штрасса. Атака ваших людей привела к настоящей бойне. Он, не поняв, что произошло, посчитал, что вы с Лаптевым решили прибрать все к рукам сами. Чтобы спастись, он со своими людьми, раздул огонь, а когда началась бойня, попытался сбежать.

– Продолжай.

– А дальше, отец Германова разработал сыворотку, которая значительно ослабляла действие излучения. Ваши люди полезли к полигону, чтобы убить Штрасса. Но тот чудом сумел сбежать. Лаптев, вместе с солдатами преследовал Штрасса, перебив всех его людей. Загнав его в ракетный комплекс, он попытался расправиться с ним. Но у него не вышло. Лаптев погиб. Спустившись в комплекс, мы нашли его тело. А вместе с ним ключ и код доступа к *"Бункеру № 17"*. Застрелив Лаптева, Штрасс

вернулся к бункеру, закрыв его. Затем взорвал метромост, запустил паровую машину и запечатал вход в *"Астру"* со стороны ракетного комплекса. Там же уничтожил механизм подъема решетки, а заодно взорвал и лифты, ведущие на поверхность. Далее – это уже мои предположения – он уничтожил все следы существования *"Астры"* и ракетного комплекса. Имея определенное положение, он добился того, чтобы военной и строительной техникой, все строения ракетного комплекса сровняли с землей. Территорию превратили в руины. Про них забыли.

Полковник закашлялся.

– Тела ваших людей и Антона Лаптева встречались нам почти на всем протяжении всего пути. – тут в разговор вступил Дмитрий. – Мы ломали голову, пытаясь понять, что же здесь произошло. И наконец, перед самым штурмом гермоворот, мы, наконец, сложили все части загадки вместе.

– И как же?– ехидно спросил полковник.

– Жена подполковника Шевченко.

– Лена? Ах, да. Я поместил ее в карцер. Зараза болтливая.

– Много лет назад. Но она выжила. И многое рассказала. Особенно, про ваш гениальный план.

– Наш план? Который?

– Тот, что подразумевал захват правительства столицы страны. – Победоносно заявил я.

– Даже так? – Зимин попытался имитировать удивление, но у него плохо получилось. То ли актер он был не важный, то ли от полученных ран.

– Да, даже так. О чем вы думали, разрабатывая его? Это же был Советский Союз! Вы хотели нажиться разработками *"Астры"*, чтобы потом выгодно их продать за рубежом. Так ведь? Захват правительства, вывод в город той военной техники на складах – это все так – ширма. Верно? Каждый из вас понимал, что это не прокатит. Не в этой стране. У каждого были свои цели. Но смысл был один – деньги! И вы все-таки решились его реализовать…

Пока я рассказывал, лицо полковника сначала побледнело, затем покраснело, а после начало зеленеть от злости. В конце моего рассказа, его все-таки прорвало.

– Ты щенок! Ты понятия не имеешь, что тут творилось, – вкричал Зимин. – Какие эксперименты проводились и что тут испытывалось. Какие тяжелые задачи перед нами ставились. Ежедневные ужасы, бесчеловечные эксперименты. Все диктовала гонка вооружений с проклятыми американцами. Наше правительство словно сошло с ума. Первоначальные задачи комплекса отошли на задний план. Да ты, ты же ничего не

знаешь. Здесь все не так однозначно.

– О! Эксперименты? – переспросил я. – Да, уж. Видели мы один из них. В виде дождевого червя. Восьмиметрового. Он живьем сожрал Черепанова. Ты же помнишь кто это?

– Начальник узла связи, – почти не думая, отозвался Зимин. – Он отправил то сообщение, после которого сюда спустился Штрасс со своей группой.

– А что ты с ним сделал, напомнить?

Зимин промолчал. Лишь злобно сверкнул глазами и шумно выдохнул.

– Давай, полковник. Теперь твоя очередь.

– Что тут говорить… Я смотрю, вы и так все знаете.

– Ну, например, что ты хотел найти в лаборатории подполковника Шевченко? – спросил Дмитрий.

Полковник обескуражено посмотрел на него. Этого вопроса он явно не ожидал.

– Какая теперь разница?

– Действительно. Теперь – никакой. Елена Андреевна погибла, а о местонахождении документов, с описанием расположения лаборатории ее мужа, только она знала. Ваш план уже никак не реализовать. Картавин погиб в бойне. Лаптев – тоже. Шевченко, земля ему пухом – аналогично. Остались вы со Штрассом. Ты еще ищешь лабораторию, но зачем? Не важно, не отвечай. Штрасс, все еще боится сунуться сюда. Ведь он понимает, что если все, что произошло тут по вашей вине – всплывет, ему достанется по полной. И поэтому, он хитро решил проверить, а вдруг здесь, внизу, уже все благополучно передохли? Его выбор пал на нас. Если так, то можно спуститься и стереть все следы. Хотя, конечно, все это безнадежно запоздало. Лет так на двадцать пять.

Полковник молчал, продолжая злобно сверкать глазами.

– Да, а кстати. Звание полковника ты сам себе присвоил? – спросил Андрей.

Зимин проигнорировал этот вопрос, удостоив парня лишь колючим взглядом.

– Все это время ты так и не докопался до истины полковник. А скажи, для чего ты решил отправить Шульгина, устроить саботаж запасного реакторного зала?

– Ненавижу… – злобно процедил он. Похоже, вопрос был задан правильно.

– Взаимно. Но я продолжу. Для того чтобы придуманная тобой легенда о диверсантах, снова ожила. Верно? Страх, всему виной страх. Страх, это все это время точил тебя словно червь, не давая покоя…

Он молчал. Лишь шумно дышал.

– Твои разведчики приносили ложные, сфабрикованные заранее сведения о действиях диверсантов. Ты обманывал своих людей. И скорее всего, если бы тебе удалось найти ту лабораторию, ты бы все-таки вывел технику на поверхность, так? А сам бы под шумок свалил бы со страны.

– Занятно… – недовольно хмыкнул полковник, как-то странно закопошившись здоровой рукой под платформой.

– За что же ты нас так возненавидел? – продолжил я, уже не сдерживаясь. – Ты наклеил на всех нас свою, придуманную модель о диверсантах. О предательстве. А почему?

– Чушь! Все чушь! Это секретный объект! Я обязан его защищать. И я это сделаю! – вдруг вскрикнул он.

Под обломками дрезины вдруг что-то зажужжало. Часть платформы пошатнулась. Зимин, неожиданно зарычав, ухватил ее здоровой рукой и, приложив титаническое усилие, столкнул в сторону. Высвободив одну ногу, а затем и вторую, Зимин поднялся в полный рост. Его комбинезон оказался полноценным экзоскелетом. Инновационная разработка, позволяющая добавить человеку столько силы и энергии, что… Именно он позволил ему нечеловеческим усилием сдвинуть платформу и освободиться. Раздробленная нога, сломанная рука – эти ранения хоть и были весьма болезненны, но экзоскелет успешно компенсировал эти нюансы. А еще, в левом бедре полковника торчали несколько шприцев. Похоже, обезболивающие, экспериментальные стимуляторы и бог весть что еще привело его в состояние бесчувственного киборга.

Я, так и не договорив, просто ошарашено смотрел на то, как этот маньяк невозмутимо вылезал из-под обломков, злобно сверля меня глазами.

– Я закончу то, что начал! – прорычал Зимин. Человеческого в его взгляде осталось мало. Что, черт возьми, он себе вколол?!

Прихрамывая, он сделал шаг ко мне. Еще шаг. Сервоприводы шумно жужжали. Полковник, несмотря на раны, с упорством безумного носорога, медленно шагал ко мне. Я поднял пистолет, собираясь выстрелить, но ничего не получилось. Затвор сухо клацнул.

– Что, патроны закончились? – хрипло рассмеялся Зимин, упорно продолжая идти. – Жалкий щенок!

Андрей, кривясь от боли, отыскал среди обломков автомат, вскинул его и дал короткую очередь в спину полковнику. После четвертого выстрела патроны закончились. Почти все пули срикошетили.

– Автомат тут не поможет! – прорычал Зимин, обернувшись. –

Этот прототип бронежилета не пробить.

Павел, ухватив багор, бросился с ним на полковника, но оступился. Удар получился слабым, не причинившим этому живому танку никакого вреда. Ударом руки Павла отбросило в сторону.

Зимин нагнулся, подхватил с земли увесистую деталь – часть двигателя – собираясь метнуть в меня этот снаряд…

Эпилог

Вдруг, откуда-то справа раздался громкий выстрел. Затем еще один. Еще один. Еще. Из темноты уверенно вышел человек в военной форме, с противогазом на лице. В руках он держал автоматический дробовик неизвестной модели и стрелял он по полковнику. Следом за ним показался еще один, с автоматом в руках.

– Говоришь, пули тебе не страшны? Пробить – да, невозможно. А продавить – вполне возможно. В голову даже стрелять не буду, хотя следовало бы… – раздался невнятный голос из-под противогаза. – Чтобы наверняка!

Стрелял тот явно не дробью. Я буквально увидел, как бронежилет продавило внутрь. Изо рта полковника брызнула кровь. Он простонал и рухнул сначала на колени, а затем и полностью, уткнувшись окровавленным ртом в кучу песка

– Ну, вот и все. Дело сделано. – Произнес человек в противогазе, подходя к нам, но, не опуская оружия.

– Кто вы? – спросил я, прерывающимся от волнения голосом.

– Разве еще не догадались? – при этих словах он снял противогаз с головы.

Это был профессор Вильгельм Штрасс. Хотя, какой он к черту профессор? Такой же преступник, как и Зимин.

– Вы?

– Да. Я знал, что рано или поздно вы появитесь здесь. Я знал, что ваше появление на объекте заставит Зимина действовать. И не прогадал. Как только открылись гермоворота – я понял, пора действовать. Добраться сюда не составило труда, тем более, что мы постоянно находились рядом.

Где-то справа что-то лязгнуло. Хрустнуло.

– Вы заперли нас здесь! – крикнул я.

– Это было необходимо, – невозмутимо произнес Штрасс. – Уж извините!

– Простить? – меня посетила мысль о том, что профессор спустился сюда уже в конце нашего разговора, и не слышал изложенного мной плана. Значит, если это действительно так, он не догадывается о том, что мы уже все знаем.

Однако следующие его слова, меня обескуражили.

Слева, снова что-то хрустнуло.

– Да. Впрочем, мои извинения вам, скорее всего уже не понадобятся. Видите ли, раз объект все еще функционирует, то так тому и быть. А вот то, что вы выманили оттуда эту сволочь… – он ткнул стволом в лежащего на земле полковника. – Большая удача. Убив его, я закончу начатое много лет назад дело. Про *"Астру"* никто больше ничего не узнает. Мы затопим ее, раз и навсегда. Правда, вы этого уже не увидите. Свидетели нам не нужны.

Штрасс поднял дробовик.

Уже собираясь спустить курок, он обернулся к своему напарнику, собираясь что-то спросить. Лицо неизвестного было скрыто. Как и тогда, в ракетном комплексе.

И в этот момент, со стороны сгоревшей дрезины раздался отчетливый звук заряжаемого оружия. Все мгновенно обернулись на звук. А уже через секунду раздалась пулеметная очередь.

Более двух десятков пуль двенадцатого калибра изрешетили и профессора Штрасса и его таинственного спутника.

Оба окровавленных тела безжизненно упали на землю.

Я облегченно выдохнул. Хотя, наверное – поторопился. Из-за горящих обломков дрезины, сильно хромая, показался изуродованный майор Доронин. Его лицо было изранено так, что узнать его было весьма проблематично. Его заметно шатало из стороны в сторону.

–Вы! – произнес он, с хрипом выдыхая воздух.

Мы молчали. Шок! А что тут скажешь?

– Вас всего четверо… – прохрипел он. – Где девчонка?

– Я здесь! – вдруг раздался ее голос откуда-то слева.

Катя стояла между обломков, держа в руках второй пистолет, оставшийся у Дмитрия.

– Подожди… – хрипло пробормотал Доронин, выставив перед собой уцелевшую ладонь. – Не стреляй.

– Почему?

– Потому что теперь у меня нет к вам претензий… Вы никакие не диверсанты. Зимин ошибся. Я все слышал.

Девушка опускать пистолет не торопилась.

– *“Астра”* перестала быть секретом… Вы, можете идти. Я не буду препятствовать.

– Майор, – начал было Андрей и осекся.

– Уходите отсюда! И никогда сюда не возвращайтесь.

– Ты спас всех нас!

– Я знаю… – он развернулся и сильно хромая, медленно двинулся обратно, в сторону гермоворот. – Простите меня! Простите нас всех.

Прошло несколько минут. Майор неторопливо скрылся во тьме туннеля. Доберется ли он до бункера?

– А кто это такой? – спросил Павел, пнув ботинком лежащего на земле профессора.

– Один из тех, кто в 1986 году устроил ту ужасную бойню. Это Штрасс!

– О, как! – присвистнул тот.

– Ребят, надо отсюда выбираться! Нам всем нужна медицинская помощь, – произнес ослабевший Дмитрий, сидя на бочке.

– Паша, как думаешь, как они сюда попали?

– Скорее всего, по воздуховоду. Сейчас посмотрю. – Он быстро двинулся в ту сторону, откуда они появились.

Через пару минут раздался его голос.

– Есть! Технический туннель. О, да тут еще и лестница! Я вижу свет.

– Лампы?

– Нет! Небо! Голубое!

– Что? Точно?

– Да. Только очень далеко. Метров сорок, наверное.

–Идем. Пора выбираться отсюда, – произнес я. – Мы слишком задержались здесь.

Через двадцать минут, все мы поднялись на поверхность. Был полдень. Голубое небо, яркое солнце. Замечательная погода. Чистый, прохладный воздух.

Вокруг стояли коровники. Заброшенные. А далеко справа, над крышами я увидел город. Большой город. Это была Москва.

Мы обнаружили стоящий у входа в один из коровников черный BMW X6. Это была машина профессора Штрасса. По соседству ней был организован дежурный пост – стояла палатка, несколько ящиков и мешков. Кто-то постоянно находился здесь, видимо ожидая открытия гермоворот.

Профессору ничего из этого больше не понадобиться.

Уже находясь в машине, я, снимая обувь, с удивлением обнаружил у себя на лодыжке едва приметный шнурок, с тщательно свернутой крохотной запиской. В ней значилось: *Максим, простите меня. Сыворотка, введенная вам – это незаконченный прототип… Германов!*

Сильная боль прострелила голову. Из носа потекла тонкая струйка крови. Какого черта?

Конец!